
ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Богдан Хмельницкий. - Его ссора с Чаплинским; его сношения с королем Владиславом и бегство в Запорожье. Хмельницкий в Крыму и получает помощь от хана. - Рада в Запорожье; Хмельницкий гетман. - Движение гетмана Потоцкого, его письмо к королю. - Битвы при Желтых Водах и у Корсуни. - Письмо Киселя. - Универсалы Хмельницкого и восстание хлопов в Малороссии. - Смерть Владислава. - Опасение Киселя насчет Москвы. - Первые сношения Хмельницкого с московскими воеводами. - Сношения его с польским правительством. - Переписка с Киселем. - Князь Иеремия Вишневецкий свирепствует против восставших русских. - Князь Доминик Острожский; письма его, киевского воеводы Тышкевича и Киселя. - Неудачи последнего относительно мирных переговоров. - Битва под Пилявцами. - Хмельницкий отступает от Замостья по желанию нового короля Яна Казимира. - Торжественный въезд Хмельницкого в Киев. - Поведение его на радостях. - Переяславские переговоры с комиссарами королевскими. - Приготовление к войне с обеих сторон. - Збараж и Зборов. - Мир. - Сношения Хмельницкого с Москвою. - Посольство Неронова в Украйну. - Писарь Выговский. - Посольство боярина Пушкина в Польшу. - Тимошка Акундинов у Хмельницкого. - Сношения его с князем Прозоровским, путивльским воеводою. - Посольство Протасьева и Унковского к Хмельницкому с требованием выдачи самозванца. - Непрочность Зборовского мира. - Нерешительность Москвы. - Польша старается поссорить Москву с козаками. - Новая война у Польши с козаками. - Битва при Берестечке. - Литва в Киеве. - Старания побудить Москву к решительному шагу. - Белоцерковский мир. - Сочувствие к делу козаков в Белоруссии. - Новые попытки Польши поссорить Москву с козаками. - Посольство Прончищева в Польшу и Пенцлавского в Москву. - Предлог к разрыву остается. - Хмельницкий считает Белоцерковский мир только перемирием. - Переселение малороссиян в московские украины. - Предложение Хмельницкому со стороны царя выселиться со всем войском в московские пределы. - События при Батого. - Затруднительное положение Хмельницкого: он сильно упрашивает царя принять Малороссию в подданство. - Посольство князя Репнина в Польшу для окончательных переговоров. - Царь объявляет Хмельницкому, что принимает Малороссию в подданство. - Собор по этому случаю. - Третья война Хмельницкого с поляками. - Дело под Жванцом. - Посольство Бутурлина в Малороссию. - Переяславская рада. - Бутурлин в Киеве; митрополит Сильвестр Коссов. - Пункты челобитной Войска Запорожского, утвержденные царем. - Донесение князя Куракина из Киева о поведении Коссова. - Приезд игумена Гизеля в Москву. - Обзор сношений Московского государства с европейскими державами до начала польской войны

Никон стал верховным пастырем церкви и главным советником царя в то время, когда Алексей Михайлович должен был решить великий вопрос о соединении Малой России с Московским государством. Мы видели, что в сороковых годах XVII века государство Польское, по-видимому, достигло своей цели относительно козаков: число последних сильно ограничено и небольшая толпа находится в повиновении у офицеров, от правительства назначенных; реестровых, настоящих козаков мало, они спокойны. Но условия, которые заставляли простой люд Украины бежать в казаки, существовали по-прежнему, и знамя, под которое эти беглецы могли становиться, знамя религиозное, по-прежнему было готово; недоставало человека, вождя восстания. Вождь нашелся. Зиновий Богдан Хмельницкий, сын козацкого сотника Михайлы Хмельницкого, убитого в сражении с турками при Цецоре, сам попался в этом сражении в плен к татарам, скоро, впрочем, освободился от него, возвратился к своим казакам и получил звание войскового писаря. Хмельницкий был козак видный во всех отношениях: храбрый, ловкий, деятельный, грамотный; у него было и состояние, хутор Субботово в Чигиринском старостве. За это-то Субботово началась у него ссора с Чаплинским, подстаростою чигиринским. Известно, как в это время в Польше действовали друг против друга враждующие, и понятно, кто должен был осилить в борьбе - шляхтич или козак? С шайкою голодных людей наехал Чаплинский на слободы Хмельницкого, завладел гумном, на котором находилось 400 копен хлеба, и всех домашних Хмельницкого заковал в цепи; самого Богдана держал четыре дня в тесном заключении и освободил только по просьбе жены своей. Богдан подал жалобу в суд; в отмщение за это Чаплинский приказал своей дворне схватить десятилетнего сына Хмельницкого и высечь плетьюми среди базара; приказ был исполнен так хорошо, что мальчика чуть живого принесли домой и скоро после того он умер. Зять Чаплинского клялся не раз пред казаками, что Хмельницкому не быть в живых. Поедет ли Богдан куда по делам службы, воротится домой, а на конюшне нет серого коня: взяли за поволощину. Отправится он в поход против татар, сзади подъедут к нему и стукнут по голове так, что не быть бы живому, если б не защитил железный шлем, да и скажут в оправдание, что приняли его за татарина. Но частной вражды с Чаплинским было еще мало: свой козак донес польскому начальству на Хмельницкого, будто он замышляет старые козацкие проказы, хочет отправить на море вооруженные суда. Действительно, шел слух, что король Владислав, замышляя войну против турок, на которую не согласился, однако, сейм, прислал казакам позволение готовить суда для выхода в море и прислал даже деньги на постройку судов. В Варшаве рассказывали московскому гонцу Кунакову, что зимою 1646 года Хмельницкий с десятью товарищами приезжал в Варшаву в челобитчиках от всего Войска Запорожского, бил челом королю Владиславу на обидчиков своих и на жидов в их налогах. Владислав король в то время гнев держал на сенаторов и на всю Речь Посполитую за то, что ему не дали воли войны вести с турками и собранное для этой войны немецкое войско приговорили на сейме распустить, а немцам он давал

деньги из приданого жены своей. Так, призвавши Богдана Хмельницкого и черкас челобитчиков, Владислав говорил им, что сенаторы его вдалились в свою волю, панства его пустошат, а его мало слушают; написав саблю, король дал Богдану Хмельницкому и сказал: "Вот тебе королевский знак: есть у вас при боках сабли, так обидчикам и разорителям не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; как время придет, будьте на поганцев и на моих непослушников во всей моей воле". И пожаловал Владислав Богдана Хмельницкого атаманством и отпустил его и всех челобитчиков, одаривши их сукнами и адамашками. Осенью 1647 года замыслил король Владислав войну вести с турецким султаном, пожаловал Богдана Хмельницкого гетманством запорожским, послал ему свое жалованье и вперед обещал прислать на жалованье черкасам и на челновое дело 170000 злотых польских к лету 1648 года. Богдан за эти деньги обещал королю изготовить на полгода Запорожского Войска и с вольными 12000 да к морскому ходу сто челнов. Узнавши об этом, Конецпольский замыслил Богдана убить и послал звать его к себе на банкет, но Хмельницкий, зная умысел, на банкет не поехал. Тогда Конецпольский послал 20 человек людей своих взять Богдана силою, но Хмельницкий вступил в битву с этими посланными у себя на дворе, убил 5 человек, а 15 убежало, тогда как с Хмельницким на дворе было только четыре человека. После этого Хмельницкий тотчас же побежал в Запорожье.

Отсюда явились от Богдана грамоты к разным лицам; к Ивану Барабашу, полковнику черкасскому, он писал: "Так как на многократные мои советы и предложения ваша милость не изволили склониться, чтоб по давним грамотам королевским, у вас в сохранении бывшим, просить короля и сенаторов о новой привилегии на утверждение прав и вольностей козацких и малороссийских и на удержание людских обид и разорений, особенно же превращения православных церквей в униатские, то я, сожалея об этом и потерпевши бесчестие и разорение от негодяя Чаплинского, должен был придумать средство, как бы забрать в свои руки королевские привилегии, валявшиеся между платьем жены вашей, и с их помощью сделать что-нибудь лучшее для погибающей Украйны, выпросить ласку и милость у королевского величества, панов сенаторов и всей Речи Посполитой. Утешаюсь тем, что бог помог мне высвободить из вашей неволи и привезти к Запорожскому Войску привилегии королевские. А что ваша милость таил привилегии, нужные всему народу малороссийскому, и для своих выгод не хотел просить королевской милости за наших людей украинских, плачущих от поляков, за это все Войско Запорожское считает вас годным в полковники не над людьми, а над овечками либо свиньями". К польскому комиссару Шембергу, поставленному над козаками, Хмельницкий писал, что он принужден бежать от насилий Чаплинского и что на днях запорожцы отправляют послов к королю и сенаторам просить о привилегиях. О том же писал к Потоцкому, гетману коронному, распространяясь о насилиях Чаплинского, который притесняет не только мирян, но и священников: где случится ему видеться и говорить с

православным священником, то никогда не оставит его, не обесчестивши, волос и бороды не вырвавши и палкою ребер не пересчитавши.

Хмельницкий разглашал и в Запорожье, между простыми козаками, что будет отправлено посольство в Варшаву просить короля о защите, разглашал также, что хочет идти на Дон и подбить тамошних козаков к морскому походу на турок; разглашал он это для того, чтоб шпионы польские не донесли своему правительству о настоящем намерении его, о котором он советовался со старшиною; это намерение было доставить себе управу саблею, а не посольствами в Варшаву. По совету атаманов - кошевого и куренных - в первых числах марта 1648 года выехал Хмельницкий из Сечи с своими товарищами, такими же, как он, беглецами, выехал на остров Томаковский под предлогом, что там удобнее будет кормиться и людям его и лошадям, а в самом деле поехал в Крым просить у хана помощи на поляков. Хан долго думал с мурзами, давать или не давать войско Хмельницкому? Боялся он, не нарочно ли Богдан подослан поляками, чтоб обманом ввести орду в Польшу и там истребить ее готовыми войсками. Хмельницкий объявил, что готов присягнуть и оставить сына своего заложником; присяга дана была на сабле ханской, молодой Хмельницкий (Тимофей) оставлен в заложниках; однако хан не двинулся сам, а отправил с Хмельницким мурзу Тугай-бея с четырехтысячным отрядом. 18 апреля возвратился Хмельницкий в Запорожье, куда кошевой стянул уже с лугов, веток и речек все войско низовое, конное и пешее; молодцы собрались, но не знали, зачем собрал их атаман, пока не приехал Хмельницкий из Крыма. В тот день, когда он приехал, по заходе солнца выпалили из трех пушек, на рассвете другого дня выпалили в другой раз; на этот призыв козаки стали высыпать из разных углов, и когда ударили в котлы для призыва на раду, то сечевой майдан (площадь) оказался мал, вышли из крепости на просторное место, где и объявили войску, что начинается война против поляков и что хан будет за козаков благодаря старанию Хмельницкого; тогда все войско закричало, чтоб Хмельницкий был гетманом, и Богдан принял опасную роль Павлюги и Острина. Новый гетман постановил с атаманами, чтоб выступило в поход не более осьми или десяти тысяч козаков, а прочие разошлись бы по своим местам, к своим промыслам, и были готовы выступить по первому приказу гетманскому.

Между тем уже давно по Украине несся слух, что на Запорожье готовится восстание: народ поднял головы и втихомолку готовил оружие, ожидая избавителей. Хитрые грамоты Хмельницкого с известием, что все дело состоит в отправлении козацкого посольства к королю с челобитьем, таинственность, с какою он действовал, уменье утаить свою поездку в Крым - ничто не помогло; напуганные, чуткие поляки встрепнулись; коронный гетман Николай Потоцкий хорошо помнил последние восстания, хорошо знал, что при этих восстаниях поляки должны иметь дело не с горстью запорожцев, но с целым низшим народонаселением Малороссии, и потому, несмотря на бездорожье, 18

февраля уже был на Украине; сам он расположился в Черкасах, а гетман польный Калиновский - в Корсуні. Оправдывая свою поспешность, Потоцкий писал королю: "Не без важных причин, не необдуманно двинулся я в Украину с войском вашей королевской милости. Склонила меня к тому просьба любезных братьев, из которых одни, спасая жизнь и имение, бежали из Украины на поле битвы, другие, оставаясь в домах своих, не полагаясь на свои силы, горячими просьбами умоляли, чтоб я своим присутствием и помощью спасал Украину и спешил потушить гибельное пламя, которое до того уже разгорелось, что не было ни одной деревни, ни одного города, в котором бы не раздавались призывы к своеволию и где бы не умышляли на жизнь и имение панов своих и державцев, своевольно напоминая о своих заслугах и о частых жалобах на обиды и притеснения. Это было только предлогом к мятежам, потому что не столько их терзали обиды и притеснения, сколько распоряжения республики, постановление над ними старших от вашей королевской милости; они хотят не только уничтожить эти распоряжения, но и самовластно господствовать в Украине, заключать договоры с посторонними государями и делать все, что им угодно. Казалось бы, что значит 500 человек бунтовщиков; но если рассудить, с какою смелостью и в какой надежде поднят бунт, то каждый должен признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться против 500 человек, ибо эти 500 человек возмутились в заговоре со всеми козацкими полками, со всею Украиною. Если б я этому движению не противопоставил своей скорости, то в Украине поднялось бы пламя, которое надобно было бы гасить или большими усилиями, или долгое время. Один пан, князь воевода русский (Иеремия Вишневецкий), отобрал у своих крестьян несколько тысяч самопалов, то же сделали и другие; все это оружие вместе с людьми перешло бы к Хмельницкому. Хотя я и двинулся в Украину, но не для пролития крови христианской и в свое время необходимой для республики, двинулся я для того, чтоб одним страхом прекратить войну. Хотя я и знаю, что этот безрассудный человек Хмельницкий не преклоняется кротостию, однако не раз уже я посылал к нему с предложением выйти из Запорожья, с обещанием помилования и прощения всех проступков. Но это на него несколько не действует; он даже удержал моих посланцев. Наконец, посылал я к нему ротмистра Хмелецкого, человека ловкого и хорошо знающего характер козацкий, с убеждением отстать от мятежа и с уверением, что и волос с головы его не спадет. Хмельницкий отпустил ко мне моих послов с такими требованиями: во-первых, чтоб я с войском выступил из Украины; во-вторых, чтоб удалил полковников и всех офицеров; в-третьих, чтоб уничтожил установленное республикою козацкое устройство и чтоб козаки оставались при таких вольностях, при которых они могли бы не только ссорить нас с посторонними, но и поднимать свою безбожную руку на ваше величество. Ясно видно, что к этой цели стремится его честолюбие. В настоящее время он послал в Понизовье за помощью к татарам, которые стоят наготове у Днепра, и осмелился несколько сот из них перевезти на эту сторону, чтоб они

разогнали нашу стражу, поставленную мешать соединению мятежников с Хмельницким. Что он давно обдумал, как начать бунт и как действовать, - в этом ваша королевская милость убедитесь изволите, обратив внимание на число его сообщников, простирающееся теперь до 3000. Сохрани бог, если он войдет с ними в Украину! Тогда эти три тысячи быстро возрастут до 100000, и нам будет трудная работа с бунтовщиками. Для предохранения отечества от этого зловредного человека есть средство, предлагаемое вашею королевскою милостию, а именно: позволить своевольным побегам на море, сколько хотят. Но не на море выйти хочет Хмельницкий, хочет он в стародавнем жить своеволии и сломать шею тем постановлениям, за которыми так много трудились, за которые пролилось так много шляхетской крови. Признал бы я полезным для общего блага позволить козакам идти на море и для того, чтоб это войско не занимало полей, и для того, чтоб не отвыкало от давнего способа вести войну; но в настоящее смутное время этому нельзя стать: частью потому, что челны еще не готовы, другие и готовы, но не вооружены. Если суда и будут готовы, то главное в том, чтоб успокоенные козаки, как скоро наступит необходимость для республики и вашей королевской милости, отправлены были в надлежащем порядке. Но сохрани боже, если они выйдут в море прежде укрощения бунта: возвратясь, они произведут неугасимое возмущение, в котором легко может исчезнуть установленное козацкое устройство, а турки, раздраженные козаками, вышлют против нас татар".

Предвещания Потоцкого сбылись: у Хмельницкого было много войска в Украине. 13 апреля двинулся передовой отряд польских войск Днепром и сухим путем, двинулись и реестровые козаки с Барабашем, полковником черкасским; большая часть регулярного войска состояла из русских; предводителями были козацкий комиссар Шемберг и сын коронного гетмана Степан Потоцкий. 22 апреля выступил и Хмельницкий из-за Запорожья с осьмитысячным отрядом; Тугай-бей шел за ним с татарами; держали путь к устью Тясмина, к потоку *Желтые Воды*. Реестровые козаки, шедшие в лодках с Барабашем и опередившие сухопутную рать, вошли в сношения с Хмельницким и передались ему, убивши Барабаша и всех тех, кто был верен польскому правительству. 5 мая у Желтых Вод встретился Хмельницкий с сухопутным польским войском, и после трехдневной битвы (5, 7 и 8 мая) поляки потерпели страшное поражение, так что и десятка их не успело спастись бегством. Покончивши с молодым Потоцким, который умер от ран в плену, Хмельницкий двинулся навстречу к старому, сошелся с ним 16 мая у Корсуня и поразил наголову: оба гетмана - коронный великий Потоцкий и польный Калиновский - попались в плен и были отосланы к хану в Крым; поляки потеряли 127 офицеров, 8520 рядовых, 41 пушку. Поражение приписывали неблагоприятному разделению войска на две части, отправлению одной из них вперед с молодым Потоцким; иные упрекали коронного гетмана за несогласие с товарищем своим Калиновским и за распутство, которому он был предан, несмотря на свои преклонные лета. Укоры сыпались на побежденных; как обыкновенно бывает, каждый говорил, что если б сделали иначе, если б

послушались его советов, то не было бы беды. Известный нам Кисель писал к архиепископу гнезненскому (от 31 мая): "Рабы теперь господствуют над нами; изменник учреждает новое княжество: несчастные братья наши среди внезапной опасности, бросая родину, дома и другие ценные предметы, бегут во внутренность государства. Безумная чернь, обольщенная тем, что Хмельницкий щадит ее, предавая огню и мечу одно шляхетское сословие, отворяет города, замки и вступает в его подданство. Я первый, хотя в отечестве последний, потеряв за Днепром сто тысяч дохода, едва имею от десяти до двадцати тысяч, да и то один бог знает, не завладеет ли и этим неприятель? Кроме того, я имею несколько сот тысяч долгу, нажитого на службе королю и отечеству. Много и других мне подобных. Мы будем нищими. Но откуда пришла эта беда, об этом подробно объяснено в моих письмах к королю, потому что несчастное предвидение моего ума, а больше свет разума предугадывали и предчувствовали все то, что теперь случилось. Видя, что козаки, угнетенные более простых холопов и ненавидимые, ушедши на Запорожье, составляют заговор, я всеми силами убеждал кастеляна краковского (Потоцкого) не искать одного козака по днепровским потокам, а лучше всех козаков удерживать в повиновении и, допуская для них исключение из законов, как-нибудь приласкивать их. Во-вторых, я советовал не раздроблять малочисленного войска на отряды; в-третьих, не выпускать за Днепр известия о дальнейшем мятеже козаков; в-четвертых, чтоб не раздражать татар, не нужно высылать войско в поле, но ожидать, что дома станет делать изменник, а между тем снестись с беим очаковским и с Крымом, чтоб Хмельницкий не имел там пристанища. Когда гетман не хотел принять моих советов, то я послал их к королю; государь одобрил мое мнение и послал приказ, чтоб отправка войск - одного за Днепр, а другого в степь - была приостановлена. Но враг советов - опрометчивость все предупредила и погубила уже себя, нас и большую часть отчизны". Но мы видели, как оправдывал Потоцкий перед королем свою поспешность, как боялся, чтоб Хмельницкий не вошел на Украину, где найдет сто тысяч союзников, с которыми полякам трудно будет сладить. Справедливости этих соображений нельзя не признать, но разделение сил действительно оправдать трудно.

После Корсунской победы Хмельницкий подошел к Белой Церкви, расположился там обозом и разослал 60 универсалов с призывом к восстанию; вся Украина взволновалась; поднялись крестьяне, пошли в козаки и стали свирепствовать против шляхты, жидов и католического духовенства; они образовали несколько шаек, или *гайдамацких загонов*, как тогда называли, и рассеялись в разных направлениях под начальством вождей, оставивших по себе кровавую память в летописях и преданиях народных. К умножению смуты и разнузданности вдруг разнеслась весть о смерти короля Владислава. "Теперь, - пишет Кисель к архиепископу-примасу, - теперь, когда нас постигло такое сиротство, мы не знаем, что еще замышляет султан турецкий и что замышляют москвитяне, которые 30 мая дали знать о себе, что вследствие моих писем, отправленных по

королевскому приказанию, царь их, исполняя условия братского союза, отправил сорок тысяч вспомогательного войска против татар. Это войско стояло уже в шести милях от Путивля; но когда битва предварила их прибытие, когда успехи изменника уже стали им известны и когда сделается еще известным, что мы не имеем государя, то кто может поручиться за них? Одна кровь, одна религия!" Действительно, 1 мая (ст. ст.) Кисель дал знать путивльскому воеводе Плещееву, что татары 22 апреля на Желтых Водах окружили польский отряд, высланный против изменников-черкас. Кисель требовал помощи от московских воевод по договору. 20 мая царь приказал своим ратным людям сходитья с литовскими людьми и с ними заодно промышлять над татарами; будучи в литовской земле, дурна никакого не чинить, грабежу никакого бы не было, а хлеб и что довелось покупать; с литовскими людьми стоять смирно, драк бы и задоров никаких не было, не бражничать и табаку не покупать. Но вслед за этим получены были известия, что поляки разбиты, гетманы в плену, козаки копятя во всех литовских городах и идут беспрестанно в сход к гетману Богдану Хмельницкому. Путивльский воевода Плещеев доносил, что татары запорожским козакам становятся сильны, потому что их вдвое больше, чем козаков; и Хмельницкий пишет по городам, чтоб уездные люди от татар береглись и бежали из уездов в города; Хмельницкий же рассылает от себя полковников и сотников с запорожскими козаками по сю сторону Днепра в украинные города и велит им прибирать козаков, а урядников, державцев, поляков и жидов велит побивать. Паны-поляки и жида все бегут в Польшу.

Стародубец Григорий Климов рассказывал в Посольском приказе: посылали его из Севска воеводы с грамотами к Адаму Киселю; ехал он из Севска на Киев, потому что Адама Киселя сказали за Киевом во 150 верстах, в городе Гоце. С версту от Киева взяли его крымские татары и запорожские козаки; козаки, увидя, что у него хохла нет, взяли его у татар к себе и отвели к гетману своему Богдану Хмельницкому, который стоял в городе Мошнях, от Киева верстах во ста. Хмельницкий взял у него листы, назначенные к Киселю, и сказал: "Не по что тебе к Адаму ехать, я тебе дам к царскому величеству от себя грамоту. Прислали ко мне грамоты князь Еремей Вишневецкий и Адам Кисель, просят, чтоб я татар не пускал к ним в дальние места, а держал бы их в степи, и просят мира. Я, по их прошенью, велел крымскому царевичу отступить в степь к Желтым Водам". Свое войско Хмельницкий распустил за Днепр, к путивльскому рубежу, на маетности Потоцкого, Вишневецкого и Адама Киселя; города у них все побрали, а крестьяне все пошли в козаки. Новгородок Северский взяли и ляхов везде побивали, а от Новагородка пошли к Чернигову; сколько у них войска, сказать нельзя, потому что, в который город придут, и тут у них войска прибывает много, изо всяких чинов русские люди, кроме ляхов; жида многие крестятся и пристають к их же войску, а лях, хотя и захочет креститься, не принимают, всех побивают, говорят, чтоб в Польше и Литве всех ляхов побить за то, что веру христианскую ломали и многих христиан побивали и насильно к лядской вере приводили.

Хмельницкий говорил Климову: "Скажи в Севске воеводам, а воеводы пусть отпишут к царскому величеству, чтоб царское величество Войско Запорожское пожаловал денежным жалованьем; теперь ему, государю, на Польшу и на Литву наступить пора; его бы государево войско шло к Смоленску, а я, Хмельницкий, стану государю служить с своим войском с другой стороны. Если тебя станут спрашивать государевы приказные люди, то ты скажи им тайно, что королю смерть приключилась от ляхов: сведали ляхи, что у короля с козаками ссылка, послал от себя король грамоту в Запорожье к прежнему гетману, чтоб козаки за веру христианскую греческого закона стояли, а он, король, будет им на ляхов помощник; эта грамота королевская от прежнего гетмана досталась мне, и я, надеясь на то, войско собрал и на ляхов стою". В грамоте своей к царю, означенной осьмым числом июня, Хмельницкий извещал о Желтоводской и Корсунской победах и о смерти королевской. "Думаем, - писал Хмельницкий, - что смерть приключилась от тех же безбожных неприятелей его и наших, которых много королями в земле нашей; желали бы мы себе самодержца государя такого в своей земле, как ваша царская велеможность православный христианский царь. Если б ваше царское величество немедленно на государство то наступили, то мы со всем Войском Запорожским услужить вашей царской велеможности готовы".

Путивльский воевода Плещеев сносился с князем Иеремиею Вишневецким о войне против татар. Посланец Плещеева был перехвачен Хмельницким, который прислал путивльскому воеводе укорительную грамоту, что русские хотят помогать полякам на козаков, ибо война у поляков с козаками, а не с татарами. "Мы желаем, - пишет Хмельницкий, - не того, чтоб православный государь Алексей Михайлович воевал с нами, но чтоб он был и ляхам и нам государем и царем, чтоб ляхи за веру нашу с нами больше биться не помышляли". Царь приказал Плещееву отписать Хмельницкому, что он никогда не писал к Вишневецкому о соединении русских с поляками против козаков, что кто-нибудь распускает об этом слух на ссору. Но Хмельницкий не успокоился этим ответом и писал опять к Плещееву: "Уже третьего посла вашего перехватываем, вы все сноситесь с ляхами на нас. Если вы хотите на нас, на свою веру православную христианскую меч поднять, то будем богу молиться, чтоб вам не посчастливилось; легче нам, побившись между собою, помириться, а помирившись, на вас поворотиться. Мы вам желали всего доброго, царю вашему желали королевства Польского, а потом, как себе хотите, так и начинайте, хотите с ляхами, хотите с нами".

Поднимая украинский народ и московского царя против Польши, Хмельницкий в то же время по совету Киселя решил попробовать, как отзовется ему польское правительство. Как бы еще не зная о смерти королевской, в половине июня Хмельницкий отправил в Варшаву четырех старшин с пунктами, в которых заключались жалобы и просьбы козаков, и с своим письмом к королю. Пункты были следующие: 1) паны обходятся с нами, людьми войсковыми, хуже, чем с невольными; 2) хутора, луга,

мельницы и все, что им понравится в домах у козаков, берут насильно, мучат, убивают; 3) берут десятину и поволовщину; 4) старых козацких жени отцов, хотя бы сын находился на службе, облагают чиншом, как и других крестьян; 5) козацких жен, тотчас по смерти козаков, заставляют без милости работать наравне с мещанами; 6) паны полковники нас не защищают, а еще помогают обижать нас; вещи наши и пожитки под видом торга берут за половину цены; 7) жолнерская челядь забирает у козаков волов, скот и всякие пожитки;

8) на Запорожье и на Днепре не дают промышлять, ни зверей, ни рыбы ловить, а с головы каждого козака берут по лисице; если же не поймает козак лисицы, то отбирают самопалы; панам полковникам подводы даем или вместо подвод платим деньгами;

9) военную добычу и даже молодых татар паны полковники отнимают у козаков; 10) нашедши какую-нибудь причину, тотчас сажают козака в тюрьму и, где чуют взятку, не выпустят, пока не получат доброго выкупа; 11) была воля королевская, чтоб мы шли на море, и на челны выданы нам деньги, а к Запорожскому Войску предполагалось прибавить еще 6000; но старшие наши не позволили, чтоб войско состояло из 12000, хотя мы обещаем и клянемся, что, сверх этого числа, принимать людей в войско не будем; а с 6000 мы не можем оказывать услуг ни королю, ни республике; 12) чтоб заслуженное жалованье, которого мы не получали в течение пяти лет, было сполна отправлено к нам вместе с комиссиею; 13) просим о духовенстве древней религии греческой, чтоб оно оставалось неприкосновенным, чтоб церкви, отданные униатам, опять оставались при своих стародавних правах. В своем письме Хмельницкий повторял те же жалобы: "Даже жида, в надежде на панов урядников, также причиняют нам великие обиды. Невероятно, чтоб даже в турецкой неволе христиане переносили такие несчастья, какие переносим мы, низайшие подножия вашей королевской милости. Мы совершенно понимаем, что все неистовства совершались над нами наперекор вашей королевской милости, потому что постоянно слышим: "Вот вам король! А пособит ли вам король, такие-то дети!" После этого мы не можем уже переносить таких обид и незаслуженных мучений. Не имея более возможности жить в домах своих, мы, бросив жен, детей и все убогое имущество, бежали в Запорожье, откуда предки наши с давнего времени привыкли служить Короне Польской и вашей королевской милости. Но и здесь обратили в ничто наши воинские привилегии, тогда как бог свидетель, что мы не сделали ничего своевольного. Когда пан кастелян краковский (Потоцкий) напал на нас в самом Запорожье, то мы должны были призвать на помощь хана крымского. По воле божьей случилось, что при сухих дровах и сыром досталось. Кто тому причиною, рассудит сам бог, а мы готовы жертвовать жизнью для республики. Затем низайше просим вашу королевскую милость оказать нам отеческое милосердие, и, простив невольный грех, повелите оставить нас при древних правах и привилегиях". Посланцы козацкие застали Владислава во гробе, были допущены поклониться телу и

получили такой ответ от временного правительства (от 22 июля): "Нет надобности объяснять вам совершенного вами преступления; хотя республика могла бы отомстить вам, но мы, не желая более пролития крови христианской, снисходя на вашу нижайшую и покорную просьбу, согласились назначить панов комиссаров, людей знатных, которые объявят вам дальнейшую волю республики. Республика не откажет вам в прощении, но требует, чтоб вы как можно скорее освободили всех пленных, деятельно преследовали предводителей разбойничьих шаек, которые теперь собираются в разных местах и нападают на шляхетские дома, и чтоб прервали всякую связь с неверными". Назначены были и комиссары для переговоров с Хмельницким, во главе их - Кисель.

Последний вел переговоры с Хмельницким посредством одного монаха. Выставляя на вид прелести польской воли, какой нельзя найти ни в каком другом государстве, Кисель писал Хмельницкому: "Милостивый пан старшина Запорожского Войска республики, издавна любезный мне пан и приятель! Верно нет в целом свете другого государства, подобного нашему отечеству правами и свободою; и хотя бывают разные неприятности, однако разум повелевает принять во внимание, что в вольном государстве удобнее достигнуть удовлетворения, между тем, как потеряв отчизну нашу, мы не найдем другой ни в христианстве, ни в поганстве: везде неволя, одно только королевство Польское славится вольностию. Вам и всему войску хорошо известно, что я один из христиан народа русского служу сенатором в Короне Польской, ношу на раменах своих и св. церкви и древности наши и ненарушимо сохранил свою веру до седых волос, и сохраню, даст бог, до смерти. Все также знают о несчастном кровопролитии, но я не обагрив рук своих козацкою христианскою кровью. Поэтому ваша милость со всем Запорожским Войском может совершенно положиться на меня, и я усердно прошу вашу милость иметь ко мне доверие. Нужно как можно скорее прекратить несчастное домашнее замешательство и водворить покой. Поэтому я желаю, чтоб ваша милость отослал бы татар, а сам, оставаясь на обыкновенных местах, отправил бы посольство к республике с изъяснением причин, по которым произошло несчастное замешательство, и засвидетельствовал верность свою и всего войска". Хмельницкий отвечал Киселю: "Очень сожалеем о поражении, постигшем в земле нашей народ христианский, хотя не мы тому причиною: при сухих дровах и сырым должно было достаться. Послушав совета вашей милости, старого своего приятеля, мы сами приостановили свои военные действия и орде приказали возвратиться, а к республике с покорностью и верным подданством отправили послов. Так как мы остались сиротами по смерти его королевской милости, то просим вашу милость удостоить нас своим посещением, чтоб мы могли узнать, кого республика пожелает иметь королем, и чтоб воспользоваться советом вашей милости для дальнейших наших действий". Сам Кисель поспешил донести о следствиях своих сношений архиепископу-примасу: "Развеял господь бог чрез меня, наименьшего сына отечества, кровавую раду и приостановил ужасную внутреннюю войну: отец Ляшко, мой поверенный, монах греческого

исповедания, добрый шляхтич, возвратился и донес, что когда прибыл к Хмельницкому, то сначала встречен был сильным огнем, наконец, была рада военная, в которой участвовало 70000 козаков и на которой была читана моя грамота. После продолжительных споров и шуму сам Хмельницкий начал уговаривать, напоминая о моей искренности; ему помогли в этом и другие козацкие старшины. Вследствие этого св. дух внушил им решение: послушаться моего совета, иметь ко мне доверие, отправить послов, прекратить неприятельские действия, задержать орду в степи, а меня пригласить приехать к ним. Я прошу, чтоб настоящая моя верная услуга и дальнейшая служба никем у меня не была отнимаема и не оставалась бы без памятника, заслуженного любовью к отечеству".

Но Кисель еще очень рано замечтал о награде за свои подвиги. Резня господствовала на Украине, и среди этой бойни козаки и вельможи соперничали в зверстве. В то время как украинская шляхта, не думая о сопротивлении, бежала или гибла под ножами восставших хлопов, один воевода русский, князь Иеремия Вишневецкий, выставил сопротивление. Недавний отступник от православия, с ненавистью ренегата к старой вере, вере хлопской, Иеремия соединял ненависть польского пана к хлопам, усугубленную теперь восстанием и кровавыми подвигами гайдамаков. В самом начале восстания Хмельницкого Иеремия был уже на восточной стороне Днепра, намереваясь помогать Потоцкому и Калиновскому. Корсунская битва и вспыхнувшее вслед за нею всеобщее восстание хлопов отбросили его на запад, но он скоро остановился и с отрядами своими выставил единственное сопротивление козачеству. Какого же рода было это сопротивление? Напавши врасплох на местечко Погребища, преданное козакам, он перемучил его жителей, особенно священников православных; из Погребищ Вишневецкий пошел к принадлежащему ему городу Немирову; жители затворились было от своего пана, но он взял город приступом и выданные мещанами виновники восстания погибли в ужаснейших муках: "Мучьте их так, чтоб они чувствовали, что умирают!" - кричал Вишневецкий палачам. В конце июля под Константиновом встретился Вишневецкий с многочисленным козацким отрядом, бывшим под начальством Кривоноса; после двух кровопролитных стычек поляки принуждены были отступить.

Поляки видели свою малочисленность в Украине; им важно было удержать Хмельницкого в бездействии, пока придут к ним подкрепления, пока выбран будет король. Назначенный главным воеводою в Украину Владислав Доминик, князь Острожский, послал сказать Кривоносу, чтоб не пускал орды и не шел дальше опустошать шляхетских имений, послал с тем же и к самому Хмельницкому. Кривонос отвечал: "Вашей милости известно, как это началось и как утихло было; не хотели мы больше пустошить земли Польской, но уж очень заедает нас князь Иеремия: людей стал мучить, головы отсекает, на кол сажать, в каждом городе среди рынка виселица, и теперь оказывается, что на колу были невинные люди; попам нашим буравом просверливал глаза. Мы, защищая нашу веру и жизнь,

должны были стать за свою обиду. Кто хочет воевать с нами, против того мы готовы; а кто спокоен, тот и будет оставлен в покое. Прошло уже семь недель или больше, как мы отправили послов своих к королю и республике, но об них до сих пор нет никакого достоверного известия: верно, они спят, так что до сих пор не могут проснуться. Все будет мирно, если ваша милость теперь же доставите послов наших; но если послы не явятся, то я буду воевать вместе с ордою; пан гетман, который на днях ожидает орды, двинется со всем войском и заступит дорогу, где будете утекать. А жидов ваша княжеская милость благоволите препроводить до самой Вислы, потому что они прежде всех виноваты, они и вас с ума свели". Хмельницкий отвечал то же самое, что движения Иеремии вызвали и его из бездействия; также просил о возвращении послов козацких, отправленных в Варшаву, после чего, сообразуясь с письмами сенаторов, он возвратится с войском и удержит орду.

Князь Острожский писал отчаянное письмо к архиепископу-примасу: "К чему обманывать республику ложною надеждою, когда в отчаянных обстоятельствах ежедневно прибавляются новые бедствия? Я не мог устоять под Константиновом, потому что сила неприятельская неслыханна. Теперь уведомляю, что уже пахнет конечною гибелью". Князь Доминик не видал возможности мира и полагал единственную надежду на военную помощь из Польши. Так же смотрел на дело и Тышкевич, воевода киевский. "Наибольший вред, - писал он, - состоит в том, что братья наши делают добычею неприятеля, а мы ничего об этом не знаем или не можем знать, считая себя обеспеченными надеждою на трактаты и осененными мнимым облаком перемирия. Если это от кого-нибудь происходит, то мы надеемся, что придет время, когда бог укажет виновника бедствий республики. Мы по совести, по любви к отечеству и по долгу нашему сенаторскому еще раз предостерегаем, что неприятель под предлогом обещанного мира более и более свирепствует, более и более усиливается, так что теперь каждый холоп есть наш неприятель, каждый город, каждое селение мы должны считать отрядом неприятельским. И неудивительно, что они доходят до такого неистовства: при нашей беспечности простой народ думает, что ему дозволено все против всех, даже против самого бога. Поэтому остается одно средство к прекращению своеволия - показать неприятелю саблю. Лучше нам отпоясать саблю, чем терпеть такое поругание от собственных холопов".

Тышкевич разумел Киселя, говоря о виновнике бедствий, который осенил поляков мнимым облаком перемирия. Но Кисель, видя слабость государства и панический страх, овладевший всеми, единственным средством спасения считал мир, хотя и не очень на него полагался. 9 августа он писал коронному канцлеру: "Большая и жалкая перемена произошла в моем предположении идти к Киеву. Еще до Гуци (имение Киселя) опередили меня козаки или разбойники - не знаю, как назвать их. Что уцелело от одной толпы, то разорено до основания другою: у меня и у слуг моих пограблено домашней утвари более чем на 30000; в форверках

также взяли все, что было; жида все вырезаны, дворы и корчмы сожжены. Около Горыня постигла всех та же участь, что и меня. Кривонос взял Меджибож приступом и всех жителей перерезал. Слышно, что Шар-город подвергся той же участи и что козаки обратились уже к Бару. Три дня изменники пробыли в Гуще, грабили наездами всю окрестность; пьянствуя днем и ночью, выпили несколько бочек вина и несколько десятков бочек меда, потчевали моих и соседних хлопей, остальное пораздавали им. Язык показал, что Хмельницкий со 120000 войска находится уже под Янушполем, недалеко от Любартова; тот же язык сказал, что послы козацкие, отправленные в Варшаву, до сих пор еще не возвратились к Хмельницкому, которому Кривонос дал знать, что они посажены на кол, и тогда Хмельницкий двинулся с огромным войском и послал за ордою. В таких обстоятельствах я отправил одно письмо к Хмельницкому от себя, другое от всех нас, комиссаров. Войска наши не спешат соединиться, начальники не имеют силы, на всех напал такой страх, что не только неприятель одерживает верх, видя, что никто не смеет смотреть ему в глаза и все обращаются в бегство, но даже крестьяне, холопы издеваются над нами, и вот вся чернь присоединяется к этим войскам, козачьим или разбойничьим. Поэтому я отправил к Хмельницкому письмо, желая узнать, не дошел ли он до последней степени неистовства, а сам, с своим полком и товарищами, медленно подвигаюсь, ожидая ответа; когда он мне ответит, что ждет меня к себе, то поеду и употреблю всевозможные средства к примирению. Если же Хмельницкий отвергнет мои предложения, то я с своим полком пойду днем и ночью на то место, где собираются войска республики".

Кисель, идя к Хмельницкому для мирных переговоров, требовал, чтоб польское войско не нападало на козаков, не раздражало их, не давало возможности говорить, что со стороны поляков нет желания мира. Он писал коронному канцлеру Оссолинскому, что со стороны Хмельницкого можно надеяться мирного распоряжения: "Как скоро послы мои приехали к Хмельницкому, то я тотчас получил известие, что Кривонос посажен на цепь и прикован к пушке за шею. Вся шляхта, сколько ее было в плену у Кривоноса, выпущена, и велено отрубить головы более чем сотне разбойников. Сам Хмельницкий, остановив полки, отступил и ожидает меня". Хмельницкий действительно приглашал Киселя к Константинову для переговоров и, жалуясь на тиранство Вишневецкого, писал: "Неудивительно было бы нам, если б делал это простак какой-нибудь, например наш Кривонос, но между Вишневецким и Кривоносом большая разница! Мы больше помним бога: ни один поляк, доставшийся в наши руки, не умерщвлен". Но недолго манила бедного Киселя надежда скоро начать и успешно кончить переговоры с новым Тамерланом, как он называл Хмельницкого: он с своими товарищами, остальными комиссарами, и провожавшим их вооруженным отрядом приблизился к Острогу, но в это время козаки захватили город и выступили против комиссарского отряда как неприятеля. Кисель послал сказать им, что он с товарищами - комиссары, едущие к Хмельницкому по письму последнего.

Козаки остановились, обязались нейти дальше во внутренность Волыни, с обеих сторон дано было по десяти человек в заложники, и несколько человек комиссарского отряда спокойно въехали в город. Но вдруг является отряд войска князя Острожского, приступает к воротам и начинает схватку с козаками. Те, не разобравшись, что это за войско, подумали, что это комиссары вероломно нападают на них, и принялись бить тех поляков из Киселева отряда, которые были у них в городе. Поляки Острожского не могли взять города и отступили, но козаки не согласились уже пропустить комиссаров через Острог. Кисель, с одной стороны, должен был писать к Хмельницкому с упреками, что в то время, как он шел для мирных переговоров, козаки захватили Бар и Острог; с другой стороны, писал к польскому войску, что оно расстраивает все дело, нападая на козаков. Из войска дали ему жестокий ответ: "С удивлением услышали мы, что республика теряет крепкие города перед глазами вашей милости, хотя вы имели при себе значительное число войска. Это происходит, по нашему мнению, оттого, что комиссия по бесполезной медленности не приступала по сию пору ни к какому делу. С этим холопством мы не можем придерживаться народного права, потому что оно не привыкло соблюдать верность. Знаем, что республика, связав себе руки комиссиею, не желает, чтоб мы раздражали неприятеля; такой же совет мы принимаем и от вашей милости. Но если б мы, смотря на необузданное высокомерие холопов, дозволили им в глазах своих братья города и замки и производить беспрестанные убийства, то в таком случае и верность наша сделалась бы сомнительною в глазах республики, и достоинство наше было бы унижено". Кисель оправдывался, что комиссии нет никакой возможности спешить да и самая медленность ее полезна, потому что дает время собирать войска; Острог был взят до прибытия комиссаров, отнимать же город вооруженною рукою было бы несовместно с их должностию и неблагоприятно; город освобождался от козаков в силу переговоров, но польское войско своим нападением испортило все. Вишневецкий, однако, не переставал вооружаться против мирных переговоров и против Киселя. "Если мы будем дожидаться союза поганых с своими домашними погаными, то нам труднее будет покончить войну", - писал он к архиепископу-примасу 30 августа. "Козаки на сих днях овладели Луцком, Клеванью и другими городами на Волыни; 30000 татар переправились к нам на Мурахву. Из этих вестей ваша милость можете судить, какие плоды принесло перемирие, которое ведет нас к горькому концу. Неприятель берет города, а нам велят молчать, связав нам руки волею республики, потому что она изрекла мир, а не войну".

Желание Вишневецкого исполнилось. Хмельницкий, раздраженный тем, что поляки в другой раз приступили к Острогу, задержал посланцев Киселя, вследствие чего последний не поехал к нему и соединился с войсками Острожского. Поляки отняли у козаков Константинов и встретились с самим Хмельницким под Пилявцами. Богдан начал переговоры с князем Острожским и тянул время, дожидаясь татар; 20 сентября началось сражение и началось с выгодою для поляков; на другой

день успех был на стороне козаков, а вечером в их стане раздались крики, возвещавшие о приходе татар. Поляки оробели. На третий день на рассвете привели языка, который объявил, что пришло 40000 татар, тогда как их пришло только 4000; началось страшное смятение между поляками; козаки напали и вырезали два полка; языки говорили, что идет сам хан с бесчисленным войском. Вечером предводители собрались на совет и решили уходить; ночью с 22 на 23 понеслась по лагерю весть, что предводителей уже нет, и тогда все войско обратилось в постыдное бегство, бросивши богатый обоз в пользу козаков. Тут, по одним известиям, погиб от татар наш старый знакомый, Ян Фаустин Луба, по другим же он возвратился в Польшу и кормился опять по панским домам.

После этого неожиданного торжества Хмельницкий занял без сопротивления Константинов, Збараж и, слыша крики козаков: "Веди на ляхов!" - повел их ко Львову, с которого взял огромный окуп; жители принуждены были выдать все свои драгоценности. Из-под Львова Хмельницкий подступил под Замостье, откуда 15 ноября послал письмо к сенату, выставляя по-прежнему, что виновниками всех бед два пана - Конецпольский и князь Вишневецкий, требовал, чтоб они были объявлены виновными, и заключал письмо так: "Если ваша милость начнете войну против нас, то мы примем это за знак, что вы не хотите иметь нас своими слугами". В ответ он получил известие об избрании нового короля, Яна Казимира, брата Владиславова, который приказывал ему отступить от Замостья. Хмельницкий отвечал, что повинуется, на радостях велел палить из пушек, пил и говорил послам: "Если б вы на конвокации еще короля выбрали, то не было бы ничего, что случилось, а если б выбрали какого-нибудь другого, а не Яна Казимира, то я пошел бы на Краков и дал бы корону кому надобно". Отчего же так обрадовался Хмельницкий избранию Яна Казимира? Московскому гонцу Кунакову рассказывали в Варшаве, что Ян Казимир еще до избрания писал к Хмельницкому: "Если буду королем, то войну успокою и вперед тебе и всему Войску Запорожскому мстить не буду, и вольности ваши подкреплю лучше прежнего". Послал эту грамоту король с шляхтичем Юрием Ермоличем, который остался при Хмельницком. Богдан, по письму королевича, писал к панам радным: если они изберут на королевство пана его, королевича Казимира, то он, Богдан, будет во всей его воле; если же изберут кого-нибудь другого, то он, Богдан, с Войском Запорожским и с татарами будет воевать большою войною.

Грамота, которую новый король послал к Хмельницкому, подтверждала надежды козацкого вождя. "Начиная счастливо наше царствование, - писал король, - по примеру предков наших, пошлем булаву и хоругвь нашему верному Войску Запорожскому, пошлем в ваши руки, как старшего вождя этого войска, и обещаемся возратить давние рыцарские вольности ваши. Что же касается смуты, которая до сих пор продолжалась, то сами видим, что произошла она не от Войска Запорожского, но по причинам, в грамоте вашей означенным". Ян Казимир обещал, что Войско Запорожское будет под непосредственною властью короля, а не старост украинских, обещал

исполнить и желание козаков относительно унии, но требовал за это, чтоб Хмельницкий отослал татар и распустил чернь. Богдан исполнил все это, но тут же было видно, что он разнуздан успехом и готов был повиноваться только с условием, чтоб исполнялись его желания. Мечь кипела в его сердце: воспоминания о Чаплинском, Конецпольском, Вишневецком не давали ему покоя. "В Бродах (имение Конецпольского) камня на камне не оставлю, - говорил он, - с землею сравню, а этот князик Вишневецкий недолго будет у меня региментовать; сам в Крым поеду и освобожу гетманов с условием, если помирятся со мною и будут в приязни жить, если же нет, то прикажу им головы отрубить, а этот князик за Днепром у меня не показывайся!" Хмельницкий, надеясь на короля, думал, что будут исполнены все его желания, но когда паны узнали, что король послал Хмельницкому гетманскую булаву и знамя, то приходили к нему с шумом, особенно поляки кричали: "Идем всею Речью Посполитою! От Богдана Хмельницкого, от Кривоноса и козаков разоренье и кровопролитие большое, чего не бывало, как Польское королевство стало, а король козаков почитает, как приятелей своих!" Ян Казимир отвечал: "Если теперь Хмельницкого и все Войско Запорожское в милость не принять, то от них и вперед будет большое разоренье, потому что Войско Запорожское и хлопы гультайство еще не усмирились да у Богдана орда крымская всегда наготове; а на коронное и на литовское войско казнь божия: чего никогда не бывало - везде козаки их побивают. Подумайте об этом, чтоб в конечном разоренье не быть, да и то вам надобно рассудить, какие от козаков прежде бывали Речи Посполитой кровные службы и доброхотство, и что вы им за это воздали, кроме насильства и разоренья? А нынешнее междуусобие начали они по крайней нужде: все это случилось от панов, которые таких вечных слуг грабили и разоряли". Паны продолжали кричать: "Мы и вся Речь Посполитая будем против Войска Запорожского и против своих хлопов войну вести и мстить им до кончины своей; либо козаков истребим, либо они нас истребят; лучше нам всем помереть, чем видеть такое разоренье, упадок и вечное бесславие; лучше умереть, чем козакам и своим хлопам в чем уступить!" Такие большие надежды и требования со стороны Хмельницкого и такая неуступчивость и ожесточение со стороны панов не предвещали скорого мира. Сильное негодование панов на короля было возбуждено и тем, что по смерти Тышкевича Ян Казимир отдал Киевское воеводство Адаму Киселю, назначенному переговаривать с Хмельницким о мире: Киселя величали изменником за его православие и боялись, нет ли у него с королем какого умысла. Московскому гонцу Кунакову рассказывали, что король желает, чтоб Богдан Хмельницкий панов радных сломал и сделал ему послушными.

По возвращении из похода Хмельницкий с торжеством въехал в Киев; около него ехали полковники в золоте, серебре, добытом у поляков, несли польские хоругви и другую военную добычу. В народе раздавались восторженные крики, слышались мольбы за Хмельницкого; духовенство, академия вышли к нему навстречу, профессора говорили панегирики, называли Хмельницкого Моисеем веры русской, защитником свободы

русского народа, новым Маккавеем. Победителя немедленно окружили иностранные посланники. Богдан усердно молился, раздавал богатые дары по церквам из польской добычи и в то же время расспрашивал колдунов и колдуний о будущем. Вместе с этим козак гулял на радостях, пировал день и ночь, как подошьет - песню затянет. Беспрестанно менялся: то ласков, то вдруг суров, то со всеми запанибрата, то вдруг никого к себе не допускает; добродушно разговаривает и вдруг выдаст свирепый приказ. Мы пойдем все это, если будем смотреть на Хмельницкого прежде всего как на козака. Как бы ни был даровит член общества нецивилизованного, как бы высоко ни поставила его судьба, не может он отречься от своей природы, девственной еще, детской, если угодно, грубой, не сдерживаемой известными условиями образованного общества, не затянутой в известные формы; впечатления такого человека живы, сильны, быстро сменяются, он рабски поддается им и не умеет сдерживать своих чувств, не умеет обращать холодное внимание на правильность, последовательность их выражения, начнет что-нибудь, вдруг по непонятному для него самого сцеплению понятий вспомнит о чем-нибудь другом и увлекается этим новым воспоминанием; быстро, безотчетно сменяются в нем мысли и чувства, быстро выражаются в слове и деле. Дик и странен кажется такой человек члену общества образованного, не понимает образованный человек этой юности природы и, глядя по-своему, готов счесть маскою то, что на самом деле живой образ. Наступило время, когда Хмель, так называли поляки Богдана, вполне выказал свой козацкий характер, чем озадачил и оскорбил людей из другого общества. Из Киева поехал Богдан в Переяславль, и туда приехали к нему обещанные комиссары королевские, старый наш знакомец, многоученный и красноглаголивый Кисель с товарищами. Хмельницкий выехал к ним навстречу в поле с полковниками, есаулами, сотниками, военною музыкою, с бунчуком и красным знаменем; при въезде выпалили из двадцати пушек. Гетман позвал комиссаров обедать, и тут сейчас же горелка начала выводить наружу то, что было на сердце у Богдана и его товарищей, полковников: Вишневецкий, Конецпольский, Чаплинский нехорошо были помянуты. На другой день назначена была церемония вручения Хмельницкому булавы и знамени королевских. На широкой улице, перед двором своим, стоял Хмельницкий под бунчуком, в собольей, крытой парчою шубе, окруженный старшинами. Кисель начал было выказывать свое красноречие в длинной речи, выставлял милость королевскую, как вдруг отозвался пьяный полковник Дзялак: "Король как король, а вы королевята, князья, проказите много, наделали дела! А ты, Кисель, кость от костей наших, отщепился от нас и пристаешь к ляхам!" Хмельницкий стал его унимать, и Дзялак, видя, что все другие молчат, убрался. Богдан, как показалось комиссарам, принял гетманские знаки не с большим усердием.

После церемонии гетман позвал комиссаров обедать. Перед обедом Кисель опять распространился о великих милостях королевских: король прощает Хмельницкого, дает свободу древней православной религии, позволяет увеличить число реестрового войска, восстанавливает прежние права и

преимущества его, наконец, предоставляет гетманство ему, Хмельницкому. "Вы, гетман, с своей стороны должны показать себя благодарным, должны стараться о прекращении смуты и кровопролития, не принимать крестьян под свое покровительство, а внушать им повиновение законным владельцам". Не очень щедрые для корсуньского и пилявецкого победителя милости и неудобноисполнимое требование отказаться от союза с простым народом в пользу панов раздражали Хмельницкого; раздражало и обращение к нему как вождю полновластному, тогда как он не мог ничего сделать без согласия войска, а легко ли было удовлетворить требованиям этого войска, которое состояло из низшего народонаселения всей Украины? От Хмельницкого требовали отдать панам в неволю людей, которые дали ему такое могущество, и остаться начальником войска в 12000 или много в 15000, как предлагали поляки! Но что все более заставляло Хмельницкого переменить тон относительно польского правительства, так это то, что хан, помогавший ему до сих пор из-под руки, одним отрядом Тугай-Беевым, теперь решил стать его защитником, помогать ему всеми силами; с турками заключен был союз; князь трансильванский Юрий Рагоцы также предлагал Хмельницкому воевать Польшу. Вот почему Богдан отвечал Киселю: "За великие милости королевские покорно благодарю; что же касается до комиссии, то она в настоящее время начаться и производить дел не может: войска не собраны в одно место, полковники и старшины далеко, а без них я ничего решать не могу и не смею; иначе могу поплатиться жизнью. Да притом я не получил удовлетворения за обиды, нанесенные Чаплинским и Вишневецким. Первый должен быть непременно мне выдан, а второй наказан, потому что они подали повод ко всем смутам и кровопролитию. Виноват и пан кастелян краковский, который нападал на меня и преследовал меня, когда я принужден был спасать жизнь свою в пещерах днепровских, но он уже довольно награжден за дела свои, нашел чего искал. Виноват и хорунжий (Конецпольский), потому что лишил меня отчины, отдал Украину лисовщикам, которые козаков, оказавших услуги республике, обращали в холопов, драли с них кожу, вырывали бороды, запрягали в плуги, но все они не так виноваты, как Чаплинский и Вишневецкий. Ничего из этого не будет, если одного из них не накажут, а другого мне сюда не пришлют; в противном случае или мне погибнуть со всем Войском Запорожским, или пропасть Польской земле, сенаторам, дукам, королькам и шляхтам. Разве мало виноваты ляхи, что льется кровь христианская, что войско литовское вырезало Мозырь и Туров, что Януш Радзивилл велел одного из наших посадить на кол? Я послал туда несколько полков, а к Радзивиллу писал, что если он поступил таким образом с одним христианином, то я то же самое сделаю с 400 пленных поляков".

За столом новые сцены. Полковники сильно сердились на литовского гетмана Радзивилла, который, воюя с украинскими загонщиками, взял приступом и истребил два города, принявшие их сторону. Ксендз Лентовский, приехавший с королевскими грамотами, заметил, что слухи из Литвы могут быть и несправедливы. Тут старый черкасский полковник

Федор схватил булаву и закричал: "Молчи, поп! Не твое дело уличать меня во лжи; и ваши ксендзы, и наши попы все такие-то дети; выходи, поп, на двор, научу я тебя полковников запорожских почитать". Комиссары смягчали Хмеля, как могли; особенно истощал свое красноречие Кисель, но ничего не успел сделать. На другой день Кисель приглашал к себе гетмана обедать; но Хмельницкий приехал вечером с некоторыми полковниками, уже подвыпивши, и опять начал срывать сердце, пересчитывать обиды, которые получил от поляков, и грозить мстью. Потом пробрался в комнату жены Киселевой и начал прямо говорить ей, чтобы с мужем отреклись от поляков и остались с козаками, потому что Польская земля сгинет, а Русь будет господствовать в том же году, очень скоро. На другой день долго спал Хмельницкий, потому что пил с колдуньями, которые ворожили ему счастье на войне в этот год. Как скоро можно стало к нему являться, комиссары послали к нему с просьбою назначить время для переговоров. Посланные застали гетмана уже за горелкою и получили такой ответ: "Завтра будет справа и расправа, потому что теперь я пьян, венгерского посла отправляю; коротко скажу: из этой комиссии ничего не будет; война должна через три или четыре недели начаться: переверну вас всех, ляхов, вверх ногами и потопчу так, что будете под моими ногами, а напоследки отдам вас царю турецкому в неволю. Король королем будет, чтоб король казнил шляхту и дуков и князей, чтоб был себе вольный. Провинится князь - режь ему шею; провинится козак - и ему то же: вот будет правда! Я хоть себе худой малый человек, но бог мне дал, что я теперь единовладный самодержец русский. Если король не хочет вольным королем быть, то как ему угодно. Скажите это пану воеводе (Киселю) и комиссарам. Стращете меня шведами - и те мои будут, а хоть бы и не так, хоть бы их было пятьсот тысяч - не одолеют они русской, запорожской и татарской мочи. С этим и ступайте: завтра справа и расправа". Получивши такой ответ, комиссары стали советоваться и положили: требовать от Хмельницкого, чтоб он отпустил их, и просить освобождения пленных поляков.

На другой день комиссары отправились к гетману, и Кисель начал со слезами умильную речь, говорил, что Хмельницкий не только Польшу и Литву, но и русскую веру, святые церкви хочет отдать поганым без причины. Если ему нанесена обида, если Чаплинский виноват, то готова награда; если Войско Запорожское обижено тем, что уменьшили его число, отняли земли, то король обещает все вознаградить; пусть подумает, что, как Польша и Литва не удержат поганых без Запорожья, так и Запорожье не защитится от поганства без польского войска; уговаривал, чтоб отступился от черни, пусть крестьяне пашут, а козаки воюют, пусть реестровых козаков будет 12000 или 15000, пусть идет лучше воевать поганых за границу. Богдан отвечал: "Нечего много толковать! Было время трактовать со мною, когда меня Потоцкий гонял за Днепром, и на Днепре было время, и после Желтоводской, и после Корсунской битвы, и после Пилявец, и под Константиновом, и под Замостьем, и когда я из-под Замостья шесть недель шел до Киева, а теперь уже не время; мне удалось

сделать то, о чем и не мыслил, покажу потом и то, что замыслил. Выбью из польской неволи народ русский весь. Сперва воевал я за свою обиду, теперь стану воевать за веру православную нашу. Вся чернь, которая ее держится, по Люблин, по Краков, поможет мне в этом, и я чернь не выдам, чтоб вы, задавивши крестьянство, и на козаков не ударили. Буду иметь двести, триста тысяч своих, всю орду, подле меня Тугай-Бей, брат мой, душа моя, единственный сокол на свете, готов он все сделать, что я ни захочу, вечна наша козацкая приязнь, которой целый свет не разорвет. За границу войною не пойду, саблю на турок и татар не подниму, будет с меня Украины, Подола, Волыни, довольно добра в земле и княжестве моем по Львов, Хельм и Галич, а ставши над Вислой, скажу остальным ляхам: сидите, молчите, ляхи! Дуков и князей туда загоню, а если и за Вислой кричать станут, найду их и там; не останется ни одного князя, ни одного шляхтича на Украине, а который захочет с нами хлеб есть, пусть будет послушен Войску Запорожскому, а на короля не брыкает". Полковники поддакивали гетману; они говорили: "Прошли те времена, когда ляхи седлали нас нашими же людьми, христианами, сильны были нам драгуны, а теперь их не боимся; узнали мы под Пилявцами, что теперь не те ляхи, какие прежде бывали, какие били турок, Москву, татар, немцев, не Жолкевские, не Ходкевичи, не Конецпольские или Хмелецкие, но Тхоржевские, Зайонцковские (т.е. Трусовецкие, Зайцевские), ребята, одетые в железо, померли от страха, как только нас увидели и поутекали, хотя татар в середу не было больше 3000, подождали бы до пятницы, так ни один бы до Львова не добрался". Хмельницкий продолжал: "Патриарх (иерусалимский) благословил меня в Киеве на эту войну, венчал меня с моей женой, разрешил меня от грехов, хотя бы я и не исповедовался, и приказал доконать ляхов: как же мне не слушаться святого владыки, начального нашего человека и гостя любимого; я уже обослал полки, чтоб коней кормили и в дорогу были готовы, без возов, без пушек, все это я найду у ляхов; если козак возьмет хотя один воз с собой, велю ему голову отрубить, не возьму и сам с собою ничего". Говоря это, Хмельницкий пришел в такую ярость, что вскакивал с лавки, топал ногами, рвал на себе волосы. Комиссары обомлели от страха; никакие убеждения их не помогали.

Стали они думать уже не о заключении мира, а о том, как бы уехать поздорову и выручить пленных. Наконец гетман объявил им свои условия: "1) чтоб имени, памяти и следа унии не было; 2) митрополит киевский по примасе польском первое место должен иметь в сенате; 3) воеводы и кастеляны на Руси должны быть православные русские; 4) Войско Запорожское по всей Украине при своих вольностях давних остается; 5) гетман козацкий подчиняется прямо королю; 6) жида изгоняются из всей Украины; 7) Иеремия Вишневецкий никогда не должен быть гетманом коронным. Здесь для поляков недоставало самого главного пункта - какое число будет козаков? Кисель спросил об этом у Богдана, и тот отвечал: "Зачем писать это в договор? Найдется нас и 100000, будет столько, сколько я скажу". Комиссары спросили о пленных. "Это завоевано, -

отвечал Хмельницкий, - пусть король не думает". Комиссары возражали, что и поганые отпускают пленных, как же он, гетман, не хочет отпустить пленников, будучи подданным короля? Хмельницкий отвечал: "Нечего толковать! Их мне бог дал; отпущу их, если никакой зацепки от литвы и от ляхов не будет; пусть Потоцкий подождет брата своего, старосту каменецкого, который у меня Бар, мой город, захватил на Подоле, кровь христианскую льет: я приказал туда полкам двинуться и живьем привести к себе Потоцкого". "Козаки делают то же самое, - возражали комиссары. - В Киеве днем и ночью льется невинная кровь потоками в Днепр; ляхов одних топят в реке, других бесчеловечно убивают; все это делает Нечай, полковник брацлавский, и говорит, что имеет на это твое приказание". Хмельницкий: "Не приказывал я убивать невинных, а только тех, которые не хотят пристать к нам или креститься в нашу веру. Вольно мне там резать, мой Киев, я воевода киевский; дал мне его бог без сабли; нечего тут толковать". Кисель спросил его, согласен ли он, по крайней мере, заключить договор теперь же? Хмельницкий отвечал: "Я уже сказал, что теперь нельзя: полки не собраны да притом голод; комиссия отложится до зеленых святок (Троицына дня), когда будет трава, чтоб было чем пасти лошадей, а до того времени пусть коронные и литовские войска не входят в Киевское воеводство. Граница между нами Горынь и Припять, а от Брацлавского и Подольского воеводств - по Каменец". Комиссары предложили было ему свои условия, но Хмельницкий зачеркнул их, и, таким образом, заключено было только перемирие до Троицына дня. Кисель, однако, продолжал свои увещания, говорил о непостоянстве счастья, призрачного и хрупкого, как стекло; говорил, как страшно для поддержания веры православной искать покровительства турок и татар, которые думают только о том, как бы известить народ русский; если поляки, литва и русь будут губить друг друга в междоусобиях, то соседние народы всех их завоюют; наконец грозил мщением оскорбленного короля. Хмельницкий был тронут, но высказал необходимость войны, и против его причин не было возражений. "Нельзя, - отвечал он, - нельзя удержаться от войны; будем воевать, пока станет жизни и пока не добьемся вольности: лучше голову сложить, чем в неволю возвратиться. Знаю, что фортуна склизка, но пусть торжествует правда. Короля почитаем как государя, а шляхту и панов ненавидим до смерти и не будем им друзьями никогда. Если они перестанут делать зло, то мир заключить нетрудно: пусть утвердят статьи мои. Если же станут хитрить, то война неизбежна. Пленных я выдам на комиссии. Скажите это королю; кроме написанных условий, ничего не будет". Кажется, за эти слова польские историки не имели права обвинить Богдана в неискренности; здесь его устами говорило все простонародье украинское, русское, и характер борьбы выказался ярко, борьбы, возгоревшейся от смертельной ненависти к панам и шляхте. Мир при самых выгодных условиях для ограниченного в числе козачества, но с возобновлением прежних условий для холопов был невозможен, как события покажут нам.

Комиссарам не хотелось выехать из Переяслава без польских пленных; они употребляли все усилия, расточали просьбы и подарки, обещали по сту червонных полковникам и писарям. Знали, что большим влиянием пользуется обозный Чернота, и пошли к нему с подарками просить, чтоб шел к гетману и уговорил его отпустить пленников. "Не пойду, - отвечал Чернота, - я болен: вчера с ним пили целую ночь, оттого и хвораю. Да я ему не советовал и не советую выпускать пташек из клетки; если б я был здоров, то навряд и сами вы вышли бы отсюда".

На прощание комиссаров с гетманом пленных привели: комиссары опять стали просить об их освобождении, пленные бросились к ногам Богдана, но ничто не помогло. "Пусть Потоцкий, - сказал он, - подождет брата своего: тогда этого велю посадить на кол перед городом, а того - в городе; пусть глядят друг на друга". В следующих словах Хмельницкого комиссарам заключалась опять суцкая правда: "Не знаю, как состоится вторая комиссия, если молодцы не согласятся на 20 или 30 тысяч реестрового войска и не удовольствуются удельным панством своим; не сам по себе я откладываю комиссию, а потому, что не смею поступать против воли рады, хотя и желал бы исполнить волю королевскую". На возвратном пути комиссары также имели случай убедиться в характере борьбы; прислуга их обоего пола, даже девушки, переходила к козакам. В Киеве шляхтичи, шляхтянки и чернь католического исповедания бросились к комиссарам, чтоб под их покровительством уйти из города, но козаки погнались за ними и не пустили, многих ободрали, били и топили. В Белгородке ночлег был небезопасен, потому что здесь преследовали католиков. "Должно знать, - писал один из комиссаров, - что чернь вооружается, увлекаясь свободою от работ, податей и желая навеки избавиться от панов. Во всех городах и деревнях Хмельницкий набирает козаков, а нежелающих хватают насильно, бьют, топят, грабят; гораздо большая половина желает покоя и молит бога об отмщении Хмельницкому за своеволие. Хмельницкий не надеется долго жить, и действительно, он имеет между своими приближенными заклятых врагов. Он закопал в Чигирине несколько бочек серебра, имеет 130 турецких коней, 24 сундука с дорогим платьем. Украина наполнена пилявскою добычею; ее преимущественно скупают москвитяне в Киеве, также по городам на рынках. Серебряные тарелки продавались по талеру и еще дешевле. Один киевский мещанин купил у козака за 100 талеров такой мешок серебра, какой только можно было донести мужику".

Если Хмельницкий не мог принять условий, предложенных ему польским правительством, то последнее, без крайней необходимости, не попытавшись при более счастливых теперь обстоятельствах оружием усмирить хлопов, не могло согласиться на условия Хмельницкого, и обе стороны воспользовались перемирием только для того, чтоб собраться с новыми силами к войне, да и перемирие было плохо сдерживаемо с обеих сторон. Поляки поняли наконец, что мир или война не зависят от Хмельницкого; в апреле писали из Волыни: "Чернь до того расвирепела, что решила или истребить шляхту, или сама гибнуть". Все поднялось в

козаки. "У Хмельницкого, - говорит очевидец, - было бесчисленное войско, потому что в ином полку было козачества больше двадцати тысяч, что село, то сотник, а в иной сотне человек с тысячу народа. Все, что было живо, поднялось в козачество; едва можно было найти в селах семью, из которой кто-нибудь не пошел бы на войну: если отец не мог идти, то посылал сына или паробка, а в иных семьях все взрослые мужчины пошли, оставивши только одного дома; все это делалось потому, что прошлого года очень обогатились грабежом имений шляхетских и жидовских. Даже в городах, где было право магдебургское, бурмисты и радцы присяжные покинули свои уряды, побрили бороды и пошли к войску". Кроме этого многочисленного своенародного ополчения Хмельницкий ждал еще хана крымского с ордою, ждал турок, ждал донцов, отправил в Москву чигиринского полковника Вешняка, который в мае подал царю грамоту. "Нас, слуг своих, - писал Богдан, - до милости царского своего величества прими и благослови рати своей наступить на врагов наших, а мы в божий час отсюда на них пойдем. Вашему царскому величеству низко бьем челом: от милости своей не отдаляй нас, а мы бога о том молим, чтоб ваше царское величество, как правдивый и православный государь, над нами царем и самодержцем был". Царь отвечал, что вечного dokonчания с поляками нарушить нельзя, "а если королевское величество тебя, гетмана, и все Войско Запорожское освободит, то мы тебя и все войско пожалуем, под нашу высокую руку принять велим". Долго было дожидаться этого освобождения; королевское величество собирал войско, но в войске этом между воеводами несогласие, между ратными людьми неусердие к делу; против русских, которые бились за веру, за свободу, одушевлялись ненавистью к притеснителям и воспоминанием о недавнем громадном успехе, о добыче богатой, против этих русских поляки выставили иноземцев наемных, правда, искусных и храбрых, надежных в бою против толпы неокуренной порохом, но покидающих знамена, как только задерживалось жалованье; войско своеземное подражало в этом отношении иноземцам: "Денег, денег, как можно скорее денег!" Писали из польского лагеря: "Оставляют хоругви не только рекруты, но и товарищество, так что в иных отрядах находится налицо не более половины людей и даже менее. Иностранное войско сильно уменьшается; ратных людей нельзя удержать ни ласковыми словами, ни строгостью законов, а только деньгами"; и тут же читаем следующие слова: "Очень трудно достать шпиона между этою русью: все изменники! А ежели добудут языка, то, хоть жги, правды не скажет".

Как скоро трава показалась на поле, стали собираться хлопы под Киев, подступили к днепровскому перевозу в числе 1080 человек, а в Киеве ждал их козак бывалый, мещанин Полегенький, с которым было все улажено: по данному знаку Киев обступили со всех сторон, и на улицах началась потеха: начали разбивать католические монастыри, до остатка выграбили все, что еще оставалось, и монахов и ксендзов волочили по улицам, за шляхтою гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хватили их и побивали. Набравши на челны 113 человек ксендзов,

шляхтичей и шляхтянок с детьми, побросали в воду, запретивши под смертною казнию, чтоб ни один мещанин не смел укрывать шляхту в своем доме, и вот испуганные мещане погнали несчастных из домов своих на верную смерть; тела убитых оставались собакам. Ворвались и в склепы, где хоронили мертвых, трупы выбросили собакам, а которые еще были целы, те поставили по углам, подперши палками и вложивши книжки в руки. Три дня гуляли козаки и отправили на тот свет 300 душ: спаслись только те шляхтичи, которые успели скрыться в православных монастырях.

Хмельницкий выступил из Чигирина и шел медленно, поджидая хана; Ислам-Гирей соединился с ним в июне 1649 года; присоединилось и 6000 турок, приехали и донцы. 29 июня войска Хмельницкого встретили под Збаражем польское войско, бывшее под начальством Фирлея и Вишневецкого. Поляки окопались в лагере и более месяца отбивались от осаждающих, козаков и татар, терпя голод. В начале августа Хмельницкий узнал, что сам король Ян Казимир с главным войском стоит под Зборовом, и, оставив пехоту держать по-прежнему в осаде Фирлея и Вишневецкого под Збаражем, сам с конницею и с ханом отправился к Зборову; 5 августа дело началось сильным поражением поляков, не ожидавших нападения; к ночи они были окружены со всех сторон. Тогда канцлер Оссолинский придумал средство спасения - отделить хана от Хмельницкого. Ян Казимир послал объявить Ислам-Гирею свою приязнь и напомнить о благодеяниях покойного короля Владислава, который некогда выпустил Ислама из плена; хан отвечал, что готов вступить в переговоры; Хмельницкий писал королю, что никогда, от колыбели до седины, не замышлял мятежа против него, что не из гордости, но, вынужденный безмерными бедствиями, угнетенный, лишенный всего имущества отцовского, прибегнул он к ногам великого хана крымского, чтоб при его содействии возвратить милость и благосклонность королевскую; изъявлял готовность уступить свою власть новому гетману, которого незадолго перед тем назначил король, объявив Хмельницкого лишенным булавы за мятеж. 9 августа заключен был договор: хан взял с короля обязательство прислать в Крым единовременно 200000 злотых и потом присылать ежегодно по 90000, а для своего союзника Хмельницкого выговорил следующие условия: 1) Число Войска Запорожского будет простираться до 40000 человек и составление списков поручается гетману; позволяется вписывать в козаки как из шляхетских, так и из королевских имений, начавши от Днепра, на правой стороне в Димере, в Горностайполе, Корустьшове, Паволоче, Погребище. Прилуке, Виннице, Браславле, Ямполе, в Могилеве, до Днестра, а на левой стороне Днепра в Остре, Чернигове, Нежине, Ромнах, даже до московского рубежа. 2) Чигирин с округом должен всегда находиться во владении гетмана запорожского. 3) Прощение козакам и шляхте, которая соединилась с козаками. 4) В тех местах, где будут жить реестровые козаки, коронные войска не могут занимать квартир. 5) В тех местах, где будут находиться козацкие полки, жида не будут терпимы. 6) Об унии, о церквах и имениях их будет сделано постановление на будущем сейме; король позволяет, чтоб киевский митрополит заседал в сенате. 7) Все должности и чины в

воеводствах Киевском, Черниговском и Брацлавском король обещает раздавать только тамошней шляхте греческой веры. 8) Иезуиты не могут находиться в Киеве и в других городах, где есть школы русские, которые все должны оставаться в целости. 10 августа Хмельницкий представился Яну Казимиру и, ставши на одно колено, произнес речь, в которой повторил, что у него и в мысли никогда не было поднимать оружие против короля, но что козаки восстали против шляхетства, которое угнетало их как самых последних рабов. Ян Казимир дал ему поцеловать руку, а литовский подканцлер прочел ему наставление, чтоб верностию и радением загладил свое преступление. На другой день войска разошлись.

В то время, когда на Украине происходила борьба, в Москве находились в тревожном, выжидательном положении. В июле 1649 года распорядились таким образом: черкас, которые из литовской стороны придут в Путивль на государево имя, принимать и устраивать в службу от крымской стороны, а в городах, которые от литовской стороны, быть им нельзя, потому что от этого можно поссориться с Польшею, да и самим черкасам жить в этих порубежных городах от поляков опасно: принимать черкас женатых и семьянистых, а одиноких, у которых племени в выходцах не будет, не принимать, сказывать им, чтоб шли на Дон, для чего давать им прохожие памяти. Пришла весть о торжестве Хмельницкого, о Зборовском договоре. Царь приказал путивльским воеводам, князю Семену Прозоровскому с товарищами, немедленно послать за рубеж для проводывания верных вестей. Воеводы отправили двоих путивльцев прямо к Хмельницкому требовать наказания конотопскому городовому атаману, который в своей грамоте написал имя великого государя не попригожу, жаловаться на литовцев, захватывающих русские земли. Богдан принял воеводских посланцев не очень учтиво. Прочтя грамоту, он сказал: "Не поспел я из обоза приехать, а с государевой стороны уже начали приезжать с жалобами"; и когда посланцы пришли на другой день, то Богдан начал их бранить: "Ездите вы не для расправы, для лазутчества; пусть ваши воеводы ждут меня к себе в гости в Путивль скоро; иду я войною тотчас на Московское государство; вы о дубье да о пасаках хлопчете, а я все города московские и Москву сломаю; кто на Москве сидит, и тот от меня на Москве не отсидится за то, что не помог он мне ратными людьми на поляков; я с вами не мирился и крест не целовал, а который король польский мирился и крест целовал, тот умер; говорю я вам не тайно, подлинно иду на Московское государство войною. Довелось вас казнить смертию, но я вам эту казнь отдаю, получше вас королевские послы - и тех я казнил". Посланцы донесли, что во всех городах козаки явно толкуют о войне на Московское государство. Но сам Богдан отвечал письменно путивльским воеводам, чтоб они не сердились на конотопского атамана, человека простого и неписьменного; что же касается до убытков, сделанных литовскими людьми русским, то он уже послал приказ заплатить за них. В том же смысле отвечал Богдан и брянскому воеводе князю Мещерскому на подобные же жалобы: "Кто станет с нашей стороны чинить неправду, таким своевольникам приказали мы головы рубить, а мы

всегда со всем Войском нашим Запорожским, как христиане с христианами, любви и приязни желаем". Посланцам брянского воеводы гетман говорил: "Говорил мне крымский царь, чтоб идти мне с ним заодно Московское государство воевать, но я Московское государство воевать не хочу и крымского царя уговорил, чтоб Московское государство не воевать. Я великому государю готов служить, где ни прикажет. Не того мне хотелось и не так было тому быть, да не хотел государь, не пожаловал, помощи нам, христианам, не дал на врагов, а они, ляхи поганые, разные у них веры, и стоят заодно на нас христиан". Говоря это, Хмельницкий заплакал. Получивши такие различные донесения, государь запретил путивльским воеводам сноситься с Богданом и отправил к нему своего посланника, Григория Неронова, который в октябре приехал к Хмельницкому с такими речами: "Ведомо великому государю учинилось: крымский хан хвалился пред тобою, что весною хочет идти на украинские города Московского государства, и ты, гетман, служа великому государю, хану отговорил: царское величество тебя за эту твою службу и раденье жалует, милостиво похваляет; ты б впредь за православную веру стоял, царскому величеству служил, служба ваша в забвеньи никогда не будет". Гетман отвечал, что действительно так было. За обедом, как обыкновенно бывало, Богдан стал высказывать, что у него было на сердце: "Царского величества подданные, донские козаки, учинили мне беду и досаду великую: как началась у меня с ляхами война, то я к донским козакам писал, чтоб они помощь мне дали и на море для добычи и на крымские улусы войною не ходили, но донские козаки моего письма не послушали, на крымские улусы приходили; так я крымскому царю хочу помочь, чтоб донских козаков вперед не было; донские козаки делают, забыв бога и православную веру; помощи мне не дали и крымского царя со мною ссорят; да и царское величество помощи мне не подал и за христианскую веру не вступился; а если царское величество меня не пожалует, будет за донских козаков стоять, то я вместе с крымским царем буду наступать на московские украины". Богдан сильно расхотелся; но Неронов, не смутясь, отвечал ему по московскому обычаю: "Донцы ссорятся и мирятся, не спрашиваясь государя, а между ними много запорожских козаков; тебе, гетману, таких речей не только говорить, и мыслить о том непригоже. Царское величество с панами радными но их присылке не соединился на козаков, и в смутное ваше время, когда в черкасских городах хлеб не родился, саранча поела, и соли за войною привоза не было, государь хлеб и соль в своих городах вам покупать позволил, и все Войско Запорожское пожаловал, с торговых людей ваших, которые приезжают в наши порубежные города с товарами, пошлин брать не велел: это великого государя к тебе и Войску Запорожскому большая милость и без ратных людей!" Богдан притих и отвечал: "Перед восточным государем и светилом русским виноват я, слуга и холоп его; такое слово выговорил с сердца, потому что досадили мне донские козаки, а государева милость ко мне и ко всему Запорожскому Войску большая: в хлебный недород нас с голоду не морил, велел нас в такое злое время прокормить, и многие православные

души его царским жалованьем от смерти освободились; государь бы меня пожаловал, вину мою, что выговорил непригожее слово, простил, а эту вину стану покрывать своею службою; а на православную веру не посягал, донским козакам мстить не буду и с крымским царем их помирю". Отпуская посла, Хмельницкий говорил: "Как я призывал крымского царя на помощь, то закрепили мы между собою душами - друг на друга войною не приходиться и друг другу помогать, да крымский царь мне говорил: "Как нам бог помощь свою даст и ляхов побьем, то, кого ты, гетман, над собою и Войском Запорожским хочешь государем иметь, тому и я буду служить. И как я, гетман, писал к великому государю, чтоб принял меня под свою высокую руку, то крымский царь мне говорил, что хочет и он великого государя над собою государем иметь и со всею ордою. Господь бог тому ныне быть еще не изволил, но приходит теперь то время, что все бусурманские и иных вер государства будут за православным восточным великим государем вскоре, только не знаю, велит ли бог мне до того времени дожить или нет". Практический москаль выразил сомнение. "Это дело нестаточное, - сказал Неронов, - что крымский царь хотел иметь над собою великого государя нашего, потому что крымский царь живет в подданстве у турецкого царя". Богдан отвечал: "Крымских царей прежде турецкий царь переменял часто, и боялись турецкого в Крыму, а теперь сам турецкий царь боится крымского царя и великого Войска Запорожского, и никакой воли турецкий царь над крымским не имеет". Потом продолжал: "Если ляхи на правде своей не устоят, то я им этого не поущу, а если господь бог нас не помилует, выдаст в поруганье проклятым ляхам и стоять мне против ляхов будет не в силу, то я с Войском Запорожским на царскую милость надежен, отступлю я с Войском Запорожским от проклятых ляхов в царского величества сторону, а в иные государства переходить мысли у меня нет. А если бог нас помилует от проклятых ляхов освободить, то я, гетман, и войско иного государя, кроме великого государя, светила русского, иметь не будем; а я думаю, что ляхам на правде своей не устоять, и на сейме договорных статей не закреплять, и войну против Войска Запорожского начинать". Неронов; "В вечном докончании о перебежчиках не написано и после вечного докончания на обе стороны переходить вольно". Хмельницкий. "Если ляхи со мною договорные статьи на сейме совершат, то великому государю было бы ведомо, что, сложась с крымским царем, с волохами, сербами и молдаванами, хочу промышлять над турецким царем; крымский царь, волохи, сербы и молдаване и белогорские (акерманские) князья ко мне об этом беспрестанно присылают, и теперь у меня изготовлено на Днепре под Койдаком 300 стругов, да велел еще прибавить 200, а сам пойду с большими силами сухим путем на Белгород, в Турской земле мне и Войску Запорожскому зипун добыть есть где".

Проезжая через малороссийские города, Неронов прислушивался к народному говору и вот какие вести привез в Москву: всяких чинов люди говорят, что они от войны и разоренья погибают, кровь льется беспрестанно, за войною хлеба пахать и сена косить им стало некогда,

помирают они голодною смертию и молят бога, чтоб великий государь над ними был государем; а иные многие хотят и теперь в государеву сторону перейти. Государство Московское хвалят: в Московском, говорят, государстве великий государь православной христианской веры, и подданные его все православные же христиане, и войны в Московском государстве нет и вперед не будет, потому что вера православная одна; а у них и прежде с ляхами за веру война и разоренье бывало большое, а теперь хотя они с ляхами и помирятся, потому что они теперь ляхов осилили и ляхи им теперь уступают во всем, но потом ляхи над ними станут промышлять и за нынешнюю войну мстить; знают они подлинно, что ляхи против них войну начнут.

Неронов познакомился в Чигирине и с писарем Войска Запорожского, Иваном Выговским. Выговский был шляхтич православной веры и служил прежде канцеляристом в Киеве, за растерю книг был приговорен к смертной казни, освободился от нее заступлением панов, после чего юридическое поприще ему опротивело и он пошел в военную службу. По другим известиям, он был писарем при польском козацком комиссаре. В битве при Желтых Водах Выговский попался в плен к козакам, но, как православный, не был убит, а взят Хмельницким для письменных дел. Здесь, как обыкновенно бывало, перо, несмотря на свою видимую слабость и подчинение, умело взять верх над саблею, и ловкий канцелярист Выговский приобрел большое влияние в войске и над самим Богданом, отклоняя вредные следствия его вспыльчивости за горелкою. Притворяясь поневоле козаком, Выговский оставался в душе шляхтичем, т. е. врагом козачества, и не переставал питать привязанности к Польше, этому шляхетскому царству, раю шляхты, не упускал случая служить панам, уведомляя их об опасности от хлопства. Предвидя, что рано или поздно козакам не уйти от подданства московского, Выговский был очень любезен с послами московскими, тем более что они за эту любезность платили соболями. Неронов доносил, что он дал лишние соболи Выговскому, ибо тот сообщил ему список зборовских статей и про иные дела рассказывал.

В Малороссии гетман и народ были далеки от уверенности, что Зборовский договор может быть продолжителен; легко понять, что в Польше было еще больше неудовольствия. Короля в Варшаве встретили очень дурно; сейм хотя подтвердил вообще Зборовский договор, но духовенство решительно отказалось выполнить одну из главных статей его - дать среди себя место киевскому православному митрополиту, и Сильвестр Коссов выехал ни с чем из Варшавы, куда было приехал для заседания в сенате. С своей стороны, Хмельницкий не имел никакой возможности соблюсти в точности договор, ибо для этого соблюдения должен был, ограничив число козаков, поворотить гайдамаков в крестьян, заставить их повиноваться панам, которых они выгнали, наследникам тех, которых они замучили. Начались опять волнения хлопства; шляхта, возвратившись в Украину, не могла жить в своих владениях и помирала с голоду; Хмельницкий должен был свирепствовать против тех, кого недавно называл своими верными

союзниками. Но строгости не помогали; Хмельницкий, видя, что прежние союзники могут сделаться теперь опасными для него врагами, объявил, что в реестр принимать больше нельзя, но всякий может быть охочим козаком. Он говорил Киселю, назначенному киевским воеводою: "Поляки поддели меня; по их просьбам я согласился на такой договор, которого исполнить никак нельзя. Только 40000 козаков! Но что мне делать с остальным народом? Они убьют меня, а на поляков все-таки поднимутся". 20 марта 1650 года Хмельницкий писал королю: "Посылаю войсковые реестры и просим вашу королевскую милость извинить, если покажется, что по статьям Зборовского договора следовало бы еще больше уменьшить число войска, потому что мы уже и так имели большие затруднения при определении числа нашего войска. Те, которые по заключении мира умертвили урядников-панов своих, наказаны по мере вины. Мы и впредь, сносясь с воеводою киевским, будем стараться свято охранять покой, преграждая непокорным путь ко всяким мятежам. О том только просим вашу королевскую милость, чтоб войска коронные не приближались и тем не причиняли тревоги в народе. Еще раз просим, чтоб не было больше разъединения в нашей греческой религии и чтоб по смерти властей униатских, владеющих церквами и церковными имениями по привилегиям покойного короля, все церкви и имения отданы были нашему духовенству". Кисель в письме к королю хвалит поведение Хмельницкого и старшин козацких, но прибавляет: "Одна только чернь, исключенная из реестров, прибегает к разным способам, чтоб избавиться от подчиненности своим панам: одни продают себя и, растратив все, поступают к козакам погонщиками и прислужниками; другие уходят за Днепр со всем имением, а некоторые (и таких наименьшая часть) уже кланяются панам своим. Если б я не видал такой силы и готовности к войне, какая здесь, если б мог видеть расторжение союза орды с козаками и если б войско наше могло прийти сюда прежде вскрытия рек, то просил бы униженно вашу королевскую милость прибегнуть к оружию, принимая во внимание унижение, которое мы терпим в мире, похожем на рабство; лучше попытаться начать войну, чем иметь подданных и не владеть ими. Если нужен повод к войне, то республика всегда может иметь его, как только будет готова. Если даже они будут желать оставить нас в мире, то поводом к войне может быть то обстоятельство, что этот мир не только не удовлетворяет нас, обиженных, но несообразен с самим договором, заключенным с ними. Два важнейшие обстоятельства, именно восстановление католического богослужения и подданство прибыльное панам, не скоро могут прийти в свою колею, потому что они не хотят платить никаких податей, а желают быть крестьянами только по имени. Признаюсь чистосердечно, что такой мир мне не по сердцу". Не по сердцу он был и всей шляхте в шляхетском государстве.

Невозможностию сохранения мира между козаками и Польшею хотела воспользоваться Москва. В январе 1650 года отправлены были в Варшаву боярин Гаврила Пушкин, окольный Степан Пушкин и дьяк Гаврила Леонтьев. В ответе с панам радиными послы прежде всего объявили

требование, чтоб по вечному dokonчанию были наказаны все те, которые неправильно писали титул великого государя. Паны отвечали, что для кончины блаженной памяти двух государей, царя Михаила и короля Владислава, эти дела надобно оставить, потому что всегда по смерти государя прощают людей, против него виновных; при новом же короле Яне Казимире никогда подобных ошибок в титуле не будет. Послы возражали, что паны говорят это, оставя божий страх и людской стыд, и спросили: а что будет тем, которые и при короле Яне Казимире будут неправильно писать титул? Паны отвечали, что их непременно будут казнить без всякой пощады; тогда послы потребовали, чтоб паны дали о том на себя утверждение крепкое за своими руками и печатями. Паны, доложивши об этом королю, передали послам ответ королевский, что виновные в умалении титула будут позваны на будущий сейм и наказаны по праву польскому, а утверждение на этот счет король дать им, панам, не позволил. Послы, стоя о том гораздо, говоря и споря пространными речами, не могли добиться ничего другого и перешли к жалобе на новое оскорбление, злее прежнего: по повелению короля Яна Казимира в первый год его царствования напечатаны в Польше многие книги и разнесены в Московское царство и во все окрестные государства; в этих книгах напечатано многое бесчестье и укоризна отцу великого государя, царю Михаилу Феодоровичу, самому царю Алексею Михайловичу, боярам и всяких чинов людям, чего по вечному dokonчанию и посольским договорам не только печатать, и помыслить нельзя, от бога в грех и от людей в стыд. Одна книга напечатана в Кракове в 1648 году Яном Александром Горчином. Напечатано в этой книге мимо всякой правды, будто Смоленск, который обманом был взят и сто лет жестокостию московскою притесняем, королевского величества победою освобожден; московского царя и братьев его выи и гордую упорность король под ноги свои подклонил; потом Владислав Московское государство разорил так, что до сих пор не может оправиться, и другие многие поносные статьи про Московское государство и про смоленскую службу напечатаны. В другой книге, которая напечатана в 1643 году на латинском языке в Данциге, около лика Владислава против левой руки написано: "Московия покорна учинена", потом напечатано, что Владислав союзопреступных москвитян под Смоленском осадил и в такое отчаяние их привел, что жизнь и смерть всего войска в его воле были, и москвитяне, трижды преклонив колена свои, милости просили. Напечатано, что москвитяне только по имени слывут христианами, а делом и обычаем хуже варваров, что Михаил Феодорович был возведен на престол людьми непостоянными. В третьей книге о житии и славных победах Владислава, напечатанной в 1649 году, также находятся царскому величеству и Московскому государству бесчестья с великою укоризною, например "бедная Москва" и другие многие хульные слова, что и писать стыдно; Михаил Феодорович московский написан мучителем, патриарх Филарет Никитич написан трубачом. Наконец в польской печатной книге о черкасской войне 1649 года сказано, что венгрин и москвитин из соседей и приятелей в сторону скакнули: за таким крепким

утверждением и вечным dokonчаньем таких неистовых и поносных слов про великого государя нашего и про все Московское государство не только в книгах печатать, и мыслить не годилось, великого государя бесчестить, москвитинном называть и ссоры в людей вмещать, будто со стороны царского величества есть причины к нарушению вечного dokonчания; на такое злое дело вы, паны радные, как дерзнули? Как смели такие злые досады и грубости износить? Да и то мы, великие послы, вам, панам радным, объявляем: когда черкасский гетман землю королевского величества пленил, то присылал к великому государю бить челом, чтоб принял его со всеми городами под свою высокую руку, потому что запорожские черкасы православной веры и от государя вашего и от всей Речи Посполитой за веру всегда в гонении пребывают и смертно страждут. Но великий государь наш, не хотя кровопролития и нарушения вечному dokonчанию, многому прибытку не порадовался, гетмана Богдана Хмельницкого под свою высокую руку не принял, ожидает от вас в великих неправдах исправленья. Если же не исправитесь, то великий государь наш велит учинить в Москве собор, на соборе велит быть патриарху, митрополитам, архиепископам и епископам и всему освященному собору, боярам, всему синклиту и всяких чинов людям, королевские неправды на соборе велит вычесть, вычтя, пойдет со всем освященным собором и синклитом в соборную церковь, куда велит пред собою нести утвержденную грамоту короля Владислава во свидетельство нарушения вечного dokonчания с королевской стороны, велит положить эту грамоту перед образом Спасовым и Пречистой богородицы, и, соверша молебное пение о нарушителях вечного dokonчания, за честь отца своего, за свою собственную и за честь всего Московского государства стоять будет, сколько ему милосердый бог помощи подаст, и во все окрестные государства христианские и бусурманские о ваших неправдах велит отписать подлинно, и все окрестные государи царскому величеству помогать будут людьми и денежною казною; а про которых великих государей в тех ваших книгах напечатано не попригожу, те за свое бесчестье станут сообща с нашим великим государем на Корону Польскую и Великое княжество Литовское. Да и в города королевские, и к черкасскому гетману Богдану Хмельницкому, и ко всему черкасскому войску о тех ваших неправдах великий государь велит отписать, и городские всяких чинов люди и Запорожское Войско сами на вас восстанут. Если же король хочет сохранить мир, то за такое бесчестье великих государей пусть уступит те города, которые отданы были царем Михаилом королю Владиславу, пусть казнит смертью гетмана Вишневецкого и всяких чинов людей, которые писали, не остерегая государской чести, а за бесчестье бояр и всяких чинов людей пусть заплатят 500000 золотых червонных. В ваших книгах напечатано: "Пусть Московия исподволь возрастает, чтоб тем с большею силою вконец разрушиться"; вы дали нашим людям сроку до тех пор, пока размножатся: и теперь их родилось и подросло много сот тысяч, ратному рыцарскому строю изучены и у великого государя беспрестанно милости просят, чтоб

позволил идти на неприятелей, которые бесчестят великих государей наших, а нас называют худыми людьми и побирахами.

Паны, выслушавши такие грозные речи, стали в великом сомнении, приложили свои руки к себе и говорили: "В вашем посольском письме написано много непригожего дела и неприличных речей, донесем об них королевскому величеству". Каштелян гнезненский, Ян Лещинский, сказал: "Про эти книги знали мы давно; только вам, царского величества послам, до тех книг дела нет". Послы отвечали: "Так ваша явная неправда, что, зная такие воровские книги, тех воров, кто их печатал, не велели казнить смертью, а книги сжечь". После долгих споров послы вышли из ответной палаты. В следующее заседание паны начали говорить: "Королевское величество и мы, паны радные, думаем, что вы, великие послы, такие многие негодные статьи написали без повеления великого государя своего, затеяв ссору, потому что на посольстве у королевского величества вы говорили только о братской дружбе и любви, о покое и тишине и о всяком добре. Король к брату своему, великому государю вашему, хочет послать гонца с объявлением о вашем к доброму делу несходстве, что вы написали все к нарушенью вечного покоя, домогаетесь того, о чем мы и слышать не хотим, требуете городов да денег, хотите честь государя своего продать".

Послы отвечали: "Удивляемся, что вы, паны радные, нас, великих послов, бесчестите, говорите, что мы пишем без повеленья государя своего; быть может, вы сами так делаете без повеления королевского, потому и про нас так говорите; а мы и самого малого дела без наказа государева делать не смеем". Паны: "Мы вас ничем не бесчестим и бесчестить не хотим; но королевское величество очень удивился, что вы хотите нарушить вечное dokonчание по причине малых и негодных статей, что напечатали глупые и неподобные люди о давних делах в государстве вашем. Король и мы книг печатать не заставляем и не запрещаем: который печатник напечатает в книге хорошо, справедливо, и мы то хвалим; а если глупцы напечатают что дурно, негодно и лживо, над тем мы, паны радные, смеемся. Если же книг не печатать, то потомкам нашим и знать будет не по чему. Печатники печатают не только о прежних делах Московского государства, но и других окрестных государств, точно так же про Польшу и Литву. Да и в окрестных государствах про Московское государство пишут, доброе хвалят, дурное укоряют; точно так же о Польше и Литве много бесчестья печатают, однако король и мы за бесчестье того себе не ставим. Пусть великий государь ваш велит у себя печатать о Польском королевстве что угодно: мы этого в бесчестье себе не поставим и вечного dokonчанья за то разрывать не станем". Послы: "Со стороны великого государя нашего ни в чем неправды никакой не было, а со стороны королевского величества вечное dokonчание нарушено: титул умален и на все жалобы нет никакого удовлетворения. Вы говорите, зло ко злу прикладывая, будто мы хотим государскую честь продать, что просим городов: и таких непристойных слов вам говорить не годится. Государь наш не хочет видеть, чтоб Польша и Литва в конечном разоренье были, за бесчестье отца своего и за свое

хочет взять города, потому что эти города отданы за честь отца государева, потому за бесчестье взять их назад годится". Паны: "В посольском договоре не написано, чтоб книг не печатать и, что ведется на свете, о том не писать; и вам как было не стыдно о том говорить, городов просить и разрывом вечного докончания грозить". Послы: "Нечего нам стыдиться, мы не перестанем обличать ваших неправд, и великий государь наш больше терпеть их не будет, за свою и за своего отца честь станет". Паны: "Король никакой причины к нарушению мира не ищет: мы никаких книг печатать не приказывали и до них королю и нам дела нет; вы приехали в Польшу, накупили книг и, что в них глупые люди, пьяницы ксендзы напечатали, то ставите причиною к разрыву вечного докончания; но вы на нас не на сирот напали, будем с вами биться, и вас бог покарает, как покарал при королях Сигизмунде и Владиславе". Послы: "Ваше злохитрое умышление явно, отговариваться вам нечем. Говорите: нас бог покарает, как прежде покарал, но ратное дело на одной мере не стоит, бывало, что и российские государи польских королей одолевали. Теперь вы сами видите над собою победу и одоление и конечное разорение от худых людей, от подданных своих запорожских черкас: они государство ваше повоевали довольно, города многие взяли и гордые ваши *пыхи* (гордости) поломали, дома ваши облупили, начальных ваших людей и промышленников гетманов в полон взяли, лучшее ваше кварцаное войско побили; и если б за такие ваши великие неправды государь наш велел черкасскому войску помочь учинить, то Короне Польской и Великому княжеству Литовскому быть бы в конечном разорении и запустении; а грамоты Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского, в которых они просили государя принять их под свою высокую руку, эти подлинные грамоты за подписью Богдана Хмельницкого и за печатью всего Войска Запорожского с нами здесь". Тут послы показали панам грамоты. Паны отвечали: "Слышали мы и прежде, что великий государь ваш милосердие свое над нами показал, вечного докончания не нарушил и злодеев, бунтовщиков, изменников запорожских козаков принять не велел, и за то королевское величество и мы, паны радные, царскому величеству челом бьем, также и теперь просим, чтоб царское величество был с королем нашим в братской дружбе навеки неподвижно". Послы: "Королевское величество в братстве быть хочет, а злодеев, крестопреступников, которые царские титулы писали с изменением и укоризною, до сих пор казнить не велел, а теперь по повелению королевскому печатано в книгах всякое бесчестье". Паны: "Книги напечатаны без повеленья королевского". Послы показывали книги, где было прямо сказано, что напечатаны они по указу королевскому: паны отвечали, что книги напечатаны по привилегии, а не с позволения королевского и что бесчестья в книгах нет, а напечатано только то, что было; Филарет Никитич назван не трубачом, а огласителем. "Мы тому очень дивимся, - прибавили паны, - что вы сами и никто в Московском государстве по-польски и по-латыни не учится, а кто-нибудь вам укажет на ссору, и вы верите". Послы: "Сами вы говорите неученую и неучтивую речь: мы польских и латинских писем себе в диковину не ставим, учиться

им и перенимать у вас никакого ученья не хотим, по милости божией держим преданный нам славянский язык твердо и нерушимо, догматы божественного писания знаем, государские чины и посольские обычаи твердо разумеем и указ великого государя своего помним, и с нашей стороны никакого бесчестья королевскому величеству не было. А вы, паны радные, сами себя выхваляете и называетесь учеными людьми, а в пятнадцать лет не можете научиться, как именовать и описывать великих государей наших, и нам кажется, что вы, ученые, нас, ненавычных, стали глупее". Паны окончили разговор тем, что виновным в прописке титула будет суд и каранье на сейме, о книгах же король пишет особо к царскому величеству.

После этого разговора велено было на посольском дворе одни ворота забить, у других поставить гайдуков, запрещено было всем полякам ходить на посольский двор и покупать там товары. Послы жаловались; им отвечали, что это сделано на праздник Благовещенья, когда никто торговать не может. Послы отвечали, что они в этом видят угрозу, хотят теснотою заставить их сдаться на волю королевскую, но этим только зло ко злу прилагается. Тогда им сказали прямо: "У вас с панами радными согласия никакого нет; если же между государствами война, то деньги, на которые покупаются у нас и у купцов ваших собольи шубы, годятся на жалованье войску".

На новом съезде паны уступали, что и сочинители книг будут позваны на сейм к суду, хотя бы этого делать и не довелось; послы настаивали на своем; тогда литовский канцлер Албрехт Радзивилл сказал им с сердцем: "Вы говорите, чтоб за бредни, напечатанные в книгах, король отдал вам Смоленск и другие города, но это дело несбыточное: добыты они кровью, кровью только можно их и назад взять; если теперь за такие пустяки дать вам столько городов и денег, то после захотите вы и Варшаву взять; вперед мы об этих книгах с вами и говорить не будем". Потом паны переменили решение и объявили, что дело о книгах должно быть совершенно оставлено. "Если всякую книгу ставить в дело, - говорили они, - то этому и конца не будет; если за все, что напечатано и написано, смертью казнить, то это значит всем государством замутишь и беспрестанно кровь проливать, а к концу дело не привести; и у вашего государя печатают про нашу веру с укоризною; а вперед, хоть бы и не довелось в такое дело вступаться, однако королевское величество велит учинить заказ крепкий, чтоб никто таких книг не печатал". Тогда послы, видя упорство панов рад по многим спорам и разговорам, сказали, что о казни этих людей, которые печатали книги, больше говорить не будут, а полагают дело на волю царского величества; если великий государь простить этих людей не изволит, то велит говорить об этом будущим своим послам или посланникам, но при этом послы требовали, чтоб книги были собраны и сожжены при них в Варшаве и чтоб вперед таких книг не печаталось. Король не согласился на сожжение книг, послы потребовали отпуска; тогда король велел предложить им, что истребят книги тайно, явно же на рынке сжечь их

нельзя, потому что от этого будет позор Польше от всех окрестных государств. Послы настаивали на своем, паны просили отложить дело до сейма; послы и на это не согласились. Тогда паны предложили, что из книг будут выдраны те листы, которые содержат в себе укоризны на московских государей, и сожгутся публично. Послы согласились; листы были выдраны немедленно и отправлены на рынок для сожжения, при котором присутствовал от послов дворянин Фустов с подьячим и переводчиком. После сожжения листов было вытрублено, чтоб никто этих книг, из которых выдраны листы, у себя в домах не держал, а приносили бы их все к тому чиновнику, которого назначит король; о том же разосланы были указы по областям. Фустов донес послам, что когда листы жгли, то в народе говорили: лучше бы король с Московским государством мир разорвал или города уступил, чем такое великое бесчестье положено на Корону Польскую и Великое княжество Литовское: описание славных дел королей Сигизмунда и Владислава на рынке сожжено! Получивши это удовлетворение, послы вытребовали внесения в договор статьи, что в Зборовском договоре с ханом не постановлено ничего противного братской любви с московским государем; вытребовали наконец, чтоб король послал своего дворянина вместе с царским дворянином в Войско Запорожское для поимки самозванца Тимошки Акундинова, который из Турции через Венецию пробрался в Малороссию и был там принят гетманом Хмельницким.

В Москве проведали, что Акундинов живет в Лубнах, в Преображенском Мгарском монастыре, и вот отправились к нему путивльцы торговые люди: Марк Антонов и Борис Салтанов. Они говорили ему, чтоб ехал в Путивль, а государь его своим жалованьем пожалует. Акундинов отвечал, что верить ему одним словесным речам нельзя; он говорил, что ни царем, ни царевичем не называется, только он внук царя Василия Ивановича Шуйского; говорил, что когда он был в Турецкой земле, то государевы послы, Степан Телепнев и дьяк Алферий Кузовлев, его уличали и обесчестили, и по их речам его засадили в Царе-граде, и сидел он в железах три года, но в то время, как турки султана и визиря убили, он освободился и был в разных государствах. Акундинов сказал себе 32 года, утверждал, что многие люди его на Вологде знают, что был он на государевой службе в Перми, куда царь Михаил Феодорович в 1642 году прислал ему грамоту о своем государевом деле, что в этой грамоте он назван наместником пермским, и грамоту эту показывал он Марку и Борису. Потом говорил, что в Перми взяли его на бою в плен татары, что многие государи звали его к себе, но он не хочет отстать от православной веры и хочет служить царю Алексею Михайловичу.

О том же Тимошка писал из Чигирина и к путивльскому воеводе, боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому: "Князь Семен Васильевич, государь! Не тайно тебе о разоренье московском, о побоищах междуособных, о искорененье царей и царского их рода и о всякой злобе лет прошлых, в которых воистину плач Иеремиин о Иерусалиме

исполнился над царством Московским, и великородные тогда княжата скитались по разным городам, как заблудшие козлята, между которыми и родители мои незнатны и незнаемы в разоренье московское от страха недругов своих невольниками были и со мною невинно страдали и терпели, а сущим своим прозвищем, Шуйскими, не везде называться смели. Об этом житье-бытье нашем многословить не могу, только несчастьем своему и бедам настоящее время послухом ставлю, которое время привело меня к тому, что я теперь в чужой земле в незнаемости окован сиротством и без желез чуть дышу, и жалостную, плачевную грамотку к тебе, государю своему, пишу: прими милосердно и знай про меня, что я, обходивши неволею и окруживши турецкие, римские, итальянские, германские, немецкие и иные многие царства, наконец, и Польское королевство, не желая никому на свете поклониться, кланяюсь и покоряюсь только ясносияющему царю Алексею Михайловичу, государю вашему и моему, к которому я хочу идти с правдою и верою без боязни, потому что праведные царские свидетельства и грамоты, что при себе ношу, и природа моя княжеская неволею и нищетою везде светится, чести и имени гласовитого своего рода не умаляет, но и в далеких землях звонит и, как вода, размножается. Все это делается на счастье и прибыль отечеству моему и народу христоименитому, на убыток и бесчестье государевым недругам, на славу великую великого государя, которого есть за мною великое царственнейшее дело и слово и тайна; для этого я в Чигирине никому не сказываюся, кто я, во всем от чужих людей сердечную свою клеть замыкаю, а ключ в руки тебе отдаю. Пожалуй, не погордись, пришли ко мне скрытно верного человека, кто бы умел со мною говорить, и то царственное слово и дело тайно тебе сказать подлинно и совершенно, чтоб ты сам меня познал, какой я человек, добр или зол; а покушавши мои овощи и познавши царственное великое тайное слово, будешь писать к государю в Москву, если захочешь, а ключи сердца моего к себе в руки возьмешь, с чем я тебе, приятелю своему, добровольно отдаюсь. Знаю я московский обычай, станешь писать в Москву об указе теперь прежде дела, и пойдет на протяжку в долгий ящик, но я ждать не буду, потому что делаю это ни для богатства, ни для убожества, но, пока плачевного живота станет, орел летать не перестанет, все над гнездом будет убиваться".

По этому письму князь Прозоровский прислал с подьячим Мосолитиновым грамоту Акундинову: "Тебе бы ехать ко мне в Путивль тотчас безо всякого опасенья; а великий государь тебя пожаловал, велел принять и в Москву отпустить". Акундинов, прочтя письмо, сказал: "Рад я к великому государю в Москву ехать", - и велел подьячему побыть у себя три дня. 31 августа он исповедался и приобщился и, призвавши к себе Мосолитинова, стал говорить ему: "Приехал ты по государеву указу? Не с замыслом ли каким-нибудь? Нет ли у тебя подводных людей? Не будет ли мне от тебя какого убийства?" Подьячий клялся и божился, что прислан по государеву указу и никакого дурна ему не учинится. Акундинов продолжал: "В прошлых годах посылали мы в Волошскую землю в монастырь построения царя Ивана Васильевича для своего дела человека своего, но когда он приехал к

волошскому владетелю Василью, то этот велел ему назваться царем Димитрием, короновал его и послал к турецкому султану в Царь-град. Был в это время в Волошской земле государев посол Богдан Дубровский, доведаясь он про этого самозванца и написал государю в Москву. Государь прислал указ принять его честно, и тот наш человек, обрадовавшись, что его называют честным человеком, поехал с Дубровским в Москву, но Дубровский, выехавши в степи, велел его зарезать, ободрал с него кожу, отсек голову и привез в Москву: и ты не с тем ли ко мне приехал? Я не запираюсь, что был в подьячих: на ком худоба не живет! В московское разоренье и все князья, что овцы, по разным государствам разбрелись; только называют меня подьячим, а я не подьячий, истинный князь Иван Васильевич Шуйский". В тот же день Акундинов позвал подьячего с провожатыми к себе обедать, за обедом за государское здоровье чашу пил и говорил такое слово: "С мудрыми я мудрый, с князьями - князь, с простыми - простой, а с изменниками государевыми и с моими недругами рассудит меня сабля", - после чего объявил, что ехать раздумал и подьячего своего Костку Евдокимова Конюхова не пошлет, потому что в Москве станут его пытаться: "Присылают ко мне, будто к простому человеку; добро бы прислали ко мне московского человека да с Вологды пять человек, да из Перми пять же человек: те меня знают, кто я и каков? Если государь меня пожаловал, то прислал бы ко мне свою государеву грамоту имянно, что пожаловал князь Ивана Шуйского, велел ехать в Москву без всякого сомненья; а то меня обманывают, не считайте меня за подьячего: я истинный князь Иван Шуйский". При отце духовном Акундинов объявил подьячему свое имя: Тимофей, имянинник 10 июня.

Мы видели, что в Варшаве условлено было царскому послу Пушкину отправить в Малороссию своего дворянина, а королю - своего, для поимки Акундинова. Действительно, царский дворянин Протасьев и королевский Ермолич поехали в Киев, где, взявши грамоты от Киселя и митрополита, отправились к Хмельницкому, которого нашли в Ямполье. 18 сентября имели они свидание с гетманом, который сказал им: "У меня такой человек, который называется князем Иваном Васильевичем Шуйским, а царю Василью сказывается внук, в Чигирине был и жил долгое время, недель с десять и больше, и, живучи в Чигирине, мне сказывал, будто государь ваш хотел его казнить смертью неведомо за что, и он, боясь смертной казни, из Московского государства ушел, а мать его и род Шуйских все сосланы в Сибирь, и в Сибири родственники его казнены смертью, только мать осталась жива; а он, бегая, был во многих государствах, в Польше, в Риме, в Австрии, Венгрии, Молдавии, Валахии, Турции, и из Турции пришел ко мне, гетману, в Чигирин, и показывал мне всех этих государств прохожие листы, и говорил мне, что хочет идти в Московское государство, только, не списавшись с государем, не смеет, боится смертной казни; просил меня, чтоб я дал ему проходной лист, и я ему проходной лист дал до границ Московского государства, велел ему давать корм и подвод, и он, уехав из Чигирина, остановился в Лубнах в Спасском монастыре, и, как я пошел из Чигирина Молдавскую землю

воевать, с тех пор не знаю, живет ли тот вор в Лубнах или нет. По его речам, думаю, что он пошел к московской границе, и мне сыскивать его негде, да и такой у нас обычай в Запорожском Войске: какой бы вор ни прибежал, хотя бы великое зло в своем государстве сделавши, принимают и никому не выдают". Протасьев возразил: "Если бы этот вор в царское имя не влыгался, то царскому величеству до него и дела бы не было; много и знатных людей, изменяя, из Московского государства бегают, но так как они называются своим настоящим именем, то живут себе спокойно в Польше, великому государю до них дела нет, но с Тимошкою другое дело, и ты бы, гетман, свое раденье великому государю показал: вора сыскивал, за такую службу и раденье жалованье великого государя будет к тебе большое, и теперь великие послы, боярин Пушкин с товарищами, прислали тебе соболей". Богдан отвечал: "Я и Войско Запорожское великому государю всякого добра хотим, но сыскивать вора мне теперь никак нельзя, потому что сам не знаю, где он; поеду в Браславль и спрошу об нем иным временем". В Браславле гетман позвал Протасьева и Ермолича обедать и за обедом начал рассказывать: "Был я в Молдавской земле, Молдавскую землю воевал и стоял под Яссами, хотел взять самого молдавского господаря, и господарь прислал ко мне послов своих добивать челом, просить покою и дарил меня дочерью своею за моего сына, и прислал ко мне лист за своею рукою и печатью, пишет под присягою, что дочь свою за моего сына выдаст". Велел принести лист и прочел его Протасьеву. После этого Ермолич начал пить чашу за государево и королевское здоровье и сказал: "Теперь великие государи учинились в братской дружбе и любви и договор учинили - иметь одних друзей и врагов". Хмельницкий отвечал с сердцем: "Этими словами ты меня не испугаешь; и если король Зборовский договор нарушать будет и хотя мало чего по договору не учинит, то я со всем Войском Запорожским королю буду первый неприятель, буду наступать и воевать его землю по-прежнему, а великий государь королю за его неправды помогать не будет; знаю я подлинно, что у короля ратных людей мало и стоять королю против меня не с кем, потому что все лучшие польские ратные люди козаками и татарами побиты, а иные в полон взяты; а если и государь, не жалея православной христианской веры, королевской неправде будет помогать, то я отдамся в подданство турецкому царю и с турками и крымцами буду приходить войною на Московское государство". Протасьев сказал на это: "Осердясь на королевского дворянина, ты, гетман, хвалишься на Московское государство войною, но такие самохвальные и непристойные слова нам не страшны, да и то надобно тебе знать и помнить, что великий государь наш для православной веры тебя жалует". Гетман отвечал ему тихонько: "Говорил я эти похвальные слова нарочно, чтоб королевский дворянин не знал о моей службе и раденье великому государю, а ляхи мне большие неприятели, говорить и жить с этими ляхами всею правдою никак нельзя. Я давно хотел быть под государскою высокою рукою, поддаться ему со всем войском и городами, да великий государь ваш принять меня не изволил и этим меня оскорбил, но я и за эту государскую немилость

никакого дурна не чинил, а еще больше прежнего правду свою показал: которое теперь разоренье и война сделались в Молдавской земле, той было войне быть в Московском государстве; присылал ко мне крымский царь, чтоб шел я на Московское государство, писал с грозами, что если не пойду, то дружбу разорвет, а я, служа великому государю и проча себе его государскую милость вперед, крымского царя уговорил и Московское государство уберег, а место его ходил с крымским царем на молдаван". О других делах Протасьев с гетманом за обедом не мог говорить, потому что гетман был пьян да и посторонних людей было много. На дороге в Чигирин, под Савостьяновкою на стану, опять за обедом Богдан говорил: "Король и паны великому государю солгут, знатных людей за прописки в титуле карать смертью не будут и худого шляхтича ни за какое дело никому не выдадут. Мне король и Речь Посполитая обещали под Зборовом выдать Чаплинского и не выдали, и всякими мерами его укрывают". После обеда гетман объявил Протасьеву, что посылает в Лубны универсал, чтоб тамошние власти, сыскавши Тимошку, выдали его ему, Протасьеву; если же вор скроется, то он, гетман, сыскав его, пришлет к великому государю. Но в Лубнах Протасьев Тимошку не нашел, и дали ему знать, что вор уехал в Киев, а оттуда - в Чигирин. Сюда отправлен был из Москвы посланник Василий Унковский, который, приехавши в Чигирин, получил от Акундинова следующее письмо: "Василий Яковлевич, государь! Всемогущая божия сила в моей слабости такую крепость учинила, что, из смрадной челюсти турецкой меня освободивши, принудила, чтоб шел к Москве и покорился добровольно холопски его царскому величеству, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Руси самодержцу, о чем я писал к нему, государю, в Посольский приказ дважды, и указ мне был прислан с подьячим Тимофеем Мосолитиновым от государя. Но зависть вражия от Петра Протасьева сталась и возбранила мне дорогу к государю в Москву, потому что он тайно совещался с богатыми, как бы изловить и убить неповинного. Несмотря на то, выполняя завет мой, я готов ехать к государю в Москву хотя и на вольную страсть, ничего не опасаясь по правде моей и невинности, готов показать ясно, что, хотя и в подьячих там был, однако, благородия Шуйских княжат не лишен. Обещаюсь словом моим крепким и постоянным ехать к государю в Москву, если ты пожалуешь, захочешь со мною увидеться и поговорить дружеским обычаем, что воистину будет на пользу государеву делу и на прибыль, а тебе на честь и славу, потому что познаешь, какой цены мои камни, не найдется темности в моей светлости. Пожалуй же, Василий Яковлевич, отпиши ко мне: учинишь ли так или не учинишь? И если захочешь учинить, то прошу, чтоб увидеться, пока его милость пан гетман не приехал, чтоб нам самим друг с другом рассудиться, не ходя на суд; лучше будет, положившись на бога, учинить по богу, которому учинил я обет, что в Москву ехать желаю. Тот меня избавил и избавляет, уповаю, что и еще избавит от врагов моих".

Унковский назначил свидание в церкви. Здесь Акундинов говорил ему: "Я был на Вологде посажен в съезжей избе в пищиках девятнадцати лет, в то

время как был на Вологде боярин князь Борис Михайлович Лыков, ходивший за козаками; тут я нашел в съезжей избе о родителях моих государеву грамоту, кто были мои родители, а грамоте меня отдавал учить Иван Патрикеев и был до меня для моей бедности добр, а того я не знаю, какого я роду; если меня называют царя Василья Ивановича сыном, то я сам не называюсь, здесь меня так зовут, да и русские люди меня так называют; они меня так и прозвали, я тебе скажу, кто именно; а я не царя Василья сын, дочери его сын; дочь его в разоренье взяли козаки, а после козаков за отцом моим была". Унковский отвечал: "Все это неправда: у царя Василья детей не было; мы знаем, как отца твоего и мать звали и каков человек отец твой и мать были". *Акундинов*: "Был отец мой при царе Михаиле Феодоровиче наместником в Перми". *Унковский*: "При царе Михаиле никто нигде в наместниках не бывал; ты все эти напрасные речи оставь, дай мне прямое слово без всякой хитрости, поезжай со мною к великому государю и вину свою принеси, а государь вину твою велит отдать". Акундинов перекрестился, смотря на образ, и дал руку Унковскому, что идет с ним к царскому величеству. Но потом, постояв долго, заговорил прежне: "Как мне отечество свое покинуть? После отца моего и духовная есть; если ты при гетмане станешь называть меня вором и поносить, то услышишь, сколько от меня будет речей, и от гетмана добра себе не чайте. Не смею ехать, если не целуете креста, что меня до Москвы не уморите и на Москве меня не казнят, и дурного ничего не будет". Унковский не согласился целовать крест: он стал многими людьми промышленять и давать большие деньги, чтоб Акундинова кто-нибудь убил или какою отравою окормил, но никто сделать этого не захотел, боясь гетмана; а самим никак нельзя было его убить: жил очень бережно, прикормлено у него козаков много, и гетман был к нему добр.

Хмельницкий приехал наконец из своего Субботова в Чигирин, и Унковский обратился к нему: "Не хотел ты Тимошку отдать Протасьеву: так теперь прямую свою службу государю поверши, вели вора отдать мне". Хмельницкий отвечал: "Здесь козаки и вольность: всякому человеку вольно к нам приехать отовсюду и жить беспенно; отдать мне его без войскового ведома нельзя. Этот мужик у нас не называется сыном царя Василья, мы про то у него не слыхали". *Унковский*: "В грамоте, которую ты прислал на Дон, а с Дону козаки прислали к государю, писал он, вор, своею рукою, называл себя сыном царя Василья Ивановича; и ты, гетман, сам писал в Путивль к князю Семену Васильевичу Прозоровскому, и в своей грамоте назвал этого вора Шуйским князем". *Богдан*: "Мужик вперед так называться не будет; а если услышим, что называется не только сыном царя Василья, хотя даже простым князем, сейчас велю казнить, а отдать мне его нельзя: кто в которую землю ни приедет, тех людей не выдают, а к царскому величеству я сам хотел бежать от неприятелей своих, от ляхов, и государь бы меня королю не отдал; и если б он меня отдал и меня казнили, то ему, государю, был бы грех". *Унковский*: "Ты бы, гетман, к царскому величеству служить приехал, ты властный человек и ни в чье имя не влыгаешься; а этот вор не в пристойное имя влыгается, таких воров во всех

государствах выдают: король польский выдал Лубу, господарь волошский выдал посланнику Дубровскому другого самозванца". *Богдан*: "Знаю я одно, что мне от войска даром не пробыть, а знаешь сам: с чернью кто сговорит, когда встанут, от них мне только и речей будет: кто тебе велел отдавать из войска людей вольных в неволю? У нас здесь то же, что на Дону: кто откуда приедет - выдачи нет. Только я, уповая на бога и помня царскую милость, вора Тимошку к государю пришлю с своими посланцами; созову всех полковников и старших и, договорясь с ними, пришлю подлинно". Это говорил Богдан с великою божбою.

Покончивши об Акундинове, стали говорить о других государевых делах. Богдан клялся, что никакого зла Московскому государству не мыслит, хвалил милость королевскую, но жаловался на обиды от панов: "У меня маетность старую неправдою отнял Конецпольский и отдал своему приближенному, Чаплинскому; я королю и Речи Посполитой бил челом, но мне не возвратили маетности; отдав детей в добрые люди, пошел я в Запороги, и всего нас в сборе войска было 250 человек, как послал на нас Потоцкий сына своего и комиссара; только бы я не соединился с царем крымским и не перешло ко мне от Потоцкого наших реестровых козаков шесть тысяч, то что бы нам было делать?" Унковский спрашивал у гетмана, как он помирился с поляками? Зачем отправил послов к королю? Как он с Крымом? Зачем у него были разные послы? И потом проводывал у писарей и у других знатных людей, у Ивана Искренки да у Семена Плотавского, тайно, так ли его гетманская правда, как он сказывал ему, и они говорили те же речи, что и гетман.

Более всего беспокоили Москву сношения гетмана с Крымом. До Хмельницкого запорожские и донские козаки составляли почти одно общество: запорожцы жили на Дону, донцы на Запорожье; запорожцев на Дону насчитывали иногда с 1000 человек. Донцов в Запорожье - до 500; запорожцы жили на Дону лет по пяти, по шести, по осмнадцати. Но мы видели, что тесный союз Хмельницкого с ханом грозил было порвать эти братские отношения. С Дону в Москву дали знать, что летом 1650 года приходили на Дон сын Богдана Хмельницкого да наказной атаман Демка, а с ними запорожцев тысяч с 5 или 6, стояли они две недели на Миусе, от Черкасского городка за днище, дожидались крымских татар, чтоб вместе идти на донских козаков. Донцы послали им сказать: "Мы с вами люди одной православной веры, и вам, сложась с бусурманами, на нас, православных христиан, войною приходиться не годится; прежде вы с нами всегда бывали в дружбе и в ссылке и зипуны добывали сообща, и когда у государя с польским королем была ссора и война, то вы и тогда были с нами в мире". Запорожские черкасы отвечали: "Пришли мы на Дон по письму крымского царя, идти нам сообща на горских черкас, а не на вас; а если бы крымский царь велел нам идти не только на вас, но и на государевы города, то мы пойдем, потому что у нас с ним договор - друг другу помогать, и когда у нас была с поляками война, то крымский царь со всею ордою нам помогал". Но пришла грамота от хана, в которой он

приказывал козакам возвратиться назад, потому что степь вся выгорела, и ему, за конскою бескормицею, идти нельзя.

Все обстоятельства клонились к тому, чтоб заставить Хмельницкого хитрить со всеми, давать всем обещания, не становя ни с кем ничего решительного, выжидать, обращать все внимание на сцепление случайностей и, глядя тревожно на все стороны, пробираться между препятствиями, которые судьба громоздила на его дороге. Хмельницкий знал, что Зборовский мир ненадежен; не верил хану, у которого, как атамана разбойничьей шайки, не могло быть ни с кем постоянных союзов и постоянной вражды: не имея возможности после Зборовского мира опустошать польские владения, он звал короля и Хмельницкого на московские украины, но Богдан в угоду варвару не думал разрывать с Москвою, на которую народный инстинкт указывал как на единственное прибежище и раздражать которую было бы безрассудно, ибо ничем другим Хмельницкий не мог так угодить Польше, как поссорившись с Москвою. Но Москва не могла действовать решительно, Москва также выжидала. Москва привыкла к подобному положению и к подобному поведению, потому что, как начала себя помнить, слабая, окруженная всевозможными препятствиями, должна была пробивать себе дорогу к силе и величию осторожностью, выжиданием, уменьем пользоваться обстоятельствами. Войны с Баторием, Сигизмундом III и Владиславом, конечно, не могли заставить московского государя изменить осторожной политике своих предшественников. Хмельницкому естественно было, впрочем, сердиться на Москву за эту осторожность, медленность, нерешительность и при случае срывать сердце, потому что эта нерешительность ставила его самого в нерешительное положение, заставляя обращаться к Турции, которая в случае крайности могла быть временным прибежищем. Крайности этой еще не было, а потому и в сношениях с султаном Хмельницкий избегал чего-либо решительного.

С своей стороны Польша хлопотала о том, чтоб поссорить Москву с Хмельницким, но это не удалось. В конце 1650 года приехал в Москву королевский посланник Албрехт Пражмовский и объявил, что Богдан Хмельницкий с бунтовщиками, своевольными людьми, разлакомясь кровью христианскою и своими воровскими прибытками, соединился с крымским ханом, который ссылается с ним, чтоб был готов идти воевать Московское государство. Бояре отвечали: "Крымский царь поклялся на Коране, что ему на царские украины войною не ходить и никого другого не посылать, и потому от крымского царя такого злого умышленья нельзя ожидать, а Богдану Хмельницкому на царские украины с крымскими татарами как идти? Он православной христианской веры! Притом же гетман Богдан Хмельницкий со всем Войском Запорожским учинился у королевского величества в подданстве и королевскому величеству, слыша от козаков такое злое умышленье, можно их от самовольства унять; великий государь на королевское величество по вечному утвержденью во всем этом надеется и в украинских городах ратных людей своих не держит,

потому что король обязан подданных своих, запорожских черкас, от самовольства унимать; а если королевское величество подданных своих, запорожских черкас, не уймет, то это будет вечному dokonчанию нарушение со стороны вашего государя, и такую явную неправду бог свыше зрит; а крымские рати царскому величеству не страшны, и на Украине против них у царского величества люди готовы". Но из Крыма присылали в Москву вести: писал к крымскому царю литовский король, что псковичи царскому величеству учинились непослушны и хотят изменить; шведская королева с царским величеством хочет войну начать: так чтоб крымский царь шел войною на государевы украины и дал бы знать об этом шведской королеве, и шведская королева даст ему большие подарки; литовский король также пойдет на государевы города. Хан поверил, послал в Швецию за подарками, но там сказали, что шведская королева с государем московским в мире. Дело приближалось к развязке. Возвратившийся из крымского плена коронный гетман Потоцкий доносил, что вся Украина волнуется, Хмельницкий самовольничает: без королевского позволения принял на Украину татар и послал их с козаками опустошать союзную Польше Молдавию за то, что господарь Липул не хотел выдать дочери своей за Тимофея, сына гетманского; сносятся с Турциею, с Швециею; хлопы не думают повиноваться панам, которые не получают никаких доходов. Шляхта бежала из Украины, как во время восстания; договор был нарушен в самой важной, самой чувствительной для поляков статье; с другой стороны, для укрощения хлопства коронные войска врывались за определенную договором черту. В конце года созван был сейм; явились послы от Хмельницкого с просьбою: 1) чтоб в трех воеводствах: Киевском, Брацлавском и Черниговском - ни один пан-землевладелец не имел власти над крестьянами; пусть живет, если хочет, пользуясь одинаковыми правами со всеми, и повинуется козацкому гетману. 2) Чтоб уния, причина несчастий, была совершенно уничтожена не только в Украине, но и во всех землях Короны Польской и Великого княжества Литовского; чтоб духовенство греческой веры имело права и почести одинакие с римским духовенством. 3) Эти статьи вместе с другими статьями Зборовского договора должны быть утверждены присягою знатнейших сенаторов, и со стороны поляков должны быть даны в залог четыре знатных пана и в том числе князь Иеремия Вишневецкий; они должны жить в Украине в своих имениях, но без всякой стражи.

Понятно, что при сильном раздражении против козаков, и без того уже господствовавшем в шляхетском государстве, эти статьи переполнили чашу: и в сенате, и в избе посольской негодование выразилось единодушно, и 24 декабря война была определена. В феврале 1651 года война открылась, и поляки были порадованы первым успехом над козацким отрядом, который стоял в местечке Красном под начальством удалого полковника Нечая: отряд был истреблен вместе с предводителем. В апреле начали сходиться главные силы; в Польше объявлено было посполитое рушение, или поголовное вооружение шляхты; легат Иннокентия X привез полякам благословение папы и отпущение грехов,

королю - мантию и освященный меч и провозгласил Яна Казимира защитником веры. У козаков коринфский митрополит Иоасаф опоясал Хмельницкого мечом, освященным на гробе господнем, кропил войско святою водою и шел сам при войске. Вместе с Хмельницким шел на поляков крымский хан Ислам-Гирей с своею ордою, но московские посланники дали знать из Крыма государю: "Татары говорят: если польские и литовские люди черкасам и им, татарам, будут сильны, то они против них стоять не будут, а за выход свой у черкас жен и детей заберут в полон и приведут в Крым; то у татар и сдумано". 20 июня враги столкнулись при Берестечке на реке Стыри, с обеих сторон силы были велики, но перевес был на стороне поляков. Татары, любя подавлять неприятеля своею многочисленностию без больших усилий, вовсе не были охотники переводываться с неприятелем более многочисленным. После первого напора поляков хан побежал и увлек за собою татар, увлек и Хмельницкого, который бросился было догонять его, чтоб уговорить возвратиться; оставшиеся козаки окопались и с отчаянною храбростию выдерживали осаду, наконец, попытались было уйти и потерпели при этом страшное поражение.

После победы посполитое рушенье разошлось, король уехал в Варшаву, и только не более 30000, преимущественно немцев, отправлено было с гетманом на Украину. Но, прежде чем достигнуть Украины, это войско должно было проходить через опустошенную Волынь: "Неволью проливаем мы слезы, - пишет очевидец, - видя, как блестящая пехота королевская бесполезно погибает от голода. Нельзя придумать никакого способа к спасению голодных, потому что край, в котором мы надеемся иметь хлеб, еще далеко, а этот так опустошен, что о нем можно сказать: земля была пуста и не устроена; нет ни городов, ни сел, одно поле и пепел; не видно ни людей, ни зверей живых, только птицы летают; страшная непогода замедляет движение войска". Во время этого похода умер знаменитый Иеремия Вишневецкий, но смерть страшного соперника не поправила дел Хмельницкого. В то время как польские гетманы вступили в Украину с одной стороны, литовский гетман Радзивилл занял Киев; соборную церковь Богородицы каменную на посаде ляхи разграбили всю, образа пожгли, церковь вся выгорела, одни стены остались; в церкви лошадей своих жида и ляхи ставили; деревянных церквей сгорело пять, а которых не жгли, те все разорили, образа дорогие окладные себе взяли, а иные поищепали, колокола у всех церквей взяли и в струги поклали; но из этих стругов шесть козаки отгромили. В монастыре Печерском казну также всю взяли; Радзивилл велел взять и паникадило, присланное царем из Москвы, у св. Софии взяли также всю казну, ризы, сосуды, всю утварь, образ св. Софии; все монастыри разорили.

В таких печальных для Малороссии обстоятельствах, два грека, жившие при Хмельницком, Иван Петров Тофрала и монах Павел, сильно хлопотали о сближении гетмана с царем. Павел в июне 1651 года писал государю: "28 марта пришел из Царя-града посол к гетману в Животово с тем: если ему,

гетману, надобна рать, и ему султан пришлет сколько нужно. Гетман отказал: "Есть у меня много своего войска, а на султановой любви бью челом и благодарю". И так их места разорены; в Константинополь гетман отправил своего посла, а с ним Ивана Петрова, а перед этим Иван Петров был послан в Молдавию для вестей. Великое ваше царствие, - продолжает Павел, - послал бы вскоре гетману небольшую помощь ратными людьми; у него и без того войска много, но надобно, чтоб славилось имя великого вашего царствия, что он имеет помощь от вас. А если теперь помощи не пришлете, то буди ведомо вашему царствию, что будет вам война; татары давно бы его подняли, только война ему теперь помешала. Какими трудами потрудились мы с Иваном Петровым, о том богу известно. Если бы мы с Иваном тут не случились, то он непременно бы пришел внезапно на ваши украины войною. Не думайте, что ляхи одолеют: хотя они и вздумают биться, но их против ста человек и по одному человеку не будет. Мы с Иваном Петровым желаем, чтоб было единое державство, гетману говорили, и он был очень рад, но посылает он к великому вашему царствию о соединении, а великое ваше царствие то ставите в посмех. Если вы изволите быть соединению, то извольте писать к писарю Выговскому, но имянно к нему писать о том не велите, только отдавайте ему свое царское благодарение и ведомость чините, а подлинно велите писать к Ивану Петрову, и как Иван Петров придет сюда, то мы будем совершать головою своею и всею душою. 10 марта пришла к гетману весть, что не стало жены его, и гетман очень кручинился; я ходил к нему утешать в кручине, а он в разговоре говорил про Москву и клялся, смотря на образ Спасов: "Клянусь богом, что пойду на Москву и разорю пуще Литвы; я посылаю от всего сердца своего, а они лицу моему насмеваются".

Тогда же подьячий Григорий Богданов, возвратившийся из Малороссии, рассказывал: "Приходил ко мне в Корсуни писарь Иван Выговский и наказывал, чтоб его слова были известны великому государю; к нему, писарю, царская милость и жалованье, и он на государском жалованье челом бьет и обещается великому государю служить и всякого добра хотеть под присягою, и теперь, что у гетмана Богдана Хмельницкого с польским королем, крымским царем и другими государствами будет делаться, он обо всем великому государю станет доносить, в Путивль тайным делом к боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому писать, только б это никому не было известно, потому что если узнает об этом гетман Богдан Хмельницкий, то ему, писарю, не миновать наказанья. Потом Выговский говорил, чтоб великий государь непременно всю Малую Русь теперь принять изволил, потому что все единогласно молят бога и хотят быть под его государскою высокою рукою; к великому московскому пространному и многолюдному государству без войны и кровопролития будет прибавленье большое, овладеет великий государь многою землею и городами, и с тех городов, с мещан и со всяких чинов людей и с их торговых и других всяких промыслов будет царской денежной казне прибыль большая. Когда великий государь их, православных христиан, примет, то польский король будет от него в большом страхе, и не только

против великого государя воевать, и говорить не будет, потому что польскому королю против великого государя стоять нечем. Если же великий государь, приняв их, изволит послать своих ратных людей и их, козаков, то известно наверное, что Корона Польская и Великое княжество Литовское и без войны учинятся подданными и будут под его государскою рукою, потому что Польша и Литва и от одних их, козаков, живут в великом страхе. Если же государь их не примет теперь и учинятся они подданными польскому королю, то польский король против великого государя войну начнет тотчас; он, писарь, опасается, чтоб поляки не прельстились и козаков, не уговорили их идти вместе с ними на Московское государство, а крымский царь уже давно готов идти на Московское государство".

Но эти угрозы не помогли, Москва не трогалась, и Хмельницкий, ограбленный и покинутый ханом, стал хлопотать о мире; коронный гетман Потоцкий также боялся осени в Украине среди озлобленного народонаселения, и 17 сентября под Белою Церковью, где сошлись оба гетмана, был подписан ими следующий договор:

- 1) Войска Запорожского будет только двадцать тысяч; оно должно находиться в одних только имениях королевских и в воеводстве Киевском, не касаясь воеводств Брацлавского и Черниговского.
- 2) Коронное войско не должно стоять в воеводстве Киевском в тех местечках, где будут реестровые козаки.
- 3) Обыватели воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сами лично и чрез своих урядников вступают во владение своими имениями и пользуются всеми доходами и судопроизводством.
- 4) Чигирин остается при гетмане, который должен состоять под властью гетмана коронного.
- 5) Жиды должны быть обывателями и арендаторами в имениях королевских и шляхетских.
- 6) Гетман запорожский должен отпустить орду и вперед не вступать ни в какие сношения с нею и вообще с иностранными государствами.

В Москве знали о подробностях этой войны обычным путем: через людей, посылаемых порубежными воеводами за границу для вестей. Эти вестовщики доносили, что во всех черкасских городах черкасы и мещане говорят одно, чтоб государь их пожаловал, велел принять, а они ему вечные холопы со всеми городами, которые за ними; если же государь принять их не велит, то они поневоле пристанут к турецкому царю и к крымским людям. В Смоленске, Орше, Минске, Могилеве и других городах православные толковали: "Когда у поляков с черкасами будут бои и станут поляки черкас осиливать, то мы, всяких чинов люди, поднимемся на поляков и сделаем у себя таких Хмельницких десять человек, а войска - 100000 и станем Польшу и Литву воевать для того: если поляки черкас осилят, то и нас всех, православных христиан, выгубят, и нам поневоле против поляков стоять и биться пока нашей мочи будет". Поляки действительно опасались этого восстания, и в Смоленске всех

православных выслали из города на посад, а между тем по-прежнему хлопотали, чтоб втянуть Москву в ссору с козаками.

Еще в марте 1651 года приезжали в Москву полномочные послы королевские, Станислав Витовский и Филипп Обухович, и в ответе объявили боярам: учинилось у крымского хана на Московское государство злое умышление за то: как в прошлых годах присланы были к царскому величеству крымские послы, и тех послов приняли и держали в Москве нечестно, не по прежнему обычаю, а иных татарских послов и не приняли, поворотили назад; да в то же время донские козаки ходили на Черное море и крымские улусы воевали. С этих пор крымский хан и все его татары над Московским государством беспрестанно всякое зло умышляют, и к королевскому величеству хан присылал с просьбою, чтоб король, соединясь с ним, шел на Московское государство, и что на этой войне возьмут городов и мест, то все пойдет королю, а хан возьмет себе Казань и Астрахань. Но королевское величество, соблюдая вечное докончанье, на такое злое не помыслил и велел войска свои изготовить около Львова и Каменец-Подольского, и войска эти не пропустили крымцев, которые соединились с запорожскими черкасами и ходили на волохов. На весну крымский хан мыслит идти на Московское государство с большою силою и к королевскому величеству пишет об этом беспрестанно да писал, чтоб король пропустил послов его к шведской королеве Христине, и эти послы уговаривали королеву послать войско на Московское государство. Зная эти умышленья, вся Речь Посполитая приговорила, чтоб король сослался со всеми христианскими государями о союзе против крымского хана: за этим-то делом король прислал их, послов, к царскому величеству и для удостоверения прислал с ними подлинные грамоты ханские и ближних его людей, писанные королю и канцлеру. Король уже отправился на неприятелей: так чтоб царское величество изволил приступить к союзу самым делом, а не словом; если же царское величество ответу вскоре учинить не велит, то у королевского величества будет иная мысль. Бояре отвечали: "Сказываете вы, что присланы от короля о добром деле, о союзе на общего христианского неприятеля, а теперь говорите как бы с угрозами, но великому государю нашему ничьи угрозы не страшны, по всем нашим украинам стоят войска готовые многие; просите вы о союзе скорого ответа, но о таком великом деле, не намыслясь гораздо, ответу скорого дать нельзя; об этом союзе и прежде у великого государя нашего с королевским величеством ссылки были, но дело к концу не приведено, за несходством и проволокою с королевской стороны". Тут послы вымолвили настоящее дело: "Желаем скорого ответа, чтоб король знал волю царскую; с неприятелем христианским соединился королевского величества изменник Богдан Хмельницкий с запорожскими черкасами; с Хмельницким и черкасами и бои у нас были, и на тех боях королевскому величеству счастье есть; царское величество велел бы на этих общих неприятелей дать помощь королевскому величеству своими ратными людьми от Путивля, также из Астрахани указал бы послать на них ратных людей, чтоб общими силами впасть в их гнезда". Бояре отвечали: "Астрахань - место дальнее, и

если ждать ратных людей из Астрахани, то пройдет много времени, а у великого государя много ратных людей и без Астрахани. Вы хотите такое великое дело сделать в короткое время и чтоб царское величество войска свои послал немедленно, но такого великого дела вскоре и не делают, надобно это делать, намыслясь гораздо крепко и обстоятельно: как идти на Крым, скольким ратным людям с обеих сторон быть, каким строем и где сходиться и стоять и как над татарами промышлять? Уговорившись обо всем, ратных людей надобно изготовить, а изготовя их большое число, идти прямо на Крым, чтоб его разорить и бусурман с юрта согнать. Не договорившись обо всех этих статьях, царскому величеству ратей своих послать нельзя, потому что если его царское величество соберет рати большие, а у королевского величества войска будет мало, то царскому величеству убытки будут большие. Надобно прежде обо всем договориться, а потом и ратных людей готовить, чтоб было поровну". Послы: "Королевское величество желает, чтоб царское величество помог ему ратными людьми на изменников запорожских черкас и на крымских татар от Путивля; король сам на коня сел и против изменников своих пошел, и с ним войска 50000; крымцы, услыша царских и королевских ратных людей, от изменников запорожцев отстанут, и когда с помощью царского величества король с своими изменниками управится, то после станет с царским величеством ссылаться о соединении на крымские улусы". Бояре: "Гетман Богдан Хмельницкий к великому государю писал, что он и запорожские черкасы против королевского величества начали стоять за православную веру и за святые божии церкви, и за свои нестерпимые обиды; и во всех христианских государствах в вере неволи никому не бывает, да и в вашем государстве разных вер много и противных христианской вере: кальвинов, люторов, новокрещенцов (анабаптистов), армян и богоубийц жидов, которых всем христианским людям ненавидеть должно, однако король и паны радные их веры не трогают, а христианских правоверных людей одного государства и подавно надобно было оберегать. Великий государь наш брату своему, его королевскому величеству, по своей братской дружбе и любви, желает, чтоб напрасное это междоусобие прекратилось без кровопролития и были бы запорожские черкасы у короля в послушаньи по-прежнему и от крымских татар отстали. Если же запорожские черкасы от вашего гонения королю изменят и поддадутся турецкому султану или крымскому хану, и королевскому величеству смирить их будет нельзя, и от них обоим государствам ждать всякого зла, тогда измену их чем унять и успокоить? Надобно это дело успокоить миром. Если король захочет, то царское величество к гетману Богдану Хмельницкому и ко всему Войску Запорожскому велит послать, чтоб гетман с королевским величеством ссору и войну унял и был у короля в подданстве по-прежнему, а королевское величество и паны радные веры христианской не гнали бы и напрасной тесноты козакам не делали. И когда королевское величество с запорожскими черкасами войну кончит, тогда царское величество обошлется с ним о соединении на крымского хана, чтоб Крым разорить". Послы: "Гетман Богдан Хмельницкий присылал к

царскому величеству воровством, в вере им неволи никакой не бывало. Под Зборовом Хмельницкий присягал королю, чтоб быть ему в подданстве и послушании, и потом, разлакомясь воровскими добычами и надеясь на тех же бунтовщиков запорожских черкас, начал мыслить всякими мерами, как бы ему от королевского величества из подданства высвободиться, и стал бунтовать, а славу пускать и причину задавать, будто начали стоять за веру; шляхту и урядников в имения не пускают и, которые начали приезжать, тех стали побивать невинно; а теперь Хмельницкий поддался крымскому хану, ему присягал и с ним соединился". Бояре: "Пока черкасы от крымцев не отстанут, до тех пор на крымцев идти нельзя; если с крымцами теперь войну начать, то за крымского хана и за черкас вступится турецкий султан, одни войска пойдут на Московское государство, а другие - на Польшу, и в это время помогать друг другу будет нельзя, что тогда будет делать? Всего лучше запорожских черкас от крымцев оторвать покоем; а когда черкасы усмирятся, то промышлять о том, чтоб их с крымцами ссорить, а поссорив их, идти сообща на Крым". Послы: "Если царское величество хочет о мире с черкасами быть посредником, то за такое доброе дело ему и от бога заплата будет; только нам от короля дано полномочие становить о помощи против крымского хана, а о посредстве не наказано". Бояре дали ответ решительный, что государь тогда только станет ссылаться с королем о крымской войне, когда король запорожских черкас смирит или миром успокоит.

В июне отправился к королю гонец подьячий Старого, с такою царскою грамотою: "Вашего королевского величества великие и полномочные послы, будучи у наших великих бояр и думных людей в ответах, в наших титлах не дописывали: карталинских и грузинских царей и Кабардинской земли, а в титлах вашего королевского величества приписали лишнее и поехали, не бив челом нам о тех своих винах, и поставили то ни во что. И нам то в подивленье, что нашей чести такое неостереганье учинилось от ваших послов". Король отвечал, что относительно прописки в титуле послы его помирились с боярами и он удивляется, каким образом это дело поднимается вновь. С своей стороны король жаловался, что бунтовщиков-козаков брянские воеводы пропустили чрез свой уезд в литовские области и козаки эти взяли Рославль. Гонец привез вести, что в Дорогобуже, Смоленске и в иных городах жители говорят: если в их места козаки придут, то они к козакам пристанут и начнут с ними заодно ляхов воевать; никогда они за ляхов кровь свою проливать и с своею братьею, православными христианами, биться не станут.

В конце 1651 года отправлены были в Польшу дворянин Афанасий Прончищев да дьяк Алмаз Иванов для присутствия на сейме при суде и наказании людей, виновных в прописке титула. Виновные сами не явились на сейм, прислали за себя прокураторов. Мартын Калиновский, Адам Кисель и Лука Жолкевский были оправданы тем, что прописки в их грамотах были сделаны до внесения в конституцию сеймового решения о наказании за подобные прописки. Про те грамоты, у которых не было

подписей, прокураторы говорили: "Ясно дело, что эти грамоты писаны только именем обвиненных, без них, потому что если б писаны были при них, то они сами подписались бы. В которых грамотах были подписи, о тех прокураторы говорили, что они этих рук не знают, точно ли сами обвиненные подписались; а хотя бы и точно сами обвиненные подписались, то они не виноваты, а виноваты или нет писаря. Из других обвиненных многие померли, иные побиты, и прокураторы били челом королю, панам радным и всей Речи Посполитой и просили, чтоб над прописчиками, мимо прав коронных и литовских, ничего не делать. Посланникам объявили королевский приговор, что писавшие грамоты неправильно до внесения сеймового решения в конституцию невинны, что писавшим после конституции велено присягнуть, что они прописки сделали без хитрости; умершие находятся под судом Божиим; тех же, которые ни сами не явились на сейм, ни прокураторов не прислали, король по конституции велел объявить баннитами, то есть лишенными покровительства законов; убийство такого баннита в вину не ставится. Посланники отвечали: "Мы этого декрета не принимаем, потому что он учинен мимо вечного докончания и посольского договора: великому государю нашему не заплачено, что худых и неведомых людей делаете баннитами, а знатных лучших людей укрываете и от смертной казни освобождаете; по договору посольскому всех обвиненных довелось казнить смертью при нас на нынешнем сейме. Если король, жалея знатных людей, смертью казнить их не велит, то пусть возьмет у них имения себе, а царскому величеству вместо того велит уступить города, отданные в 1634 году. "Если вы декрета не принимаете, - сказали паны, - то мы вам больше об этом говорить не станем; с чем вас королевское величество к царскому величеству отправит, с тем и поедете, а с декретом наш государь пошлет к вашему своим послов или посланников". С этим посланники и возвратились в Москву.

С декретом приехали в Москву в июне 1652 года Албрехт Пенцлавский и Казимир Униховский. Между ними и боярами в ответе начались прежние споры. Посланники утверждали, что как по их стародавним правам издавна повелось, так они и делают, а мимо правды ничего им делать невозможно. Бояре отвечали: "Это право учинено у вас в своем государстве между людей посполитого чина, что прокураторам отвечать, а к государственной чести это нейдет; если б кто-нибудь против королевского величества какое зло учинил, то можно ли вместо виноватого отвечать прокураторам? Думаем, что нельзя". Посланники: "Хотя бы кто и самого короля чем обесчестил, то по правам нашим нельзя королю без сейма Речи Посполитой этого виноватого казнить, также нельзя запретить прокуратору отвечать вместо виновного". Несмотря на то, государь указал и бояре приговорили: декрета не принимать, потому что он написан не по договору посольскому и не по конституции.

Таким образом, у Москвы постоянно оставался предлог к разрыву с Польшею, и все зависело от оборота, какой примут дела малороссийские; а

в Малороссии дела не могли окончиться мирно. Поражение под Берестечком ясно показывало Хмельницкому и козакам, что им одним сладить с Польшею нельзя, когда она напряжет все свои силы, и на хана надеяться также нельзя, когда дело идет о том, чтоб сражаться с многочисленным войском, а не грабить. Воспользовавшись своим торжеством, поляки предписали козакам почти такие же условия, в каких находились они до 1648 года, но теперь и для Хмельницкого, привыкшего к царственному положению, и для козаков, и для черни, освободившейся от панов и жидов, привыкшей к воле, условия эти были нестерпимы: четыре года гетманства Хмельницкого прошли недаром; эти четыре года отрезали совершенно Малороссию от прошедшего, возврат к которому был невозможен, и поляки, стремившиеся возвратить Малороссию к этому прошедшему, прали против рожна. Хмельницкий сначала хотел отдохнуть, выждать время. 22 октября 1651 года он писал к Потоцкому, что будет смотреть зорким оком на все стороны и уведомлять его о приближении неприятеля: "До окончания ревизии, - прибавляет Богдан, - униженно прошу вашу милость приказать, чтобы войска не шли далее на квартиры в Брацлавское воеводство, пока мы не успокоим черни, и где останутся, то чтоб не слишком надоедали простому народу. Я уверен, что ваша милость изволили приказать пану Славковскому на первый раз исподволь приучать крестьян". Писал к Потоцкому и Выговский: "Не только теперь, но и во всякое время я прилагал большое старание о том, чтоб усердно и верно служить его королевской милости. А что ваша милость в последнем письме уверять меня изволишь в милосердии его королевского величества и важном повышении, то за это буду отслуживать вашей милости во всю жизнь тем же усердием и нижайшими услугами. Изволь, мой пан и благодетель, думать обо мне как о верном слуге своем; позволь, чтоб я был предпочтен другим в важнейшем деле, касающемся его королевской милости. Об одном прошу, чтоб моя жизнь была в безопасности; затем буду ожидать спокойно повышения, обещанного вашею милостию. Об одном прошу вашу милость, чтоб знал, кому поверять секретнейшее".

Напрасно Хмельницкий желал от победителей-поляков осторожности и умеренности в пользовании победою. В декабре того же 1651 года гетман польный Мартын Калиновский должен был разослать универсал по киевской шляхте, в котором писал: "Часто доходят до меня жалобы от пана гетмана и Войска Запорожского на то, что в противность договорным статьям обыватели Киевского воеводства препятствуют товариществу Запорожского Войска свободно переходить из имений частных владельцев в имения королевские, в Киевском воеводстве лежащие, оставлять дома, продавать хлеб, имение; и уже теперь, не дожидаясь постановленного срока, в противность тем же договорным статьям товариществу Войска Запорожского подвергается изгнанию, лишается всего имения. Доходят и другие жалобы, что некоторые из панов обывателей запрещают козакам переселяться из своих имений и наказывают за то тюремным заключением и смертью". Калиновский именем любви к отечеству заклинал своих панов и братьев удерживаться от подобных поступков, но понапрасну. Чернь,

отвыкнув от такого порядка вещей, не хотела снова привыкать к нему, и вот потянулись переселенцы по давно указанному для славян направлению, с запада на восток, потянулись толпы украинцев за Днепр, в степные владения Московского государства, где основали новые слободы на пространстве от Путивля до Острогожска и далее на юг, удерживая свое старое козацкое устройство. Оставшиеся готовились к войне.

Прозоровский доносил в Москву: посылал гетман в Корсунь полковника Михайлу Громыку переписывать черкас, которым быть по договору в двадцати тысячах; но корсунские черкасы Громыку убили за то, что Хмельницкий и полковники мирились с поляками не по их совету; гетман велел за то казнить из них лучшего человека, который стал было в полковники на Громыкино место, - Лукьяна Мозыру; да он же, гетман, разослал по всем городам листы, чтоб черкасы были все наготове: надобно думать, что будет у черкас с поляками война по-прежнему, потому что из панских имений в королевские города черкасы идти не хотят. Богдан велел сказать Прозоровскому чрез его посланца: "Хотя я с поляками теперь и помирился на чем-нибудь, только я великому государю служить рад; кого он изволит к нам прислать - и мы все готовы ему крест целовать; а если государь нас не пожалует, принять не велит, то нам поневоле промышлять, как лучше, а мир у нас с поляками некрепок, потому что поляки всегда лгут, на миру не стоят". То же писал Хмельницкий и в грамоте своей к Прозоровскому: "Хотя мы и приняли *перемирье*, однако знаем, что нам и вере нашей православной поляки не желают ничего доброго; надеемся на господа бога и на милость его царского величества, что, когда над церквами восточными умилится и над верою нашею православною, тогда поляки не восприимут потехи; а мы, как не один раз обещали быть желательными его царскому величеству, так и теперь истинными быть обещаемся". Новый путивльский воевода, князь Федор Хилков, доносил, что приехали в Путивль на государево имя на вечное житье черниговский полковник Иван Дзиковский с тремя сотниками и с двумя тысячами козаков. Козаки остались на границе до указа из Москвы, а между тем королевский полковник Маховский писал Хилкову, что эти изменники и разбойники обиды великие чинят в королевской стороне, бояр по дорогам побивают, купцов разбивают.

В Москве видели, что действительно у поляков с козаками мир непрочен, что скоро надобно решиться или принять козаков и воевать с Польшею, или видеть подданство козаков султану и грани турецкие подле украинских городов московских. Попытались, нельзя ли избежать и того и другого. 22 марта 1652 года государь приказал дьякам своим, Волошенинову и Немирову, поговорить с гетманским посланцем Искрою по любви, потому что они одной веры христианской; дьяки стали говорить Искре: "Гетман в письме своем просит, чтоб его царское величество держал Запорожское Войско в своем милостивом жалованье; великий государь для православной веры держит к козакам свое государское жалованье большое, а король, сенат и Речь Посполитая на своей правде мало стоят; и если они

не исполняют своих договоров с гетманом, то Запорожское Войско не пойдет ли к хану в Крым, потому, что у гетмана с крымским ханом дружба большая?" Искра отвечал, что в случае большого притеснения от поляков гетману, кроме царя, некуда деться, и царь бы пожаловал, принял козаков в свою сторону с порубежными их городами, которые близко к путивльскому рубежу; Запорожское Войско в союзе с ханом поневоле, и союз этот дорого стоит, потому что крымцы пустошат Малороссию, верить им ни в чем нельзя, и потому козаки к крымскому не пойдут и, кроме государственной милости, деться им негде. Дьяки продолжали: "Если вам от поляков будет утеснение, то гетман и черкасы шли бы в сторону царского величества, а у царского величества в Московском государстве земли великие, пространные и изобильные, поселиться им есть где; удобно им поселиться и по рекам Донцу, Медведице и другим угожим и пространным местам. Если же им быть в царского величества порубежных городах, то всегда будет у них с польскими людьми ссора, а чем дальше от них, тем лучше: безо всякого будет задора. А перейти им в царского величества сторону по вечному dokonчанию можно, потому что отдачи на обе стороны не бывает, кто в которую сторону перейдет, тут и живет без выдачи; а к крымскому хану идти вам непригоже, потому что крымцы - бусурманы и верить им ни в чем нельзя, и никакого добра от них, кроме разоренья. нечего ждать".

Выговский, страшая, что между козаками много таких, которые будут советовать гетману поддаться туркам или крымцам, уверял в своей преданности и готовил себе на случай убежище в Москве. В июне 1652 года он говорил с московским посланцем Унковским: "Если государь не изволит нас принять, то есть такие люди многие, что станут гетману наговаривать поддаться турецкому или крымскому, а у меня того и в уме нет, чтоб, кроме великого государя, куда помыслить, только бы великий государь пожаловал меня, холопа своего, велел обнадежить своею милостью, велел бы мне свою грамоту прислать за рукою думного дьяка, чтоб гетман и никто другой о том не знал; и в Путивль свою грамоту велел прислать, чтоб меня приняли, когда я к великому государю поеду. Если государственная милость ко мне будет, то я с отцом своим, братьями и приятелями к великому государю приеду, а лучшие люди Запорожской земли со мною же, да не думаю, чтоб и гетман неверным поддался. Меня и венгерский король зовет к себе, власть мне и жалованье великое дает; потому меня король венгерский знает, что я у него бывал, и про то он знает, что я от Войска Запорожского почтен; но я, кроме великого государя, не мыслю никуда ехать. Пока я здесь, уповаю на бога, что удержу гетмана, все Запорожское Войско и царя крымского, воевать московские украины не пойдут, потому что крымский царь и мурзы меня слушают: известно им, что я в Войске Запорожском владетель во всяких делах, а гетман и полковники, и все. Войско Запорожское меня слушают же и почитают; вы и сами видите, что гетман и лучшие люди мне верят во всем". Перекрестившись перед образом и поклонившись в землю, Выговский сказал: "Дай, господи, чтоб великого государя ко мне, последнему холопу,

милость была совершенна, а я, как обещал ему, государю, служить и на чем образ Спасов целовал, так и совершу".

Между тем несчастная Украина, опустошенная войною, голодом, переселениями, не переставала волноваться: жители ее вырезывали польских солдат и вели гайдамацкую войну; поляки мстили им, истребляя мятежные селения, вырезывая всех жителей. Чернь вооружалась и против Хмельницкого, который по обстоятельствам медлил объявить себя на стороне народного восстания; наконец, для собственной безопасности он должен был опять расширить реестр вопреки Белоцерковскому договору и, видя невозможность мира, завел снова сношения с татарами. Поводом к новой войне была свадьба гетманского сына Тимофея на дочери господаря молдавского Липулы. Липула дал прежде вынужденное страхом обещание выдать дочь за Тимофея, но под разными предложениями не исполнял его и обратился к Польше с просьбою о помощи против нежданного свата, родство с которым считал для себя унижительным. Вследствие этой просьбы господаря гетман Калиновский стал лагерем на берегу Буга, близ горы Батога, или Батова, недалеко от Ладыжина, чтоб преградить путь жениху, который шел за невестой с козацким и татарским войском. Старый Хмельницкий предупредил Калиновского, чтоб тот дал дорогу его сыну, иначе может произойти невыгодное для поляков столкновение; Калиновский не обратил внимания на предостережение, напал на Тимофея и заплатил за это жизнью своею и двадцати тысяч польского войска. Тимофей беспрепятственно продолжал путь в Молдавию, где господарь должен был выдать за него дочь свою; а старик Хмельницкий, показывая вид, что не одобряет батогского дела, и оправдывая себя и сына пред королем, между тем осаждал Каменец, чтоб укрепиться в Подолии. Король созвал чрезвычайный сейм, на котором положено было собрать 50000 войска; на сейм явились козацкие депутаты и божились, что гетман их не знал о батогском деле, и к Хмельницкому в Чигирин отправились комиссары от сейма с требованием, чтоб он разорвал союз с татарами и отдал сына в заложники. Богдан вспыхнул, услышав эти требования, и, схватившись за саблю, сказал: "Если б кто другой, а не вы, мои давние знакомцы и друзья, были ко мне присланы с такими речами, то я бы иначе с ними распорядился. Разве вы не видите моего расположения к Польше, что, поразивши вас теперь на Батоге, я ничего не делаю, тогда как мог бы не только вас вконец разорить, но, пославши многие полки козацкие и татарские, мог бы вас за самый Рим загнать? С татарами мне разойтись нельзя; для комиссии будет время, когда война перестанет; пусть сам король ведет со мною переговоры, а когда и где быть комиссии - это в его королевской воле. Сына в залог послать нельзя: один еще мал, а другой только что женился. Прежде всего пусть король присягнет в ненарушении зборовских условий". Хмельницкий действительно надеялся легко управиться с Польшею, опустошенною моровым поветрием, пожарами, голодом, наводнениями. В декабре 1652 года явился в Москве посол Хмельницкого, войсковой судья Самойла Богданович, с низким челобитьем, чтоб государь умилосердился, велел принять Запорожское

Войско под свою высокую руку. Дьяки Посольского приказа спросили Богдановича: "Как тому быть, что гетману и всему Войску Запорожскому быть под царского величества высокою рукою, и как им жить? Там ли, в своих городах, или где в другом месте? О том с ними от гетмана наказано ли подлинно?" Богданович отвечал: "Как гетману и всему Войску Запорожскому быть под царского величества рукою, о том он не ведает, и от гетмана с ним о том ничего не наказано, ведает то гетман, а с ним только наказано царскому величеству бить челом: как прежде царское величество был к гетману и ко всему Войску Запорожскому милостив, так бы и теперь своей государской милости от них не отдалял и неприятелям их, полякам, помощи на них не давал; а, кроме того, ни о чем говорить не наказано".

Но 1653 год заставил Богдана переменить мысли, которые он имел в 1652. В начале года лучший полководец польский, Чарнецкий, ворвался в Украину и сильно опустошил ее; в Польше делалось вооружение; в Молдавии Хмельницкому должно было защищать свата своего Липулу, против которого встали господарь волошский и князь трансильванский Рагоци. В апреле приехали от гетмана в Москву Кодрат Бырляй и Силуан Мужилковский с просьбою, чтоб великий государь пожаловал, для православной христианской веры велел гетмана со всем Войском Запорожским принять под свою государеву высокую руку и учинил бы им на неприятелей их, поляков, помощь думою и своими государевыми ратными людьми. К ним писали и присылали много раз турецкий султан и крымский хан, зовя к себе в подданство, но они в том им отказали, что они мимо великого христианского государя царя к бусурманам в подданство идти не хотят. Если царское величество то их междоусобие успокоит миром через своих послов, они и той государской милости ради и из воли его государской не выступают, только б изволил царское величество послать теперь поскорее к королю гонца, чтоб он войною на Запорожское Войско не наступал и задоров никаких чинить не велел. Королева шведская отправила послов своих к гетману и ко всему Войску Запорожскому неизвестно о каких делах, и тех ее послов на дороге переняли поляки: так, гетман велел у царского величества милости просить, чтоб государь пожаловал, велел их, посланников, пропустить к шведской королеве через свое государство проведать, для чего она своих послов к нему посылала, а для верности пусть царское величество пошлет с ними в Швецию от себя кого ему угодно. Бырляй и Мужилковский привезли грамоты от Хмельницкого к патриарху Никону, к боярам - Морозову, Милославскому, Пушкину - с низким челобитьем, с смиренною просьбою, чтоб они ходатайствовали пред православным царем за него, гетмана, прямого слугу царского величества. Государь не велел пропускать Бырляя и Мужилковского в Швецию на том основании, что это может помешать переговорам с Польшею. В это время принятие в подданство Малороссии и война польская были уже решены в Москве: первая дума об этом у государя с боярами была 22 февраля 1653 года, в понедельник первой недели великого поста, а "совершился государская мысль в сем деле" в понедельник третьей недели великого поста, марта 14.

Для последних переговоров 24 апреля 1653 года отправлены были в Польшу полномочные послы: боярин князь Борис Александрович Репнин, боярин князь Федор Федорович Волконский и дьяк Алмаз Иванович. Послы нашли Яна Казимира во Львове 20 июля и потребовали, чтоб король над виновными в умалении государева титула велел справедливость учинить пред ними же, великими послами, без всякой отволоки. Потом послы объявили другое дело: присылал к великому государю запорожский гетман Богдан Хмельницкий, что договор, заключенный с козаками сперва под Зборовом, а потом под Белою Церковью, не исполнен с королевской стороны: церкви не отданы, многих православных христиан духовного и мирского чина невинно замучили, войска на них коронные и литовские собраны, хотят на них приходиться тайно, чтоб их безвестно разорить и искоренить: так чтоб великий государь для православной веры милость над ними показал, за них вступился и принял их под свою высокую руку; если же царское величество их не пожалует, то они поневоле учинятся в подданстве у турецкого султана или крымского хана, потому что вперед панам радным верить нельзя, никогда они в правде своей не стоят, а под турецким султаном живут многие христиане, и такого гонения от бусурманов не бывает, какое им, черкасам, от поляков. Великий государь, остерегая вечное докончание, запорожским посланцам велел сказать, что им быть по-прежнему под королевским повеленьем безо всякого сомнения; гетман и все Войско Запорожское отвечало, что если государь под свою руку их не принимает и к бусурманам в подданство идти не велит, то чтоб царское величество с королем их помирил через своих великих послов и быть им в прежних вольностях без всякого насилвания, а как мир станется, то они сейчас же от бусурманов отстанут. И великий государь указал им, великим послам, панам радным говорить, чтоб королевское величество государства своего до разделения и до большого междоусобия и разорения не допускал, подданных своих черкас от поганцев отлучил, договор с ними учинил крепкий, чтоб им вперед в вере неволи не было и жить им в прежних вольностях.

Паны отвечали, что Хмельницкий говорит все неправду, что он поддается турецкому султану и принял бусурманскую веру; об этом они узнали недавно; только бусурманскую веру принял он один, Хмельницкий, чернь султану поддаться не захотела, и королевское величество, не желая видеть православных христиан в подданстве у султана, идет на Хмельницкого сам со многими войсками и станет Хмельницкого с товарищами его добивать, чтоб больше государству его разорения от этих бунтовщиков не было. Послы возражали: "Вы, паны радные, говорите неправду: царскому величеству подлинно известно, что православным христианам от вас и от вашего духовенства в вере неволя большая". Когда паны донесли королю о речах посольских, то Ян Казимир велел отвечать послам, что Хмельницкий требует возобновления Зборовского договора, но ему, королю, как стерпеть, что подданный его, самый худой человек, хлоп, пишет, чтоб сделано было по его хотенью, чего в Польше и Литве никогда не бывало, а теперь Хмельницкий поддается турецкому султану и зовет крымского хана к

себе на помощь, обещает султану, что примет бусурманскую веру. Хмельницкий - самый лютый вор, и такому вору как верить? Паны объявили послам, что о Зборовском договоре они и слышать не хотят, договор этот за неправды Хмельницкого снесен саблею, но для царского величества король милосердие свое покажет, если Хмельницкий добьет ему челом, булаву отдаст и вперед гетманом не будет; если и козаки добьют также челом, оружие свое все положат и будут по-прежнему в хлопах у панов своих и пашню станут пахать, а реестровых козаков будет по-прежнему шесть тысяч и станут жить в Запорожье и где прежде живали, а в Киеве и других городах по обе стороны Днепра будет стоять войско коронное и литовское; если же Хмельницкий этого не сдержит, то царское величество помог бы на него королю своими ратными людьми. Послы настаивали, чтоб король помирился с козаками на зборовских условиях; паны повторяли, что они о Зборовском договоре и слышать не хотят. Послы предложили, чтоб король послал от себя своего дворянина, а они, послы, отправят своего к Хмельницкому для унятия крови христианской; паны именем королевским отвечали, что не только королю, но и послам отправлять своего дворянина не годится: всякий подумает, будто король у изменника своего мира просит и, боясь его, позволил вам послать за миром к такому изменнику, кривоприсяжце, худому человеку, хлопцу; надобно было Хмельницкому наперед прислать к королевскому величеству с челобитьем. Если царскому величеству надобно, чтоб Хмельницкий был у королевского величества в подданстве, то пусть пошлет от себя к Хмельницкому, возьмет у него статьи, на которых он хочет быть в подданстве, и перешлет эти статьи к королю, а король решит, на какие статьи можно согласиться и на какие нет. Послы отвечали, что Хмельницкий, кроме Зборовского договора, ничего не примет. Паны говорили гораздо сердито, что Зборовского договора и на свете нет, с Хмельницким у короля никакого договора не было, был договор под Зборовом с крымским ханом; договор этот нарушен Хмельницким, после чего был другой договор, под Белой Церковью, и тот нарушен Хмельницким же, и теперь король всех этих изменников снесет и до конца разорит. Послы: "Королевскому величеству и вам, панам, надобно рассудить: если вы этих своих подданных побьете, города и места разорите и сделаете пустоту, то побьете и разорите не чужое государство, а свое; после эти пустые места кем вам будет населить? Всякий государь славен и силен подданными своими, а у пустоты государю бессилие и бесславие; под Зборовом король договор учинил православной веры не теснить, а унию искоренить и на этих зборовских статьях принял Хмельницкого в подданство по просьбе бусурмана крымского хана; но теперь бы королевское величество по просьбе христианского государя, царского величества, принял Хмельницкого в подданство по Зборовскому договору и православной веры теснить не велел".

После этих разговоров послы начали дело о новых прописках в титуле, требовали по-прежнему смертной казни виновным и приводили в пример персидского шаха, который прислал государю на смертную казнь

виновного в прописке титула. Паны отвечали: "И король пошлет виновных к вашему государю на смертную казнь, если государь ваш пришлет наперед к королю головою своего патриарха, за то, что он в королевских областях, уступленных по последнему миру, в попы ставит и благословенные грамоты дает, чем нарушает мирное постановление". Потом возвратились к делу Хмельницкого, и послы объявили, что король присягал не нарушать веры и вольности своих подданных; если же он станет теснить православную веру, то подданные, как написано в присяге, будут свободны от подданства. Паны отвечали, что послам в эти дела, в королевские присяги, вступаться не довелось и греческой вере утеснения в Польше и Литве нет. Тут послы объявили, что если король перестанет теснить православную веру, уничтожит унию и примет Хмельницкого в подданство по Зборовскому договору, то государь для такого доброго дела велит все прежние ссоры от прописок в титуле оставить. Паны отвечали: "Если царскому величеству угодно, чтоб король простил Хмельницкого и козаков, то пусть же послы отправят к Хмельницкому от себя посольство и уговорят его выйти навстречу к королю и бить ему челом, когда король пойдет на него с войском". Послы объявили прежде: что если король хочет принять козаков по Зборовскому договору, то они, послы, могут быть посредниками. Паны отвечали: "Чем вы королевское величество обнадежите, что Хмельницкий действительно захочет соблюдать мир и не захочет многих прихотей? Этот изменник и враг божий непостоянен, три раза присягал и нарушал присягу; да и то королевскому величеству не важное дело, если Хмельницкий и поддастся турецкому султану: чернь и козаки уже от него отстали и присылали к королю киевского полковника Антона Ждановича бить челом о винах своих". Послы: "Мы будем уговаривать Хмельницкого, чтоб он, кроме веры, во всех других статьях отдался на волю королевскую, и если он согласится, то этим самым объявит свою правду". Паны отвечали: "Король на зборовских статьях ни за что с Хмельницким не помирится, и унию уничтожить нельзя, потому что сами униаты на это не согласятся. Дайте, великие послы, обязательство, что если Хмельницкий помирится и мира не сдержит, то царское величество заплатит королю за теперешние военные издержки и поможет на Хмельницкого своими ратными людьми". Послы не согласились дать это обязательство. Тогда паны объявили последнюю меру: если Хмельницкий булаву положит и гетманом не будет, козаки оружие свое перед королем положат и станут просить милосердия, тогда король для царского величества окажет им милость. Несмотря, однако, на эту конечную меру, паны вскоре объявили послам, что король согласен, чтоб они, послы, отправили своего дворянина к Хмельницкому, но послы отвечали, что теперь им этого сделать уже нельзя: они получили весть, что Хмельницкий идет на короля войною вместе с крымскими татарами, чего он не должен был делать, не получивши от них решительного ответа о неуспешности их переговоров; таким образом, Хмельницкий сделался изменником и царскому величеству, и потому они, послы, о Хмельницком больше говорить не будут. Так как король на уничтожение унии не

согласился, за что царь готов был оставить все свои требования относительно прописок в титуле, то послы обратились снова к этим требованиям; паны отвечали, что насчет прежних прописок постановлен сеймовый декрет, вопреки которому сделать ничего нельзя; что же касается новых прописок, сделанных после посольства Прончищева, то король посмотрит, как царь распорядится с собственными подданными, виновными в прописке королевского титула, виновными в пропуске малороссийских козаков через Брянский уезд в Литву на войну, с патриархом, виновным в том, что ставил попов в королевскую сторону. С этим послы и были отпущены.

В то время, как Репнин с товарищами вели эти переговоры во Львове, Хмельницкий угрозою поддаться турецкому султану торопил дело в Москве. Он объявил Сергею Яцыну, посланцу путивльского воеводы князя Хилкова: "Вижу, что государской милости не дожидаться, не отойти мне бусурманских неверных рук, и если государской милости не будет, то я слуга и холоп турскому". 15 июня Яцын приехал в Путивль и сказал, что у гетмана турецкие послы были и еще полномочный посол идет, только присяги ждет. Получивши это донесение, царь послал к гетману стольника Лодыженского с следующей грамотою (от 22 июня): "Мы изволили вас принять под нашу высокую руку, да не будете врагам креста Христова в притчу и в поношение, а ратные наши люди собираются". Хмельницкий отвечал 9 августа: "Пребываем благонадежны на премногую милость, которую нам твое царское величество показать изволил, что не оставлены будем из-под крепкой руки твоего царского величества. Мы иному неверному царю служить не хотим, только тебе бьем челом, чтоб твое царское величество не оставлял нас. Король польский со всею силою ляцкою идет на нас, погубить хотя веру православную. С известием об этом отправили мы к тебе посланца нашего Герасима Яковлева, молясь прилежно пресветлому твоему лицу, чтоб твое великое государство скорою и сильною ратною нам руку помощи послать изволил, а мы мириться не будем с королем до милостивой вести от твоего великого государства". Выговский в то же время писал к думному дьяку Лариону Лопухину: "Татарам уже не верим, потому что только утробу свою насытить ищут".

В августе же отправился в Малороссию подьячий Иван Фомин, который должен был отдать тайно Выговскому грамоты турецкого султана, крымского хана, силистрийского паши, гетманов Потоцкого и Радзивилла к Хмельницкому, ибо все эти грамоты тайно пересланы были Выговским в Москву. За эту службу царь прислал Выговскому 40 соболей да три пары соболей добрых. Фомин так описывает прием свой у Хмельницкого: когда он подал царскую грамоту, то Богдан принял ее честно и учтиво, в печать и в грамоту любезно целовал; распечатавши и прочтя ее сам, опять целовал и среди светлицы на государской милости поклонился в землю и сказал: "Благодарю господи бога и пречистую богородицу, что такой пресветлый великий государь меня, холопа своего, и все Войско Запорожское пожаловал своим царским неизреченным жалованьем". Фомин говорил:

"Божиею милостию великий государь жалует тебя, гетмана Богдана Хмельницкого, и писаря Ивана Выговского и полковников и все Войско Запорожское православной христианской веры, велел вас спросить о здоровье". Гетман отвечал: "На премоной государственной милости я и все войско много челом бьем и, видя такую царского величества премногую милость, служить как богу, так и ему, государю, помазаннику божию, и добра хотеть во всем ради". При этих словах все поклонились низко. Гетману Фомин подал от государя 40 соболей да две пары добрых, значит, меньше, чем Выговскому, которому при гетмане явно дана только пара соболей. Наедине Фомин говорил гетману: "Великий государь тебя, гетмана, и все Войско Запорожское за вашу службу жалует, милостиво похваляет: и ты б, гетман, и все Войско Запорожское и вперед великому государю служили и радели во всем, а служба ваша у царского величества никогда забвенна не будет". Гетман отвечал, что он и писарь и все войско великому государю служить рады, только б великий государь изволил их принять вскоре под свою высокую руку в вечное холопство и своими ратными людьми на ляхов помощь велел дать также поскорее, потому что ляхи уже наступают. "Если б, - говорил Хмельницкий, - царское величество изволил нас принять вскоре и послал своих ратных людей, то я тотчас пошлю свои грамоты в Оршу, Мстиславль и в другие города к белорусским людям, которые живут за Литвою, и они тотчас станут с ляхами биться, и будет их с 200000".

6 сентября отправлены были к Богдану новые посланники: стольник Родион Стрешнев и дьяк Бредихин, объявить, что если поляки по посольству князя Репнина-Оболенского не исправятся, то государь примет козаков. Репнин возвратился и объявил о неудаче своего посольства; тогда 20 сентября послали гонца догнать Стрешнева и Бредихина на дороге и отдать им новый наказ: объявить гетману прямо, что государь принимает его под свою высокую руку, а 1 октября созван был собор из всяких чинов людей, которым объявлено о неправдах литовского короля и присылках гетмана Богдана Хмельницкого с челобитьем о подданстве: "Секретари королевские и воеводы порубежных городов пишут царский титул не по вечному dokonчанию, со многими переменами; а иные злодеи во многих листах писали с великим бесчестьем и укоризною. Отправляемы были к королю великие послы и посланники говорить о государевой чести и просить наказания ее оскорбителям; король Владислав обещал, что вперед этого ничего не будет, но обещание не было исполнено. Мало того: появились в Польше книги, в которых про царя Михаила, отца его, патриарха Филарета, и про самого царя Алексея напечатаны злые бесчестья, укоризны и хулы, также про московских бояр и всяких чинов людей. Государь послал боярина Пушкина просить у короля смертной казни виновным; паны обещали; в другой раз послан был Прончищев требовать исполнения обещания: король Ян Казимир отправил в ответ своих посланников в Москву с сеймовым декретом на обвиненных; но этот декрет постановлен был не так, как требовалось: многие виновные оправданы, а некоторые хотя и обвинены, но прибавлено, что неизвестно,

живы ли они или померли. Снова отправлены были великие и полномочные послы - князь Репнин-Оболенский с товарищами - требовать, чтоб король учинил пристойное исправление; паны радные отвечали, что все это требования пустые, что они постановили декрет против виновных и вперед будут судить оскорбителей царской чести. Больше князь Репнин ничего не мог добиться. Кроме этого неисправления, Ян Казимир ссылается с крымским ханом против Московского государства, пропустил крымского посла чрез свою землю в Швецию; в порубежных местах от литовских людей постоянные задоры. Наконец, в прошлых годах гетман Хмельницкий и все Войско Запорожское много раз присылали, жалуясь на гонение за веру и прося царское величество принять их под свою высокую руку; если же государь их не пожалует, в подданство не примет, то, по крайней мере, вступился бы за них, помирил с поляками. По этой просьбе царь велел князю Репнину ходатайствовать у короля за малороссиян, и князь Репнин потребовал, чтоб поляки исполняли статьи Зборовского договора и возвратили православным церкви их, отнятые униатами, и если король исполнит это, то царь обещал простить всех виновных в умалении его титула. Это требование король и паны поставили ни во что, тогда как Ян Казимир при избрании своем дал клятву не теснить никого за веру и в случае нарушения клятвы освобождал подданных от присяги. Теперь же гетман Богдан Хмельницкий прислал опять посланца своего Лаврина Капусту с тем, что король идет на Украину войною и козаки, не хотя монастырей, церковей божиих и христиан в мучительство выдать, бьют челом, чтоб государь войска свои вскоре послать к ним велел, да чтоб государь велел прислать в Киев и в другие города своих воевод, а с ними ратных людей хотя с 3000 человек и то для тех же государевых воевод, а у гетмана людей много, да к нему же хотел быть крымский хан с ордою, и иные татары уже пришли и стоят под Белой Церковию: да к гетману же присылал турецкий султан звать его к себе в подданство, и гетман ему отказал, надеясь на государеву милость; если же государь его не пожалует, принять не велит, то он станет свидетельствоваться богом, что у государя милости просил много, а государь его не пожаловал; с королем же у них мира отнюдь не будет, будут против него стоять".

Выслушав это объявление, бояре приговорили: "За честь царей Михаила и Алексея стоять и против польского короля войну вести, а терпеть того больше нельзя. Гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами их и землями чтоб государь изволил принять под свою высокую руку для православной христианской веры и святых божиих церковей, да и потому доведется их принять: в присяге Яна Казимира короля написано, что ему никакими мерами за веру самому не теснить и никому этого не позволять; а если он этой присяги не сдержит, то он подданных своих от всякой верности и послушанья делает свободными. Но Ян Казимир своей присяги не сдержал, и, чтоб козаков не отпустить в подданство турецкому султану или крымскому хану, потому что они стали теперь присягою королевскою вольные люди, надобно их принять".

Стрешнев и Бредихин не нашли Богдана в Чигирине: 13 августа из Переяславля он разослал универсалы, призывая народ вооружиться против вероломных ляхов, поднявших на Украину трансильванского князя и волохов. Около Богдана собралось 60000 войска, но старый гетман не знал, куда с ним двинуться: с одной стороны шел на Украину король, с другой - пришла весть из Молдавии, что сын гетманский, Тимофей Хмельницкий, осажден в Сочаве восставшими против его тестя молдаванами, волохами, трансильванцами и поляками. Когда Богдан стоял с своим войском под Борком, пришла к нему другая весть, что Тимофей опасно ранен; старик решил двинуться в Молдавию на помощь к сыну, но пришли к нему полковники и объявили: "Непотребно нам чужую землю оборонять, а свою без остерегання метать, будет с нас и того, что за себя стоять и свою землю оборонять". У гетмана в это время было подпито: он вынул саблю и порубил черкасского полковника Еско по левой руке. Протрезвившись, он поспешил поправить дело: пришел к козакам, поклонился трижды в землю, велел выкатить им бочку меду и сказал: "Детки мои! Напейтесь и меня не подайте!" Козаки отвечали: "Пан гетман! В том воля твоя, а быть с тобою мы все готовы". Хмельницкий выступил в Молдавию, но на дороге встретились ему козаки, вышедшие из Сочавы после сдачи ее неприятелям: они везли с собою гроб молодого Тимофея Хмельницкого. Старику не было теперь более нужды идти в Молдавию; во второй половине ноября вместе с ханом он двинулся на поляков, которые стояли под Жванцем, на берегу Днестра, в пятнадцати верстах от Каменца. Здесь повторилась зборовская история: король с своим малочисленным войском находился в отчаянном положении, но хан спас его, принявши мирные предложения: король обещал ему исправно посылать деньги на основании Зборовского договора и позволил татарам в продолжение сорока дней грабить, разорять и уводить в плен русских жителей в польских областях, не касаясь поляков. Хмельницкого хан уверял, что выговорил для козаков зборовские условия, но Богдан, с которым король не хотел входить ни в какие отношения, поспешил уйти с своим войском в Чигирин, чтоб покончить дело с Москвою.

24 декабря приехал Богдан в Чигирин, где дожидались его московские посланники - Стрешнев и Бредихин, которые объявили, что царь велел принять козаков с городами и землями под свою высокую руку. Гетман 28 декабря отвечал благодарственной грамотою, со всем Войском Запорожским до лица земли низко челом бил: "Ради твоему пресветлому царскому величеству верно во всем служить и крест целовать и по повелению твоего царского величества повиноваться готовы будем, понеже мы ни на кого, только на бога и на твое пресветлое царское величество надеемся". В Москве долго думали, но, надумавшись, спешили решенным делом. За Стрешневым и Бредихиным отправились в Малороссию боярин Бутурлин, окольныйничий Алферьев и думный дьяк Лопухин принять присягу с гетмана и со всего войска. Они выехали из Москвы 9 октября, но за рубеж перешли только 22 декабря, и 23 Бутурлин писал к Стрешневу в Чигирин, спрашивал, виделся ли он с гетманом и как у них дело делалось? В

Малороссии уже знали, зачем идет Бутурлин с товарищами, и потому во всех городах встречали его с торжеством, духовенство - с крестами, мещане - с хлебами. Боярин направлял путь к Переяславлю. 31 декабря за пять верст от этого города выехали к нему навстречу переяславский полковник Павел Тетеря и 600 козаков. Сойдя с лошади, Тетеря говорил Бутурлину речь: "Благоверный благоверного и благочестивый благочестивого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, его государского величества, великий боярин и прочие господа! С радостью ваше благополучное приемлем пришествие, от многого бо времени сердце наше горело бы, в наю слухом услаждаясь, яко со исполнением царского обета грядете к нам, еже быти под высокою великодержавного благочестивого царя восточного рукою православному и преславному Войску Запорожскому. Тем же аз меньший в рабех того Войска Запорожского, имея приказ от богом данного нам гетмана Зиновия Хмельницкого в богоспасаемом граде Переяславле, изшед во сретение ваю, радостное благородием вашим приветствование сотворю и нижайшее со всем войском, в том же граде содержащимся, творю поклонение, а в упокоение труда путного милостей ваших во обитель града Переяславля внити молю прилежно". При въезде в город новая встреча от духовенства с образами и хоругвями, новая речь от протопопа. Тетеря объявил Бутурлину, что гетман хотел быть из Чигирина в Переяславль прежде его боярского приезда, но нельзя переехать через Днепр: по той же причине должен был оставаться в Чигирине и Стрешнев.

6 января 1654 года приехал в Переяславль и Хмельницкий; на другой день приехал писарь Выговский, съехались полковники и сотники. 8 числа утром пришел к Бутурлину Выговский и объявил, что у гетмана с полковниками, судьями и есаулами была тайная рада, и полковники, судьи и есаулы под государеву высокою руку подклонились. После тайной рады в тот же день назначена была явная. С раннего утра начали бить в барабан и били целый час, чтоб собирался народ. Когда собралось много всяких чинов людей, сделали круг пространный, куда вошел гетман под бунчуком, с ним судьи, есаулы, писарь и все полковники. Гетман стал посреди круга, войскоу есаул велел всем молчать, и гетман начал говорить:

"Паны полковники, есаулы, сотники, все Войско Запорожское и все православные христиане! Ведомо вам всем, как бог освободил нас из рук врагов, гонящих церковь божию и озлобляющих все христианство нашего восточного православия. Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь божию, дабы имя русское не помянулось в земле нашей, что уже очень нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить больше без царя. Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь турецкий, который много раз через послов своих призывал нас под свою власть; второй - хан крымский; третий - король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может;

четвертый есть православный Великой России государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными молениями нашими себе просим; тут которого хотите выбирайте! Царь турецкий - бусурман: всем вам известно, как братья наши, православные христиане, греки беду терпят и в каком живут от безбожных утеснении; крымский хан тоже бусурман, которого мы, по нужде в дружбу принявши, какие нестерпимые беды испытали! Об утеснениях от польских панов нечего и говорить: сами знаете, что лучше жиды и псы, нежели христианина, брата нашего, почитали. А православный христианский великий государь царь восточный единого с нами благочестия, греческого закона, единого исповедания, едино мы тело церковное с православием Великой России, главу имея Иисуса Христа. Этот великий государь, царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением православной церкви в нашей Малой России, шестилетних наших молений беспрестанных не презревши, теперь милостивое свое царское сердце к нам склонивши, своих великих ближних людей к нам с царскою милостию своею прислать изволил; если мы его с усердием возлюбим, то, кроме его царской высокой руки, благодетельнейшего пристанища не обрящем; если же кто с нами не согласен, то куда хочет - вольная дорога". Тут весь народ завопил: "Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!" Потом полковник переяславский Тетеря, ходя в кругу, спрашивал на все стороны: "Все ли так соизволяете?" "Все единодушно!" - раздавался ответ. Гетман стал опять говорить: "Будь так, да господь бог наш укрепит нас под его царскою крепкою рукою!" Народ на это завопил единогласно: "Боже, утверди! Боже, укрепи! Чтоб мы вовеки все едино были".

После Рады гетман с старшинами приехал к боярину, который объявил им: "Великий государь, видя с королевской стороны неисправленье и досады и вечному докончанию нарушенье и не желая того слышать, чтоб вам, единоверным православным христианам, быть в конечном разореньи, а церквам благочестивым в запустении и поругании от латинов, под свою высокую руку вас, гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами и землями, от королевского подданства преступлением присяги его свободных, принять велел и помощь вам своими ратными людьми чинить велел. И ты б, гетман Богдан Хмельницкий, и все Войско Запорожское, видя к себе великого государя милость и жалованье, государю служили, всякого добра хотели и на его милость были надежны, а великий государь станет вас держать в своей милости и от недругов ваших в обороне". Выслушав эту речь, гетман и старшины на государевой милости били челом и потом вместе с боярином поехали в карете в соборную церковь. Там уже дожидались их казанский Преображенский архимандрит Прохор, рождественский протопоп Адриан, священники и дьяконы, которые приехали из Москвы. Духовенство встретило боярина и гетмана с крестами и кадилами, пели: "Буди имя господне благословенно от ныне и до века!" Когда все вошли в церковь, то

духовенство хотело уже начать приводить к присяге по чиновной книге, присланной из Москвы; но гетман подошел к Бутурлину и сказал: "Тебе бы, боярину Василью Васильевичу с товарищами, присягнуть за государя, что ему нас польскому королю не выдавать, за нас стоять и вольностей не нарушать: кто был шляхтич или козак, или мещанин, и какие маетности у себя имел, тому бы всему быть по-прежнему, и пожаловал бы великий государь, велел дать нам грамоты на наши маетности". Бутурлин отвечал: "В Московском государстве прежним великим государям нашим присягали их государские подданные, также и великому государю царю Алексею Михайловичу клянутся служить и прямить и всякого добра хотеть; а того, что за великого государя присягать, никогда не бывало и вперед не будет; тебе, гетману, и говорить об этом непристойно, потому что всякий подданный повинен присягнуть своему государю, и вы бы, как начали великому государю служить и о чем били челом, так бы и совершили и присягнули бы великому государю по евангельской заповеди без всякого сомнения, а великий государь вольностей у вас не отнимет и маетностями каждому велит владеть по-прежнему". Гетман сказал на это, что поговорит с полковниками и со всеми людьми, и, вышедши из церкви, пошел в дом к переяславскому полковнику Тетере и долго говорил там с полковниками и со всеми людьми, а боярин все дожидался в церкви. Вошли в церковь два полковника - переяславский Тетера и миргородский Сахнович - и от имени гетмана начали говорить боярину те же речи, чтоб присягнул за государя; Бутурлин отвечал прежде: "Непристойное дело за государя присягать, никогда этого не повелось". Полковники заметили, что польские короли подданным своим всегда присягают; Бутурлин отвечал на это: "Польские короли подданным своим присягают, но этого в образец ставить не пристойно, потому что это короли неверные и не самодержцы, на чем и присягают, на том никогда в правде своей не стоят". Полковники говорили: "Гетман и мы государскому слову верим, только козаки не верят и хотят, чтоб вы им присягнули". Бутурлин отвечал: "Великий государь изволил вас принять под свою высокую руку по вашему челобитью, и вам его государскую милость надобно помнить, великому государю служить и радеть, и всякого добра хотеть, также стараться о том, чтоб все Войско Запорожское к присяге привести; а если какие-нибудь незнающие люди такие непристойные речи и говорят, то вам надобно великому государю службу свою показать, а таких незнающих людей унимать".

С этим полковники пошли назад к гетману; через несколько времени явился сам Хмельницкий и объявил боярину: "Мы во всем полагаемся на государеву милость и присягу по евангельской заповеди великому государю вседушно учинить готовы, и за государское многолетнее здоровье головы складывать рады, а о своих делах станем мы бить челом великому государю". Архимандрит начал приводить к присяге по чиновной книге; гетман, писари и полковники плакали, произнося слова присяги. Потом, когда все старшины присягнули, взошел на амвон благовещенский дьякон Алексей и начал кликать многолетье государю; народ плакал от радости, что наконец сподобил их господь бог быть под государевою

рукою. После всего этого гетман вместе с боярином и товарищами его поехал из собора на съезжий двор в карете, а полковники и народ шли пешком. На съезде дворе Бутурлин вручил Хмельницкому знамя, булаву, ферязь, шапку и соболи, причем, подавая каждую вещь, говорил речь; так, подавая знамя, говорил между прочим: "Царское величество сие знамение тебе, благочестивый гетман, дарует: на сем царском своем знамени царя царствующих всемилостивого Спаса написанного в победу на враги, пресвятую богородицу в покров и преподобных печерских со святою Варварою русских молитвенников в ходатайство тебе и всему твоему православному воинству подавая". Вручая ферязь, говорил: "Благочестивый государь, орла носяй печать, яко орел покрыти гнездо свое и на птенца своя вождеде, град Киев с прочими грады, царского своего орла некогда гнездо сущий хотяй милостию своего государского покрыти, с ним же и птенца своя верные некогда под благочестивых царей державою сущие в защищение свое прияти, в знамение таковые свои царские милости тебе одежду сию дарует". Подавая шапку: "Главе твоей, от бога высоким умом вразумленной и промысл благоугодной о православия защищении смышляющей, сию шапку пресветлое царское величество в покрытие дарует, да бог, здраву голову твою соблюдая, всяцем разумом ко благому воинства православного строению вразумляет".

На другой день, 9 числа, присягали сотники, есаулы, писаря, козаки и мещане. 12 Января пришли к Бутурлину писарь Выговский, войсковой судья Самойла, переяславский полковник Павел Тетеря, миргородский Григорий Сахнович и другие полковники и говорили: "Не изволили вы присягать за великого государя, так дайте нам письмо за своими руками, чтоб вольностям нашим, правам и маетностям быть по-прежнему, для того, чтоб всякому полковнику было что показать, приехав в свой полк; прежде, как бывали у нас договоры с королем и панами радными, то нам давали договор за сенаторскими руками; вы от великого государя присланы с полною мочью, и если вы нам такого письма не дадите, то стольникам и дворянам в города ехать для привода к присяге нельзя, потому что всем людям в городах будет сомнительно. Да писали к гетману из Белой Церкви и из других городов, что татары наступают, и стольникам и дворянам в те города ехать будет страшно". Бутурлин отвечал: "Дело недостаточное, что нам дать вам письмо за руками своими, да и вам о том говорить не пристойно; мы вам и прежде сказывали, что царское величество вольностей у вас не отнимает и в городах у вас указал государь до своего государева указа быть по-прежнему вашим урядникам и судиться по своим правам, и маетностей ваших отнять государь не велит. Теперь надобно вам делать так, чтоб божие и государево дело во всем совершилось по его государскому указу и чтоб стольников и дворян в города послать и в городах всех людей привести к присяге, а если в котором городе татары объявятся, и они в тот город не поедут". Писарь, судьи и полковники спросили: "Долго ли стольникам и дворянам быть в городах наших?" Бутурлин отвечал: "Стольникам и дворянам в ваших городах мешкать не для чего: как только людей к присяге приведут, и они из городов уедут".

Выговский с полковниками пошел сказать об этом гетману и другим полковникам, после чего пришел к Бутурлину миргородский полковник Сахнович и сказал, что гетман и полковники положились во всем на государеву волю. Потом пришла к Бутурлину шляхта и говорила, чтоб шляхта была между козаками знатна и судилась бы по своим правам, маестностям быть за ними по-прежнему, причем подали роспись, где расписали себе воеводства и уряды. Бутурлин отвечал шляхте, что они это делают непристойным обычаем: еще ничего не видя, сами себе пописали воеводства и уряды, чего и в мысли взять не годилось; об этом он, боярин, скажет гетману. Тут шляхта стала бить челом, чтоб гетману не говорить: "Мы так писали от своей мысли, а не по гетманскому приказу, это дело в воле государевой".

14 января Бутурлин с товарищами отправился в Киев; 16 числа за полторы версты от Золотых ворот встретил его с речью митрополит Сильвестр Коссов: "Целует вас в лице моем он, благочестивый Владимир, великий князь русский; целует вас святой апостол Андрей Первозванный, провозвестивый на сем месте велию просияти славу божию, яже ныне вашим пришествием благополучно паки обновляется; целуют вас общему житию начальницы, преподобный Антоний и Феодосий Печерстии и все преподобнии, лета и живот свой о Христе в сих пещерах изнурившие; целуем и мы о Христе ваше благородие со всем освященным собором, целующе ж любовне взываем: внидите в дом бога нашего и на седалище первейшее благочестия русского, да вашим пришествием обновится яко орля юность наследия благочестивых великих князей русских". Сильвестр стал известен в Москве летом 1651 года, когда прислал государю следующую грамоту: "Избран я на митрополию киевскую во время нужное, когда учинилась в нашей Литовской земле нынешняя междоусобная брань; крестьяне, приписанные к церкви св. Софии, пошли теперь в козаки, церкви доходов, послушания и строения от них нет, только надемся помощи от бога и от твоего царского величества. В церкви св. Софии нет книг: двенадцати миней месячных да прологов на весь год, да Феофилакта, да устава большого; а я от многих наездов властелинских, которые властели приезжают в Киев из Польши от панов и от козацких старшин, изнищен до конца, не могу ничего купить. Вели, государь, дать свое жалованье: 12 миней месячных да прологи сентябрьские и мартовские, да Феофилакта, да устав большой, и на меня умилосердись, на одежду теплую пожалуй, чем бы мне зимою согреться". Просьба осталась без исполнения, потому что митрополит не подписался на грамоте своею рукою. Во время последних сношений Хмельницкого с царем о подданстве Сильвестр не отозвался ни разу; в Москве показалось это очень странным: дело идет об избавлении православных от гонения нечестивых латин, Малая Россия соединяется с Великою во имя восточного православия, а митрополит молчит; помнили поведение Иова Борецкого и тем более изумлялись поведению Сильвестра Коссова. Но между положением Иова и Сильвестра была большая разница: Иов держал митрополию во время сильного разгара борьбы между православием и унией, когда новопоставленные архиереи

православные подвергались тяжелым нареканиям и преследованиям; Иов в крайности искал спасения везде, обращался к козакам, обращался к Москве, причем все другие расчеты и соображения были забыты. Но Сильвестр правил церковью совершенно в иное время, когда благодаря Хмельницкому религиозные преследования затихли: правда, католические прелаты не пустили Сильвестра в сенат, зато в Киеве его никто не трогал, в Киеве никто не запирали церковью православных. Прекращение гонений давало простор другим интересам: Сильвестр был шляхтич и потому не мог не сочувствовать шляхетскому государству, а главное, при польском владычестве он был независим, ибо зависимость от отдаленного и слабого патриарха византийского была номинальная, тогда как при подданстве Малороссии московскому государю трудно было избежать зависимости от московского патриарха, которая была уже не то.

После молебна спросил Бутурлин митрополита: "Почему в то время, когда гетман Богдан Хмельницкий и все Войско Запорожское много раз били челом великому государю принять их под свою высокую руку, ты никогда о том не бил челом, не писал и не искал себе милости царской?" Сильвестр отвечал, что он ничего об этом не знал, а теперь за государево многолетнее здоровье и за государыню царицу и за благоверных царевен он должен бога молить. 17 января приведены были к присяге сотники, есаулы, атаманы, козаки и мещане киевские; но когда Бутурлин послал к митрополиту и печерскому архимандриту, чтоб они прислали к присяге шляхту, слуг и всех своих дворовых людей, то получил ответ, что, переговора вместе, дадут знать. На другой день, 18 числа, Бутурлин опять послал сказать митрополиту, чтоб он, служа великому государю, склонял подвластных своих к присяге, не отвращал от нее. Митрополит отвечал, что шляхта, слуги и дворовые люди его не принадлежат к Софийскому дому, служат ему но найму и потому не годится им присягать царю. Послы употребили угрозы, митрополит продолжал утверждать, что шляхта и дворовые люди его вольные, что он их к присяге не вышлет, что в пастве его много епископов и духовенства, которые остаются в литовских городах, что если король узнает о присяге его шляхты и дворовых людей царю, то велит изрубить этих епископов и духовенство, и он, митрополит, обязан будет отвечать за души их богу. При этом Сильвестр никак не хотел видаться с Бутурлиным. Наконец, 19 числа, митрополит уступил, и шляхта его, слуги и дворовые люди, также и слуги печерского архимандрита были приведены к присяге.

В конце января Бутурлин с товарищами отправился назад в Москву. Стольник Головин выехал к нему навстречу в Калугу с государевым милостивым словом и между прочим говорил: "А что было гетман и полковники говорили вам, чтоб за нас, великого государя, учинить присягу, что нам за них стоять и вольностей их не нарушить, и вы, служа нам, великому государю, то у них отговорили и все учинили по нашему указу". В начале марта приехали в Москву посланники Хмельницкого, генеральный судья Самойла Богданович Зарудный и переяславский

полковник Тетеря, бить челом: 1) чтоб в городах урядники были выбираемы из малороссиян, люди достойные, которые должны будут всем управлять и доходы в казну царскую отдавать; если же приедет царский воевода и станет права их ломать и уставы какие-нибудь чинить, то это им будет в великую досаду. Царь пожаловал, велел быть по их челобитью, только прибавлено, что при сборе казны над малороссийскими урядниками наблюдают люди, присланные государем. 2) Чтоб вольно было гетману и Войску Запорожскому принимать иностранных послов; а если б послы эти пришли с чем-нибудь противным царскому величеству, то давать знать об этом государю. Царь указал: о добрых делах послов принимать и отпускать, давая обо всем знать в Москву подлинно и вскоре; послов, пришедших с противным делом, не отпускать до указа царского; с турецким же султаном и польским королем без указа царского не ссылатся. 3) Чтоб число реестровых козаков было 60000. На это последовало согласие. 4) Чтоб по смерти гетмана Войско Запорожское само избирало нового. Государь указал и бояре приговорили: быть по их челобитью. 5) Чтоб права, данные князьями и королями духовным и мирским людям, не были нарушены. Последовало согласие. Хмельницкий выпросил себе у царя город Гадяч с принадлежностями в потомственное владение.

С посланниками гетманскими все было улажено, но вот в том же марте месяце пришла грамота из Киева от воеводы князя Куракина с товарищами: как приехали они в Киев и города Киева со всякими людьми осматривали, где бы построить крепость от прихода польских и литовских людей, и нашли место на горе близ Софийского монастыря, то митрополит объявил им, что он этой земли не уступит и города или острога на этом месте ставить не даст, потому что то земля его, митрополичья, софийская, Архангельского и Никольского монастырей и Десятинной церкви, под его митрополичьею паствою; а если они, бояре, хотят черкас оберегать, то они бы оберегали от Киева верст за двадцать и больше; а если бояре начнут ставить город на том месте, которое выбрали, то он станет с ними биться; хотя гетман со всем Войском Запорожским и поддался государю, но он, митрополит, со всем собором о том бить челом к государю не посылавал, и живет он с духовными людьми сам по себе, ни под чьею властью; и начал митрополит боярам грозить: "Не ждите начала, ждите конца; увидите сами, что над вами вскоре конец будет", и в городском деле отказал впрямь. Тогда воеводы сказали ему, что они его слушать не будут, слушают государева указа, и, поговоря с полковниками и со всякими городскими людьми, начали ставить город на избранном месте. Получивши это донесение от воевод, государь писал Хмельницкому, чтоб он велел ехать митрополиту в Москву - *дать о себе исправленье*. Но гетман вступился за митрополита и велел сказать воеводам, чтоб они на том месте острога не делали, потому что прав церковных и даянья православных князей ломать нельзя. Тогда царь написал к гетману, что он вместо избранной под крепость земли даст митрополиту и церквам другие земли и чтоб митрополит не оскорблялся.

В июле 1654 года приехал в Москву никольский игумен Иннокентий Гизель с товарищами бить челом о подтверждении прав малороссийского духовенства и подал царю грамоту от митрополита Сильвестра, в которой тот оправдывал свое сопротивление крепостной постройке: "Известно буди вашему царскому величеству, то я это сделал не из сопротивления вашему царскому величеству, как некоторые на меня наклеветали, но потому, что земля эта с древних времен принадлежит митрополии и предшественники мои много страдали, защищая ее, и я, преемник их, не захотел этой земли от церкви божией отлучить, ибо и корм только от этой земли мне идет. Вот почему я и спрашивал, есть ли письменное повеление вашего царского величества строить твердыни града на церковной земле; в старину у нас был такой обычай, что, прежде чем приказывать и брать, показывали письменное приказание посланного, но воеводы не имели письменного повеления вашего царского величества. Прости меня, всемилостивый царь! сделал я это ради ревности к месту святому церковному, а не из сопротивления вашему царскому величеству. К тому же и от гетмана Богдана Хмельницкого, теперь нашей земли начальника и повелителя, я имел приказание мимо его указа никому не позволять ничего делать и брать, и я не смел преступить этого приказания, а послал объявить об этом гетману, и как скоро он прислал мне указ, чтоб я позволил строить крепость, то я оставил всякое сопротивление, благословил воеводам строить. А что я не посылал до сих пор посланников моих с челобитьем к вашему царскому величеству, то это происходило не от нерадения моего или презрения вашей пресветлой державы: я хотел немедленно послать, но гетман запретил посылать прежде, чем его посланники от вашего царского величества возвратятся". Хмельницкий в своей грамоте также оправдывал митрополита: "Что прогневалось было твое царское величество на преосвященного пастыря нашего, как будто он разорял дело божие и совокупление православия не принимал, то не верь этому: ибо сколько зла претерпел он за веру и православие святое, и теперь он сильно радуется о мире всего мира, всегда молится и о твоём царском величестве. Изволь преосвященного пастыря и весь собор священный пожаловать, моления их не презреть и прочим клеветам не верить".

Гизель подал статьи, которых утверждения просило малороссийское духовенство; из них важнейшие: 1) чтоб малороссийское духовенство не было изъято из-под власти константинопольского патриарха; 2) чтоб духовные власти удерживали свои должности до смерти, а преемники их поступали бы посредством вольного избрания как духовных, так и мирских людей и чтоб государь москвичей в Малую Россию не присылал на духовные места; 3) чтоб в духовных судах виноватых не отсылать в Великую Россию. Малороссийское духовенство било челом о всех этих правах, но особенно о первой вольности, которая всем вольностям и правам корень, - быть под послушанием константинопольского патриарха. "На этом основании, - говорилось в челобитной, - все наши вольности изданы; если мы не сподобимся пожалования вашего царского величества, то митрополит со всем духовенством сильно скорбеть и унывать начнут, и

другие духовные, которые еще не под рукою вашего царского величества, а только усердно желают этого, видя вашу скорбь, начнут малодушествовать". Решение на эти статьи государь отложил до возвращения своего из похода.

Но, прежде нежели приступим к описанию этого похода, посмотрим, в каких отношениях находился молодой царь к соседним и другим державам.

С Швециею и в первые десять лет царствования Алексея Михайловича продолжались такие же дружеские отношения, какие мы видели в царствование отца его после Столбовского мира. С известием о воцарении Алексея Михайловича отправлен был к королеве Христине гонец Скрыбин в августе 1645 года. Королева царскую грамоту приняла честно и выслушала любительно; гонцу с приезда до отпуски было честно и в кормах довольно. В марте 1646 года отправлены были в Швецию великие послы, окольный Григорий Пушкин и казначей Богдан Дубровский, с подтверждением Столбовского договора, и королева подтвердила договор, несмотря на то, что в царской грамоте имя великого государя было написано с повышеньем, а имя королевы с умаленьем. В 1647 году приехали в Москву поздравить государя с восшествием на престол шведские послы Гилленштерн и Врангель; они объявили, что королева приказала прежнему своему резиденту Крузбиорну ехать в Швецию, а на его место прислала Карла Померенинга. Бояре отвечали, что королевским резидентам вперед быть на Москве нельзя, ибо от них чинятся ссоры многие: Крузбиорн взял займы на королевино имя 3000 пуд селитры, долга не заплатил, а к королеве писал на ссору, что селитру всю отдал, да ему же дано займы 1000 рублей денег, и деньги эти не заплачены; тот же Крузбиорн не платит и своих долгов, продавал запрещенные товары, вино и табак, да и в вечном докончании о резидентах не писано, что им жить в Москве; но, хотя резидентам и не довелось жить в Москве, однако для дружбы и любви с королевою и для ее прошения государь позволяет новому резиденту Померенингу быть в Москве на время; если же он, живя в Москве, станет какие-нибудь дурные дела делать, то великий государь терпеть ему не будет и велит его из Москвы выслать тотчас. В 1649 году окольный Борис Пушкин заключил в Стокгольме знаменитый договор о выкупе перебежчиков, который был поводом к возмущению во Пскове. Чтоб поступок псковичей с Нумменсом не прервал приятных отношений у Москвы с Швециею, в апреле 1650 года отправлен был к королеве гонец подьячий Стараго с уверением, что мятежники, обесчестившие Нумменса, будут наказаны. Христина отвечала, что она надеется, что мятежники будут наказаны, подданные ее вознаграждены и договор исполнен. Договор был исполнен, и приязнь продолжалась: в 1651 году переводчик Яган Розенлинд (Рузенли), присланный королевою, объявил тайно боярину Милославскому, что зимою о Рождестве Христове приезжали в Стокгольм крымские послы: пропустил их чрез свою землю польский король Ян Казимир и прислал вместе с ними от себя иезуита с известием, что он, король, вместе с ханом хотят вести войну с Москвою и

приглашают к тому же королеву. Розенлинд прибавил, что королева велела отказать хану и королю. Царь в июне написал ей в ответ с гонцом своим Головиным, что он принимает это предостережение в приятную любовь и будет воздавать за это своею дружбою и любовью, причем просил, чтоб королева прислала ему грамоты - королевскую и ханскую. Королева отвечала, что грамот к ней не было ни от хана, ни от короля. К Головину в Стокгольме пришли русские торговые люди - новгородец Михайла Стоянов, ладоженин Антон Гиблой и новгородский поп Емельян, приехавший с торговыми людьми, и сказали, что в 1651 году приехал из Ревеля в Стокгольм русский человек в литовском платье, называет себя великородным человеком, Иван Васильевичем, говорит, что хочет ехать к великому государю, а шведы, приходя на русский торговый двор, говорят, будто он роду Шуйских князей, отец его был свезен в Пермь и пострижен насильно; он сам, Иван, говорил священнику Емельяну: "Для чего новгородцы и псковичи великому государю добились челом, вот вас велит государь перевешать так же, как царь Иван Васильевич велел новгородцев казнить и перевешать". Головин отвечал им, что это должно быть вор, подьячий Тимошка Акундинов: он волосом чернорус, лицо продолговатое, нижняя губа поотвисла немного. "Он и есть точь-в-точь", - сказал на это священник Емельян: "Он мне на молитве велел поминать себя Тимофеем, потому что прямое имя ему Тимофей, а прозвище Иван, и никому не велел говорить, что зовут его Тимофеем". Головин послал к Акундинову толмача, которому самозванец сказал: "Зовут меня Иваном Васильевичем, а про род и прозвище ведомо на Москве; ехать к государю в Москву опасаясь, потому что мне на Москве недруги боярин Борис Иванович Морозов да боярин Григорий Гаврилович Пушкин, а за мною большое государево дело и грамоты многие, которые государю годны, у меня есть; чтоб Головину самому со мною повидаться и обо всем переговорить?" Через несколько времени толмач привел к Головину русского человека, который объявил, что зовут его Константином, сын стремянного конюха Евдокима Конюховского, был на Москве в подьячих, сначала в приказе Большого дворца, а после в приказе Казанского дворца; с Москвы съехал с государем своим, князем Иваном Васильевичем Шуйским, тому лет с семь, оставя в Москве мать. Головин сказал ему: "Ты бы, Костка, помня бога и великого государя милость, обратился на истинный путь". Конюховский, пожав плечами, сказал на это: "Милости великого государя было много, только так учинилось", - и, проговоривши это, бросился бежать вон. По наказу Головина священник Емельян и ярославский купец Силин задержали его на русском торговом дворе, в молитвенном амбаре, и дали знать Головину, который пришел в амбар, велел связать Конюховского и отвести к себе на подворье. Но королевины думные люди призвали к себе Головина и сказали ему: "В докончаньи не написано, чтоб, приехав в чью-нибудь землю, хватать людей без приставов!" Головин отвечал: "В этой моей вине волен великий государь и королевино величество, а мне было тому вору спустить не уметь; хотя бы я и смерть видел, и тогда таким вора не спустил бы; а если б я об нем объявил, то он бы из Стекольны ушел". Но

Головину объявили, что королева велит Конюховского освободить и отпустить к боярину его, Ягану Сенельсину, под каким именем Тимошка был прислан из Венгрии от Рагоци; если же этот Сенельсин писался другим воровским именем, то пусть царь ищет его в Венгрии. Головин приехал в Москву с известием, что Тимошка уехал из Стокгольма в Нарву и там посажен в тюрьму. Головин привез с собою перехваченную переписку Акундинова с Конюховским, которому между прочим Тимошка давал следующие наставления: "Искать людей надобных, кого бы можно посылать к Москве и в мое властительство с грамотками к родительке и к сродникам, и к сиротелым деткам, и прочее тайным обычаем шпиговски, или лазутчески. Чиновников, чиновачальников в царствующем Иван-городе и во Пскове, духовных и мирских проведывая имена, совершенно писать ко мне. Про семилетнее странствие ни прибавлять, ни убавлять, вправду всякому обо всем, кому из наших друзей понадобится, сказывать: богу молиться, нашедши отца духовного, долг христианский на себе не держать, но с исправлением богу, сколько возможно, нелицемерно угождать". В одном из писем Акундинов уведомляет Конюховского, что королева обдарила его немалым числом в золоте и серебре деньгами.

Немедленно в сентябре того же года отправлен был в Стокгольм подьячий Яков Козлов с требованием выдачи Тимошки и Конюховского и с жалобою на резидента Померенинга, который ездил безвременно ночью в гости во многие места и, напившись пьян, чинил многие задоры; когда однажды боярин князь Алексей Никитич Трубецкой ехал ночью на пожар, резидент в это же время скакал из гостей пьяный, вынул шпагу наголо, фонарь, который несли перед боярином, разбил, самого боярина хотел поколоть, троих стрельцов, ехавших за боярином, посек так, что двое из них едва живы будут; да он же, Померенинг, прислал в Стрелецкий приказ письмо, в котором царя Михаила Феодоровича именованье написано не по вечному dokonчанию, а то начальное и главное дело обоих государей чести остерегать: "И вашему бы королевину величеству тому Карлу Померенингу учинить жестокое наказанье". Новгородский воевода, князь Буйносов-Ростовский, писал к губернаторам нарвскому и ревельскому с новгородскими купцами, Тетериным и Воскобойниковым, чтоб губернаторы прислали Акундинова и Конюховского к нему в Новгород. Тетерин и Воскобойников узнали Тимошку в Ревеле и, взяв людей у ратманов, схватили его за городом; но ревельский губернатор Оксенштирна взял у них Тимошку, объявив, что без королевина указа не может его им выдать. С жалобою на это в ноябре отправлен был гонец дворянин Челищев. Приехавши в Ревель, Челищев узнал, что Тимошка ушел из-под стражи, и когда гонец настаивал у губернатора, чтоб вора сыскали, то губернатор отвечал: "Давно я вам отказал, что вор Тимошка ушел и сыскать его негде, а больше мне с вами и говорить нечего". В январе 1652 года Челищев отправился из Ревеля в Стокгольм, а в апреле новгородец Микляев поехал в Бранденбург и Любек все по делу самозванца, ибо в Москву дали знать, что он объявился в Прусской земле. 28 мая приехал Челищев из Швеции и привез с собою Костку

Конюховского, который у пытки рассказывал: "Спознался я с Тимошкой, как сидел я в Новой Четверти в подъячих и жил у него. И как его, Тимошкина, мать вышла замуж, а он, Тимошка, затягался со многими людьми и в то время, осердясь на мать свою, начал мыслить, как бы убежать в Литву, и ему, Костке, про то говорил, чтоб им вместе бежать в Литву и там им будет хорошо. И побежали мы с ним в Литву. И в ту ночь, как побежали, Тимошка сына своего и дочь отвез на двор к Ивану Пескову, а свой двор и жену сжег. Побежали мы из Москвы в Тулу, наняв тульского извозчика, из Тулы побежали в порубежные города проселочными дорогами и прибежали в Новгород Северский, откуда отвели нас к королю в Краков. Тимошка в те поры назывался Иваном Каразейским, воеводою вологодским и наместником великопермским, а из Литвы они сошли в Царь-город, и тут Тимошка назывался государским сыном Шуйским. А идучи в Царь-город, оставил Тимошка меня, Костку, в Болгарской земле, и я был тут шесть месяцев, а Тимошка в Царе-городе бусурманился без меня; а из Царя-города Тимошка ушел и был у паны в Риме и сакрамент принимал, а из Рима шли на Венецию, и на Седмиградскую землю, и на иные государства и пришли в Запороги к гетману Богдану Хмельницкому. А назвался Тимошка государевым сыном Шуйским в Царе-городе, потому что он звездочетные книги читал и остроломейского ученья держался, потому что он был нескучный человек и было ему что давать, и в Литве он и досталь тому научился, и та прелесть на такое дело его и привела. А я, Костка, звездочетью не умею и остроломеи не знаю и затем не хаживал. А в том я перед богом грешен и перед государем виноват, что Тимошку слушал и государю изменил с глупости. Печать у Тимошки была у государевой поместной грамоты на красном воску, и с той печати в Риме печать он сделал, вымысля сам собою. А как он приехал к гетману запорожскому и помощи себе просил, и Хмельницкий его у себя держал в чести и хотел ему помогать, и Выговский ему учинился друг большой и также ему помогали к Рагоци венгерскому об нем писал с прошением, чтоб он, Рагоци, ему, Тимошке, помогал и к шведской королеве об нем писал; и Рагоци к шведской королеве писал, и по тому письму шведская королева Тимошке и поверила; а будучи Тимошка в Швеции, принял люторскую веру, а я, Костка, веры христианской не отбыл, папешской и люторской веры не принимал и не бусурманен". После трех встрясок и 15 ударов Костка говорил прежние речи. 10 июня была новая пытка - встряски жестокие и 15 ударов, после чего сказал: "Как Тимошка был в Царе-городе, и он у султана помощи себе просил, ратных людей, хотел идти под Астрахань и Казань, да хотел ему в том помогать астраханский архиепископ Пахомий и дворовые его люди, потому что архиепископ ему давно знаком и дружен, с тех пор как были на Вологде вместе". После этого была другая пытка: встряска и 16 ударов и на огне жгли дважды: говорил те же речи. 14 июня Костка сказал: "Как был Тимошка у Хмельницкого и слышал о псковском смятенье, то начал просить гетмана, чтоб отписать об нем к шведской королеве, и Хмельницкий отказал, потому что у него ссылки с шведскою королевою нет, а напишет

об нем к Рагоци. А мыслил вор Тимошка упросить у королевы, чтоб ему позволили жить в Швеции подле русской границы, чтоб ему, спознавсь и сдружась с пограничными немцами, ссылатся чрез них с псковскими мятежниками. Теперь своему замыслу Тимошка ни от кого помощи, кроме черкас, не чаёт, писарь Выговский ему друг и брат названный, по нем он надежду на черкас имеет. Как был он у Хмельницкого, и в то время, умысля с Выговским, писал к крымскому, чтоб тот принял его к себе, но крымский ничего на это ему не отвечал".

Государь писал к королеве Христине, что выдачу Конюховского он принимает от нее в любовь и против того будет воздавать, в каких мерах будет возможно, но давал знать, что главный вор, Акундинов, выпущен из Ревеля нарочно, потому что самому ему уйти никак было нельзя; кроме того, во время поимки Конюховского в Ревеле, шведы бросали на Челищева камнями, чтоб отбить Конюховского, и гонец из Ревеля едва уехал. Этим сношения с Швециею по поводу Акундинова кончились, ибо узнали, что вор скрылся в Голштинии. С требованием его выдачи отправились туда подьячие Шпилькин и Микляев; герцог Фридрих отвечал, что не выдаст самозванца до тех пор, пока не будет возвращена ему запись о персидской торговле, данная в 1634 году Крузиусом и Брюгеманом, также все подлинные письма, касающиеся этого дела. Запись и грамоты были немедленно отправлены, и Тимошка привезен в Москву. Говорят, что Тимошка хотел лишиться себя жизни, бросившись с телеги под колеса, но это ему не удалось, и его привязали к телеге. В Москве он объявил, что расскажет все одному боярину Никите Ивановичу Романову, но распорядились иначе.

28 декабря 1653 года Тимошка в застенке у пытки сказал: "Вину свою государю приношу и объявляю: я человек убогий, а отец мой и мать какие люди, того не упомяну, потому что остался мал. Когда я с молодых лет жил у архиепископа вологодского Варлаама, то архиепископ, видя мой ум, называл меня княжеским рождением и царевою палатою, и от этого прозвания в мысль мою вложилось, будто я впрямь честного человека сын. После того стал я проживать у дьяка Ивана Патрикеева и сидел в Новой Чети в подьячих, и был мне Иван Патрикеев друг большой и сберегатель и со мною обо всем советовался, и беды свои я ему сказывал, и все мое умышление он ведал. И как над Иваном Патрикеевым беда учинилась, и я стал тужить и от страху из Москвы сбежал в Литву и. будучи в Литве, назывался Иваном Каразейским. Когда некоторые государевы люди начали меня уличать, называть холопом дьяка Патрикеева и убийцею брата своего, то архиепископ вологодский Варлаам и дьяк Патрикеев прислали в Литву свидетельственное письмо, что я не холоп Патрикеева, но лучше его самого и брата своего не убивал". На вопрос, кто его научил называться Шуйским князем, отвечал: "Отец мой Демка". Тут привели мать Тимошкину, монахиню Степаниду; взглянув на Тимошку, она сказала: "Это мой сын!" Тимошка долго молчал, потом спросил монахиню: "Как тебя зовут?" "В мире, - сказала она, - звали меня Соломонидкою, а теперь в монахинях -

Стефанида". Тимошка сказал: "Эта старица мне не мать, а матери моей сестра родная, а была до меня добра, вместо матери". У монахини спросили: кто был ее муж? Она отвечала: "Муж мой был Демидка, его, Тимошкин, отец, торговал сперва холстами, а после жил у архиепископа Варлаама; Тимошка родился у меня на Вологде, и ему теперь 36 лет". После этого Тимошку четвертовали.

Сношения с другим скандинавским государством, с Даниею, не заключают в себе никакой важности; замечательнее были сношения с Англиею.

В Англии с известием о восшествии на престол Алексея Михайловича к королю Карлу 1 отправлен был в 1645 году гонец Герасим Дохтуров. Когда корабль, на котором ехал Дохтуров, приплыл к Гревезенду, то гонец встречен был купцами от имени компании, торгующей с Россиею, перевели Дохтурова в судно с чердаком, покрытым красным сукном, и повезли по Темзе в Гринвич с торжеством, при выстреле из 16 пушек. Дорогою Дохтуров расспрашивал купцов: король их Карл теперь в Лондоне или в другом каком-нибудь городе? Купцы отвечали: король теперь в Лондоне не живет, а где теперь король, о том им подлинно неизвестно, потому что у них с королем война большая года с четыре и больше; вместо короля Лондоном и всею Английскою и Шотландскою землею владеет парламент, изо всяких чинов выбраны думные люди. Дохтуров спросил: за что у них междоусобие и война с королем начались? Как давно у них начали владеть думные люди, из какого чину выбраны и сколько их человек? Купцы отвечали: "У нас война с королем началась за веру: как женился король наш у французского короля на дочери, а веры она папешской, то королева и короля привела в свою папешскую веру; по ее велению король учинил арцыбискупов и иезуитов, и многие люди, смотря на короля, приняли папешскую веру. Да, сверх того, король захотел владеть всем королевством по своей воле, как в других государствах государи владеют, а здесь искони земля вольная и прежние короли ничем не владели, а владел всем парламент, думные люди. Начал было король все делать по своей воле, но парламент этого не захотел, арцыбискупа и иезуитов многих казнили, и, видя король, что парламент начал владеть по своему обычаю, как искони повелось, а не по королевскому хотению, выехал из Лондона с королевою сам, никто его не высылал, а сказал, что поехал гулять в другие города; выехавши из Лондона, королеву отпустил во Французскую землю, а сам начал воевать, но парламентская сторона сильнее. В парламенте сидят в двух палатах; в одной палате сидят бояре, в другой - выборные из мирских людей, из служилых и торговых; в парламенте сидят с 500 человек, а говорит за всех один речник".

В Гринвиче гонца встретили от имени Английского королевства бояр и всяких чинов думных людей и повезли в Лондон опять в богато убранном судне. В Лондоне у гонца спросили: "От царского величества к парламенту с тобою грамота и приказ какой есть ли?" Дохтуров отвечал: "К парламенту грамоты и приказу никакого нет, пусть парламент отпустит меня к королю

немедленно, пристава, корм и подводы мне даст, да велел бы парламент мне быть к себе, и я стану говорить им самим". Парламент долго не давал ответа, отговариваясь тем, что зашли воинские дела многие, сидят беспрестанно, готовят собрание большое ратным людям. Наконец, 20 декабря, парламент велел объявить Дохтурову: "Парламент тебя к королевскому величеству не отпустит, чтоб царского величества имени порухи не учинилось и на дороге над тобой от воинских людей какого дурна не было, да и потому не отпустит, что за королевским величеством тех людей, которые торгуют в Московском государстве, никого нет, вся компания за парламентом, а не за королем. Пишет к парламенту король беспрестанно о мире и хочет быть в Лондон, и как скоро он в Лондон приедет, то тебе идти к нему будет вольно, если же король в Лондон не будет, то парламент отпустит тебя на первых кораблях с великою честью". Но Дохтуров не захотел дожидаться и потребовал отпуска домой через Голландскую землю. Гонца не отпустили, и 8 мая 1646 года он узнал, что король сдался парламенту. Тогда гонец опять обратился с требованием, чтоб его к королю отпустили, потому что теперь король в их руках. Ему отвечали: "Хотя король и у парламента в руках, однако тебя к нему отпустить нельзя, потому что он ничем не владеет". Владующий парламент хлопотал, чтоб сохранить с московским государем прежние дружелюбные отношения. Компания предложила гонцу обед в своем доме; гонец отказался на том основании, что его к королю не отпустили; тогда ему предложили устроить обед у него на квартире. Дохтуров согласился. На обеде лорд Страффорд и член парламента Флеминг говорили гонцу: если царскому величеству нужны будут служилые люди, то у парламента для царского величества сколько угодно тысяч солдат готово будет тотчас. 13 июня Дохтуров был в парламенте: бояре, сидя, шляпы сняли, и начальный человек, боярин милорд Манчестер, встал, когда гонец подошел к нему, потом и все встали, человек их сорок, и Дохтуров говорил речь: "Послан я от великого государя к вашему английскому Карлусу королю в гонцах наскоро для великих государских дел, которые годны им, великим государям, и всему христианству к тишине и покою. Приехавши в здешний город Лондон, с 26 ноября по нынешний день говорил я вам беспрестанно и проезжую царскую грамоту вам казал много раз, чтоб вы меня к королевскому величеству пропустили; и вы меня из Лондона не отпустили ни к королю, ни к царскому величеству, а во всех окрестных государствах царским послам, посланникам и гонцам путь чист". Манчестер отвечал: "Почему мы тебя в Лондоне держали и к королевскому величеству не отпустили, о том к царскому величеству писали мы подлинно". После этих слов Манчестер сказал Дохтурову: "Добро пожаловать сесть!" Поднесли кресла, обитые красным атласом, по атласу шито золотом и обнизано жемчугом. Гонец сел в кресла, сели и бояре; Дохтуров стал рассматривать палату: посередине палаты, возле стены, место королевское, поставлены кресла, обитые красным бархатом, низанные жемчугом с камнем, на креслах подушка - бархат золотной, по стенам - ковры золотные, а по полу - ковры цветные. Посидев немного, бояре встали, и милорд Манчестер,

взявши у секретаря лист, сказал гонцу: "Как будешь у великого государя, извести ему, что мы, здешнего королевства бояре, ему, великому государю, челом бьем и о том просим и молим: дай бог ему, великому государю, многолетнее здоровье". Взявши грамоту, Дохтуров хотел выйти, но Флеминг взял у него грамоту и сказал: "Не подосадуи, пойдн со мной в другой парламент, где сидят всяких чинов выборные люди от всего королевства, 420 человек; у нас так повелось: наперед объявят и отдадут лист бояре, а потом отдадут в другом парламенте от всего королевства всяких чинов выборные люди". Дохтуров отправился в другой парламент: как вошел в сени, встретили его с державою королевства, а держава серебряная золоченая, сделана фонарем, и понесли державу в палату перед гонцом. Когда Дохтуров вошел в палату, все встали и шляпы сняли; а сидит парламент по ступеням - на все четыре стороны вверх по шести ступеней, а посередке на низу за столом сидит речник Ленталь, который за всех говорит. Гонец сказал и речнику такую же речь, какую говорил лордам, за чем последовала такая же церемония, как и в верхнем парламенте. 23 июня гонец был отпущен.

Вследствие известий, привезенных Дохтуровым, у английских купцов отнято было право беспошлинной торговли. В мае 1647 года приехал в Москву посланник Карла I Нейтингаль, объявил о неволе королевской и о том, что Карл доволен наложением пошлнны на компанию и что англичане будут рады уничтожению компанейской монополии, когда всем будет позволено торговать с Россиею. Нейтингаль просил также позволения купить для короля 300000 четвертей хлеба, но ему позволили купить только 30000 четвертей. Но в то же время приехал другой английский посланник, Бонде, с королевскою грамотою, в которой Карл просил государя возвратить компанин прежнее право беспошлинной торговли. С Бонде отправлен был ответ, что пошлнна положена по причине крымской войны и за многие неправды английских купцов, которым, впрочем, убытка не будет, ибо они увеличат цены на свои товары. В феврале 1648 года приехал в Москву из Гаги от королевича Карла (впоследствии Карла II) полковник Кроа с просьбою позволить купить в России сорок тысяч четвертей хлеба, а хлеб нужен королевичу потому, что он идет в Хибирьскую землю (Ирландию) на выручку к отцу своему - королю Карлу, а Хибирьская земля от хлебного недорода оскудела. В том же году приехал опять Нейтингаль от самого короля Карла с новою просьбою о покупке хлеба. Но один из приехавших с Нейтингалем англичанин объявил, что грамота королевская, привезенная Нейтингалем, подложна, писана в Лондоне, а король, запертый на острове Вайте, ничего об ней не знает; собак, которых Нейтингаль привез в подарок от короля, купил он в Лондоне, ошейники медные с выбитыми на них словами *Карлус король* заказывал он в Лондоне же, а деньгами, сукнами и другими товарами для покупки хлеба хотели его ссужать друзья его, королевские дворяне, да лондонец торговый человек Гарвей, все люди самые богатые. Английские купцы-компанейцы также подали челобитную, что Нейтингаль не прямой посланник. Нейтингаль был призван в Посольский приказ, где

дьяки ему объявили, что государь над ним милость показал, смертью казнить за его воровство не велел, а велел из Московского государства выслать назад без дела. Нейтингаль не хотел оставаться в долгу у компанейцев и подал боярину Милославскому донос, что они, сердясь за уничтожение льготной грамоты, хотят на военных кораблях прийти под Архангельск и ограбить русских торговых людей. Нейтингалья после этого отпустили как посланника, а 1 июня 1649 года английским купцам был сказан известный уже нам государев указ, по которому они лишались права жить во внутренних городах государства.

Весною 1650 года приехал в Москву граф Кульпепер, посол нового английского короля - Карла II. 14 мая в ответе у бояр посол сказал, что король велел ему объявить: три королевства - Английское, Шотландское и Ирландское - волнуются; король Карл I убит, но сын его Карл II хочет отомстить изменникам за смерть отца своего, войско у него конное и пешее изготовлено. После этого объявления посол подал на письме подробное изложение дела: "Три короны - Английская, Шотландская и Ирландская - по истинному утвержденному уложению не избирательные, но вотчинные и природные, и никакого спору об этом прежде не было. Покойный король владел этими коронами праведно после кончины отца своего, короля Иакова, по прямому праву, по старой степени, от многих предков; две палаты парламента стоят только по королевской помете, по его произволенью, король может их созвать и распустить, а нынешний парламент держится обманом и насилием; большая часть королевства от его тяжких налогов вздыхает и сильно желает возвратиться к прирожденному королю". Потом посол просил о возвращении английским купцам прежней льготной грамоты и о денежной помощи государю своему, просил 100000 рублей. Царь отвечал Карлу: "Слыша про такое злое и страшное дело, что учинилось над отцом вашего королевского величества от подданных его изменников, слыша, что теперь те же изменники и в вашем королевском достойном наследии помешку и непослушанье чинят и войну ведут, жалостно скорбим и, памятуя отца нашего с вашим дедом и нашу с отцом вашим братскую дружбу, любовь и ссылку, желая вашему королевскому величеству получить свое достойное наследие и над изменниками победы и одоления, дали мы вашему послу Джону Кульпеперу соболей на 20000 рублей". Кульпепер дал крепость за своею рукою и печатью, что Карл II через три года заплатит эти 20000 рублей, или 40000 любских ефимков, сполна и за такое милостивое вспоможенье должен вечно воздавать всякою любовью. Потом Кульпепер просил, чтоб соболей отпущено было только на 10000 рублей, а на другие 10000 дано было хлеба; но государь велел отпустить 15000 мехами и пять - хлебом, именно 5000 четвертей ржи, считая по два любских ефимка за четверть.

Были сношения и с другим поморским государством - Голландиєю. В 1646 году к Генеральным Штатам и к принцу Генриху Нассаускому отправился в послах стольник Илья Данилович Милославский. Штаты представили послу жалобы: 1) на двойные пошрины, наложенные на голландских

купцов. Милославский отвечал, что пошлина наложена на всех, иностранцев и русских, для пополнения ратных людей: "И вам бы, честным владетелям, того в оскорбление не ставить; те пошлины ваши подданные разложат на товары свои и возьмут их на русских людях; убытка им от этого никакого не будет". 2) Штаты жаловались, что купцам их не дают праведного суда на должников. Милославский отвечал: "Такой неправды у великого государя никто не делает; разве кто затеял это на ссору". 3) Жаловались на убийц и разбойников. Милославский отвечал: "Означьте по именам убийц и разбойников и кого именно из ваших подданных убили и разграбили". 4) От воевод многие доуки чинятся: берут у купцов товары, будто купить хотят, и, взявши, не отдают, а иные платят деньги, сколько им вздумается. Милославский опять спросил: кто такие воеводы и голландцы, били ли челом государю на таких обидчиков? Потом посол стал жаловаться в свою очередь: по указу царя Михаила велено голландцу Филимону Филимонову (Акеме) и Петру Марселису делать всякое железное дело в Тульском уезде и на Ваге и русских людей тому делу научать; и он, Филимон Филимонов, с товарищами мимо договора чинил многие неправды, припускал к себе в товарищи иноземцев без царского указа и русских людей никакому железному делу учить не велел, велел мастерам от них скрываться и надобных железных дел в 14 лет на тульском заводе не завел, пушки ставил в казну многим немецкого дела хуже, на сроки не поставили, а лили в то время свои пушки на заморскую статью для своей прибыли. Штаты отвечали, что Петр Марселис гамбурец, а не голландец, об Акеме же они не знают, где родился и жил и теперь где живет, и дела им до него никакого нет. У Акемы и Марселиса отняли завод, который взял один Виниус, обязавшись ставить в казну вещи дешевле прежнего. Но потом Штаты заступились за Акему, а датский король - за Марселиса и просили государя пересмотреть дело, потому что на Акему и Марселиса подан ложный донос. Доносчиком был товарищ их, знаменитый Андрей Виниус, который после подал челобитную, что Акема и Марселис сильно бранят его. Марселис отвечал, что он в этом не запирается, бездушником и бездельником Виниуса называл, потому что он таков на самом деле, а у них, иноземцев, в обычае: который человек во многих статьях объявится неправдою и неправда его всем людям будет ведома, то его добрым человеком не называют, ни в чем его не почитают и добрых слов про него не говорят. Виниус шел дальше, объявил: "Акема и Марселис говорили, что я хочу креститься, и потому они со мною не хотят ни пить, ни есть; шлюсь я на всех голландцев торговых людей, что они, Петр и Филимон, меня лаяли и бесчестили, шельмою и бездушником называли и про крещение такие слова говорили". Акема слался также на всех голландцев, что он про Виниуса ничего не говорил, а Марселис - что он про крещение ничего не говорил, и в свою очередь жаловался на Виниуса, что он бесчестит его позорными словами. Свидетели показали, что Акема и Марселис Виниуса бранили, но о крещенье ничего не говорили. Защищаясь от других статей доноса, Акема и Марселис показывали, что они по договору вовсе не были обязаны учить русских, а только не скрывать от

них своего мастерства, что ими исполнено, и в том шлются на всех русских работников; утверждали, что никаких других товарищей к себе в компанию не принимали; утверждали, что они ставили в казну все заказные вещи; обвиняют их в том, что они дощатого железа и лат не делали, но они до сих пор, несмотря на все свое старание, не могли добыть кузнеца, который доски кует; что же касается до лат, то латный мастер несколько лет был, но так как от царского величества ему работы никакой не было, то его и отпустили назад за границу; пушки всегда доставляли хорошие, лучше привозных, и в том шлются на пушкарей. Дело кончилось тем, что Акеме и Марселису велено дать с Виниусом очную ставку (торг) в Пушкарском приказе, и на этой очной ставке они убавили цены связному железу против Виниусова договора, а пушки, ядра и доски согласились ставить по той же цене, как и Виниус. Вследствие этого государь пожаловал их тульским железным промыслом со всякими заводами на 20 лет с первого сентября 1648 года безоброчно и беспошлинно, быть промыслу за ними и их наследниками до урочных лет бесповоротно.

Но тульский завод не мог удовлетворить всем потребностям военного дела: в августе 1653 года, решившись начать войну с Польшею, государь отправил в Голландию и другие государства капитана Фан-Керк-Говена для покупки карабинных и пистолетных замков и для призыва мастеров, которые бы могли их делать; а в октябре отправлен был в Голландию подьячий Головнин с просьбою позволить ему купить по обыкновенной цене 20000 мушкетов и 20000 или 30000 пудов пороху и свинцу. Просьба была исполнена Штатами. Такого рода закупки оружия в Голландии повторялись не раз в продолжение войны. Закуплено было и в Швеции 20000 мушкетов. Кроме того, еще Милославскому наказано было прибрать в Голландии офицеров и солдат, что он и исполнил, сделавши смотр прибранным; описание этого смотра любопытно: "Майор Исак фон-Буковен, капитаны и солдаты пришли на посольский двор к смотру: Филипп Алберт фон-Буковен выходил с мушкетом и с пиками, с капитанскою и солдатскою, стрелял из мушкета и штурмовал пикою и шпагою различные штуки и по досмотру *добр добре*. Вилам Алим по досмотру *добр*, Ефим вахмистр по смотру *умеет*, Яков Рокарт *умеет*, Юрий Гариох по смотру *средний*, и майор фон-Буковен говорил, что Гариоха с капитанской чин не будет: как ему неученых людей солдатской справке выучить и к бою привести? Он и сам ратного строя ничего не знает. Послы Майоровы речи велели записать и ему, майору, к тем речам велели руку приложить. Яков Стюарт выходил с мушкетом, штурмовал и стрелял, и застрелил трех человек, толмача Нечая Дрябина да двух солдат немцев, у Нечая да у немчина испортил по руке, да на всех на них прожег платье, за пикую солдатскую приняться и штурмовать не умел и по смотру *худ добре*, а майор фон-Буковен говорил, что Гариох в капитаны, а Стюарт и в солдаты не годится". Солдаты, числом 19, все оказались годными.

Перед началом польской войны государь счел нужным известить об ней и французского короля. В конце 1653 года отправился с этим извещением гонец Мачехин. В Гавре Мачехину в корме и подводах отказали, и он поехал в Париж на своих проторях, жил в Сен-Дени 8 дней и только 24 октября 1654 года въехал в Париж в королевской карете. В Париже отвели ему двор и дали корм, но приставы объявили, что, прежде чем допустят его к королю, он должен быть у королевы и у графа де-Бриена, потому что король в молодых летах и всякие дела ведаёт и слушает королева, а посольские дела приказаны графу де-Бриену, который, досмотря грамоты и подписи, сполна ли королевского величества именованье и титуло написано, докладывает королю. Мачехин никак не согласился быть прежде у де-Бриена и 30 октября представлялся прямо королю Людовику XIV, который при его входе в палату встал и шляпу снял, потом сел и спросил о здоровье царя; Мачехин заметил, что про здоровье великого государя спрашивают вставши; Людовик отвечал: "Про государево здоровье я спрашивал, шляпу снявши, а того у нас не ведётся, что стоя спрашивать", но, сказавши это, встал и переспросил о здоровье. "Кроме грамоты, - спросил король Мачехина, - есть ли с тобою царского величества приказ о каком-нибудь деле?" Мачехин отвечал: "Присланы со мною для подлинного ведома польские печатные книги, которые покажу в то время, когда королевское величество царскую грамоту выразумет". Король обещал грамоту выслушать и книги велел досмотреть своим думным людям. Когда Мачехин выходил из палаты, королевские дворяне сказали ему, что он должен идти теперь к королевской матери. "За каким делом?" - спросил Мачехин. "Королева царскому величеству обрадовалась и велела быть к себе", - отвечали дворяне. Мачехин пошел к королеве Анне. "С каким делом ты прислан к королю?" - спросила Анна. "Прислан я от царского величества к королевскому величеству с любительною грамотою об их государских великих делах и грамоту подал королю", - отвечал Мачехин. Королева сказала, что рада присылке грамоты, и Мачехин, поклонясь, вышел из палаты. Король велел сказать Мачехину чрез графа де-Бриена: "Я царского величества грамоту прочел сам, любительной грамоте этой обрадовался и рад быть с великим государем в братстве и дружбе вечно; хочу также, чтоб царское величество с польским королем был в мире, потому что у них государства смежны". С этим Мачехин и был отпущен.

По поводу войны польской сочли нужным возобновить и сношения с Австрией, прерванные при царе Михаиле. В 1654 году отправлен был к императору Фердинанду III дворянин Баклановский с известием о восшествии Алексея Михайловича на престол и с объявлением о неправдах короля Яна Казимира, которые вынуждают царя идти войною на Польшу. "И если, - писал царь в грамоте к императору, - Ян Казимир король станет у вас или у курфюрстов просить против нас помощи, то вы бы ратных людей и никакой помощи ему не давали и к курфюрстам о том же написали, а мы станем вам за это воздавать нашею государскою любовью, в чем будет возможно". Посланнику по старине было наказано: "Если велят идти к императрице, то отговариваться; если же отговариваться будет

нельзя, то идти и от государя поклон править. За столом у цесаря сидеть вежливо и остерегательно; дворянам и подьячим и посольским людям приказать накрепко, чтоб они сидели за столом чинно и остерегательно, не упивались и слов дурных между собою не говорили, а средних и мелких людей в палату с собою не брать, чтоб от них пьянства и бесчинства не было". Баклановский привез ответ, что цесарь хочет быть в третьих меж царем и королем польским и третейством своим мирное постановление учинить, зачем шлет в Москву своих послов.